

8С(Кар)
к12

273781-6

Н. М. Кагиева

СУДЬБА СТРАНЫ—

СУДЬБА ТВОЯ

ЧЕРКЕССК
1973

И. М. КАГИЕВА

СУДЬБА СТРАНЫ— СУДЬБА ТВОЯ

Очерк творчества

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СТАВРОПОЛЬСКОГО КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЧЕРКЕССК — 1973.

8с(кар)

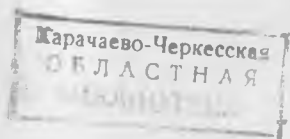
к 12

Назифа Магометовна Кагиева родилась в ауле Каменноост Карачаевского района Карачаево-Черкесии. Окончила филологический факультет университета. Член КПСС. Кандидат филологических наук, член Союза журналистов СССР.

Ею написаны книги: «В поисках...»—статьи и очерки о карачаевской литературе; «Халимат Байрамукова»—очерк творчества; «Звезды не гаснут»—повесть; «Твоим именем назову», куда вошли повести «Гора с горой не сходятся», «Голубые скалы», «Почему Кубань течет вспять?», рассказы и миниатюры, написанные стихами в прозе.

Данная книга посвящена творчеству известного карачаевского писателя Османа Хубиева.

Научный консультант
доктор филологических наук, профессор Х. Х. ХАПСИРОКОВ

273781-1

© Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1973.

„Молнии высекаются небом...“

Если у народа спросить, кто он такой, то народ как документ представляет своего ученого, писателя, художника, композитора, политического деятеля, полководца.

Расул Гамзатов

В горах песню любили, как сына, берегли, как дочь. Ее пели на свадьбах, на радостных торжествах, пели, когда рождался ребенок; песня приходила и в дни горя, после похорон джигитов, погибших в неравной борьбе с врагами народа, она всюду сопровождала горца, от колыбели до могилы... Словом, без песни не проходило ни одно событие в жизни народа.

Карачаевский народ имеет древние богатые традиции образной поэтической речи. Не знавшие грамоты горцы с незапамятных времен владели большим искусством слагать и петь песни, воспринимать на слух мелодии, запоминать их. Под влиянием образного стиля песни у джырчы (народных певцов) была выработана примечательная патетическая манера исполнения. Это мы замечаем как традицию у народных певцов Карачая — Аппа и Касбота, а также у первых карачаевских поэтов-профессионалов, на творчество которых благотворно повлияла песня, созданная под влиянием шума горных рек, шелеста зеленых листьев, запаха альпийских лугов, полета орла...

На традициях песни родилась и письменная литература, с неё начали свой творческий путь первые кара-

чаевские поэты. Рождались новые имена поэтов, появлялись первые книги на родном языке.

Революция принесла народу не только свободу, но и культуру и письменность. Народ запел вслух, запел вдохновенно, ощущая свою мощь. Известно, что в те годы страна испытывала трудности во всем: мало было рабочих рук, продовольствия, не хватало оружия продолжать борьбу с врагами, отстаивая великие завоевания революции. Но, несмотря на это, советская власть открывала школы, обучала детей и взрослых грамоте. Ведь победа Октябрьской революции явилась и началом культурной революции. Ее проведение было далеко не легким делом в отсталых окраинах, с неграмотным населением, где отправления культа веками забивали народу голову религиозным дурманом, где он подвергался жестокой эксплуатации со стороны власти имущих. В такое время народу нужна была революционная боевая песня, несущая в себе идеи борьбы за новую жизнь, рассказывающая о том, что такое революция, что она дала горцам. И как бы в ответ на зов времени, появлялись песни-лозунги, песни-призывы, близкие и понятные трудовому люду. Они продолжали традиции народной поэзии, обретшей новое качество.

На долю первых поэтов Карачая выпала большая честь — рассказать о значении революции, служить целям политического просвещения масс, вести борьбу за торжество идей революции. Такие произведения еще до их публикации становились достоянием широких масс трудящихся.

Среди первых карачаевских поэтов были: известный сатирик, народный певец Калай Улу Аппа (Аппа Джанибеков, 1864 — 1934) и народный поэт Багыр Улу Касбот (Касбот Кочкаров, 1834—1940). Вскоре после по-

беды Великой Октябрьской социалистической революции первый из них произнес:

Джер болуб эди башы туюне,
Власт келгенлей, бурду туюне.

Земля (мир—Н. К.) была перевернута
вниз головой,
Власть (советская—Н. К.) пришла и
повернула правильно.

(Подстрочный перевод—Н. К.)

А второй, Касбот, признав Октябрьскую революцию днем своего нового рождения, восторженно запел:

Я прожил сто лет, но сегодня вновь
Обрел свою Родину, счастье, любовь...

(Перевод В. Торопецкого.)

В эти годы основным родом карачаевской литературы была поэзия. Исса Каракотов, Азрет Уртенев, Абидат Боташева, Асхат Биджиев, Хасан Бостанов, Даут Байкулов и др. представляют собой первое поколение профессиональных поэтов Советского Карачая.

В их творчестве, представленном главным образом гражданской лирикой, лиро-эпическими поэмами, нашли отражение те преобразования, которые происходили тогда в Карачае.

Во второй половине 30-х годов в литературу вступают Магомед Урусов, Тохтар Борлаков, Осман Хубиев, Халимат Байрамукова и др. Они как поэты формируются уже в годы строительства социализма. К этому времени карачаевская литература достигла некоторых ус-

дехов и ее достоянием становится опыт предшествующего поколения. Время, несомненно, обусловило особенности тематики, настроения творчества молодых поэтов. Одной из характерных тем для их творчества, как и для всей советской поэзии второй половины 30-х годов, становится тема защиты Родины, тема беззаветной преданности и готовности до последней капли крови защищать «Завоеванный в боях социализм». В стихах этого поколения поэтов раскрывается также и мысль о духовном единстве народов страны Советов, мысль пролетарского интернационализма, но уже в более широком диапазоне и в более углубленной разработке данных тем.

Ко второй половине 30-х годов относятся и первые печатные выступления Османа Ахияевича Хубиева, чье имя в 50-е годы стало уже одним из самых популярных среди карачаевских читателей.

Осман Хубиев по яркости и многообразию таланта, по значительности созданных им произведений, по духу общественной устремленности и неутомимым художественным поискам в карачаевской литературе не имеет себе равных. Однако широта и многогранность литературной деятельности Хубиева еще не является достаточной мерой его таланта. Творчество большого писателя — это прежде всего крупное явление культуры того народа, представителем которого является данный художник. В произведениях Османа Хубиева отразились наиболее значительные периоды жизни родного народа, оно интересно не только с точки зрения внутреннего его развития как писателя, но и с точки зрения эволюции всей карачаевской литературы, постепенного движения ее к широте и полноте выражения эпического характера, раскрытия образа современника, философии его души.

Интересно проследить, какие стороны литературы 20-х—30-х годов получают свое развитие в творчестве ведущего карачаевского поэта и писателя на современном этапе, как воздействует литературная атмосфера многонациональной советской литературы на литературу карачаевскую, в частности, на творчество крупнейшего ее представителя — Османа Хубиева.

Талант Османа Хубиева — в противоположность своим предшественникам и современникам — преимущественно эпический. Каждая новая книга его свидетельствует о всё более широком выражении эпического начала, о полноте проявления творческой индивидуальности.

Первая книга^{1*} стихов Османа Хубиева вышла в 1936 году под редакцией известного карачаевского поэта Азрета Уртенова. Но самым ярким проявлением таланта писателя тех лет была публикация его первой повести «Абрек»². В этом произведении, проникнутом ощущением полярности мира трудящихся и баев, умело использован выразительный прием контраста, хорошо передан напряженный драматизм взаимоотношений двух миров: мира, отвергнутого революцией, и мира нового, рожденного в огне классовых битв.

Молодой прозаик впервые в карачаевской литературе пишет о том, как труженик становится хозяином не только собственной судьбы, но и руководителем аула. Батрак Азрет не хочет больше нести кабальную службу у бая, уходит в абреки и мстит богачам, а в дни революции и гражданской войны он борется с врагами новой жизни, потом руководит аулом.

В тот период О. Хубиев, публикуя в периодической

* Ссылки на источники см. в конце книги (примечание).

печати многочисленные рассказы, очерки, статьи о жизни и труде горцев, выступает и как страстный популяризатор произведений русских и советских писателей: он пишет о жизни и творчестве Т. Шевченко, К. Хетагурова, Л. Толстого, А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Чехова, В. Маяковского, Яна Райниса, Ш. Руставели, Г. Тукая, М. Горького, С. Вургунa и многих других, переводит на родной язык их произведения.

В 1938 г. публикуется баллада «Могила партизана», в которой Хубиев с большой впечатляющей силой рассказал о борцах за дело революции. Последующие произведения поэта вошли в поэтические сборники «От чистого сердца», «Искры», «Сердце поет», «Споем вместе», «Зори Кубани», «Свет дружбы», «Первые шаги» и др.

В 1957 г. выходит на русском языке его первая книга стихов «Время»³, посвященная в основном историко-патриотической теме. Большое общественное звучание получили стихи «Рассвет над морем», баллада «Могила партизана», «Голубь», «Моя отчизна» и другие. В книгу вошли стихи о Родине, партии, мире, о земле, человеке, есть стихи и в жанре философского раздумья, выражающие поэтическое, жизненное и общественное кредо поэта. Но о чем бы ни писал поэт, какую бы тему ни затронул, он всегда остается ярким и самобытным лириком, лириком философского уклона. Область общественной роли человека, место человека в борьбе за справедливость, за настоящую жизнь, борьба за коммунистические идеалы — это та область, где Хубиев приобрел свое подлинное поэтическое «я». Здесь он чувствует себя наиболее органично, естественно. Но поэзия О. Хубиева, как бы она ни была проникнута ярким лиризмом, какую бы интимную сторону чувств человека она ни воспевала, никогда не замыкается в личных думах и пе-

реживаниях. В лирику его всегда врываются, как в отчий дом, большие жизненные темы. Заслугой его лирики является то, что в ней показан человек как целостная личность во всей ее сложности, в ней отображается поэтическое выражение духовного мира современника. О. Хубиев отверг поэзию пассивную, описывающую и повествующую, он создал поэзию-исповедь, передающую напряженную духовную жизнь общественно активного человека: «Руки отдадим свои и жизни Родине, когда она в беде», — говорит поэт, борясь за человека, сильного душой и телом, преданного Родине, готового в любую минуту принести в жертву все ради счастья Родины.

Стремясь поднять поэтический уровень своих стихов, Хубиев учитывал творческий опыт своих предшественников и всей многонациональной советской поэзии, опыт богатейшего фольклора родного народа. В эти годы поэт был увлечен творчеством передовых поэтов страны. «Тихоновым, Твардовским я увлекаюсь давно: нас сближает не только единство патриотических чувств, но еще и какое-то постоянное внутреннее родство меня влечет к ним, да и возрастом мы с ними близки», — говорит поэт. Осман изучал творчество и крупнейших представителей мирового искусства, изучал разрабатываемые ими жанры, структуры их произведений, художественные приемы, образность, единство мысли и чувств, свойства их произведениям.

Учитывая опыт лучших мастеров слова, опираясь на традиции родного фольклора, Осман Хубиев сумел своеобразно соединить в своем творчестве национальное и интернациональное, традиционное и новое.

В 1959 г. выходит первая книга известной трилогии Османа Хубиева «Аманат». В ней автор с большим мас-

герством повествует о героизме советского народа в годы Великой Отечественной войны, о превращении всех советских людей в силу, которая в самых тяжелых испытаниях смогла противостоять немецко-фашистским варварам. Советский народ, закаленный в горниле тяжелых физических и духовных испытаний, был един в своем стремлении — отстоять Родину во что бы это ни обошлось.

Вторая книга «Аманат» издается в 1963 году, а третья — в 1965 г. Последнюю книгу трилогии автор посвящает теме новой семьи, морали, теме места женщины в обществе, показывает труд советских людей в развитии животноводства, борьбу аульчан с пережитками прошлого в сознании людей.

Появление в свет романа «Аманат», первой трилогии в истории карачаевской литературы, первого крупного произведения, показывающего героизм советских людей в годы Великой Отечественной войны, было большим и радостным культурным событием.

Большой сборник стихов и поэм «Ант» («Клятва») О. Хубиев издает в 1963 г., а через три года, в 1966 г., увидела свет новая повесть писателя — «Адамла» («Люди»). В ней автор с присущим ему мастерством повествует о высоких моральных качествах советского человека. В 1969 г. писатель дарит своим читателям роман о первых просветителях, о сложном пути горской интеллигенции. Это роман «Бессонные ночи», тепло встреченный, как и повесть «Люди», читателями и критикой. В год своего 50-летия писатель выпустил книгу прозы и поэзии «Мурат» («Мечта»). 1971 год принес читателям новый роман писателя — «Дерт» («Мечь»). Остроконфликтный роман «Мечь» явился новым свидетельством о незаурядном таланте автора.

Итак, мы бегло рассмотрели творческую биографию крупнейшего карачаевского писателя. Однако деятельность О. Хубиева не ограничивается только литературным творчеством. Он также известный общественный деятель. «Роль общественной и литературной деятельности Османа Хубиева для объединения и активизации сил карачаевских писателей и поэтов в 50--60-х годах равноценна роли Азрета Уртенова в 30-е годы».⁴

Осман Хубиев пишет и учебники для школ области, составляет литературные сборники и редактирует произведения молодых писателей. Много сил отдает он воспитанию молодого поколения карачаевских прозаиков и поэтов. Он автор многих популярных песен.

За успехи в развитии литературы области писатель был награжден орденом «Знак почета». Осман Хубиев — член Ставропольского краевого комитета защиты мира, член президиума Комитета по культурным связям со странами Востока, на общественных началах — Уполномоченный Литфонда РСФСР по Карачаево-Черкесии.

Начав свой творческий путь как прозаик и поэт, Осман Хубиев стал известным в обоих жанрах. В каждом из них он дает образцы самобытно-яркого национально-го искусства. Его романы, повести, стихи и поэмы получили широкую известность в народе. Он внес много нового в современную карачаевскую литературу.

Воздействие творчества Хубиева на развитие нашей литературы чрезвычайно велико. Своими произведениями он дал яркий пример сочетания высококачественного содержания с выразительной художественной формой. Принципы, которые берет Осман Хубиев в основу своих произведений (патриотизм, творческое восприятие народной жизни, жизненная правда, высокая идейность, партийность, страстность, пафос борьбы за человека по-

вого общества, за человека высоких идеалов и т. д.), становятся традициями современной карачаевской литературы. Карачаевские поэты и прозаики Азрет Семенов, Дагир Кубанов, Азамат Суюнчев, Мусса Батчаев, Хусей Джаубаев, Магомет Чотчаев, Ахмат Кубанов, Сослан Байчоров, Сеит Лайпанов, Хамит Кипкеев и др. идут, в основном следуя традициям Османа Хубиева.

Борьбу за светлое сегодня и за новое будущее советских людей Хубиев сделал основной темой своих произведений. Он посвятил ей все то лучшее, что им написано в течение почти сорока лет. Писатель, сделавший так много для развития родной литературы, как никто другой из карачаевских литераторов, и сейчас полон сил и энергии. Он постоянно работает с молодыми. Без его участия не проходит ни одно совещание, собрание, посвященное анализу вышедших в свет произведений, он первый читатель и первый слушатель рукописных произведений молодых карачаевских авторов, он постоянно там, где слово служит народу, где слово творит подвиги, где слово должно вдохновлять людей на новые свершения.

Интерес к слову у О. Хубиева с каждым годом возрастает все больше и больше. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы читателей и критики на произведения Османа Хубиева, читательские конференции и встречи писателя с трудящимися, дискуссии по его произведениям, письма к автору и издателям...

Творчество Османа Хубиева неотделимо от истории становления карачаевской литературы. Около сорока лет писатель участвует в развитии нашей поэзии и прозы. Осман Хубиев, сам выходец из трудовой семьи, с первых дней своей творческой деятельности неразрывно связал себя с жизнью родной страны, с идеями

Великого Ленина, с борьбой партии и народа за защиту завоеваний Октября.

Еще в сороковые годы О. Хубиев становится в ряды известных карачаевских писателей. Его творчество с первых шагов развивается в русле традиции родного фольклора, лучших образцов первых карачаевских поэтов, он один из тех, кто стоял у истоков карачаевской прозы. Свою повесть «Абрек» он писал в те же годы, когда Хасан Аппаев⁵ работал над первым карачаевским романом «Къара кюбюр» («Черный сундук»). Характеризуя О. Хубиева как поэта, А. Караева пишет о его раннем творчестве: «Но гораздо важнее для истории карачаевской литературы первые шаги О. Хубиева в прозе. Он начинает там, где остановился Х. Аппаев, обращается к послереволюционной действительности, воссоздает живые черты современника».⁶

Осману Хубиеву присущи черты крупного художника: широта и многогранность интересов. В истории карачаевской литературы проза Османа Хубиева занимает особое место. Его романы «Аманат», «Мечь», «Бессонные ночи» во многом определили пути дальнейшего развития всей карачаевской литературы.

„Тот уголок земли, где ты увидел мир...“

Тот уголок земли, где ты увидел мир, где сделал свой первый шаг, всегда должен быть для тебя самым лучшим на свете.

Эдуардас Межелайтис

Теберда — один из изумительных уголков нашей Родины, зовущая к себе сильных и смелых, умеющих видеть и понимать неопишемую красоту природы, родина могучих и красивых рек, озер с поэтическими названиями: Къара-кёль, Туманлы-кёль, Бадукъ-кёлле (Бадукские озера), Азгек-кёль, Муруджу-кёль⁷, в водной глади которых любуются, соперничая между собой, лилово-синие горы и лазурное небо. Грозные, величаво-таинственные ущелья, чудо-водопады, ледники, стройные сосны и стыдливые березы...

Нежно-грустные крокусы, шафраны, цветы рододендрона, эдельвейсы и множество сказочно нежных цветов растут в горах Теберды, как бы извиняясь перед «чудом мира» — женьшенем, нашедшим здесь свою Родину... Очаровательную красоту природы Теберды горы оттеняют от ласкового дыхания Черного моря, расположенного по прямой от Домбайской поляны на расстоянии около 60 километров.

О красоте Теберды можно сказать словами С. М. Кирова, большого друга горцев, человека, покорившего своим обаянием сердца простых людей и очарованного

природой Кавказа: «Какой простор! Какая очаровательная красота во всех этих снежных гигантах, мощно возвышающихся к небу! Какое разнообразие цветов и тонов этих скалистых утесов бесконечной цепи гор, теряющихся где-то далеко-далеко... Как глубоко все это трогает душу и сердце человека! Им овладевает такое чувство восторга, описать которое — сверх человеческих сил...»

Теберда веками славилась не только своей красотой, но и своими людьми: острословами, танцорами, музыкантами, певцами... Карачаевцы издавна называют жителей Огъары Теберди (Верхняя Теберда) «Чамхы», что означает — мастер красивого, меткого слова. Здесь, в ауле Верхняя Теберда, 17 февраля 1918 г. в семье скотовода Ахьи Хубиева родился мальчик, будущий карачаевский поэт и прозаик Осман Ахияевич Хубиев. Тут он окончил сельскую школу. Школьный учитель Адей Тамбиев, большой знаток родного фольклора, восточной поэзии заметил способности мальчика, всячески одобрял его начинания, часто читал другим детям первые стихи Османа. Осману посчастливилось быть учеником и известного карачаевского поэта и просветителя Исмаила Акбаева, человека светлого ума и яркого таланта. «Он много говорил о родной природе, о богатстве и красоте родного языка, читал нам свои стихи, заботился о каждом из нас, был внимателен ко всем. Он был первым, кому я читал свои стихи. Исмаил был чутким и отзывчивым. Он много видел, много знал, много помнил и все это старался передать нам», — вспоминает поэт.

Обстановка в семье также способствовала развитию поэтических склонностей мальчика. Отец Османа, Ахья, любил фольклор, любил живую душу народа, знал много песен, легенд, увлекался музыкой. Он был сыбызгы-

чы, играл на сыбызгы⁸. «Отец очень хорошо играл на сыбызгы. Это мне помогло потом, когда я стал поэтом. И сейчас, когда я слышу шум реки, горного леса, шелест трав, мне кажется, что это играет отец на сыбызгы», — рассказывает Осман. Мать поэта была впечатлительной, очень чуткой к окружающей природе, к музыке. «Мать любила петь. Она и в последние годы, несмотря на старость, пела, любила песню. Целые зимние вечера, сидя за какой-нибудь работой, она пела. Пела задушевные песни, инары, пела о земле, о джигитах... Я был старшим в семье и, помню, постоянно находился в окружении песни и музыки», — говорит поэт, вспоминая свое детство.

В детстве Осман лазил по горам, купался в быстрых горных реках, ездил на неоседланных осликах, потом садился на коня; затаив дыхание, слушал сказки, сказания о нартских богатырях, песни о мужестве и смелости земляков: Ачей Улу Ачемеца, Къара-Муссы, Къанамата, Татаркъана и др., которые вступали в единоборство с ханами, чужеземными захватчиками и выходили победителями. Мальчик прилежно учился в школе, но, сидя на уроках, с упоением фантазировал на темы прекрасных легенд.

Теберда прославилась не только своими джырчы, острословами, но и своими славными сынами, жизнь которых была отдана борьбе за счастье народа.

Мать поэта часто пела о Солтан-Хаджи, которого царские чиновники и карачаевские богачи сослали в Сибирь. Еще в детстве Осман пытался сложить об этом герое стихи. Образ народного заступника является к нему то в облике нарта, то в образе аланского богатыря или современных ему военачальников. Всюду он был с мальчиком. Юный Осман твердо усвоил: нигде в мире

нет такого лазурного неба, таких сосен, бирюзовых рек, изумительных горных пейзажей, чарующих песен, чудесной земли, где так много было прекрасного, как в родной Теберде. И об этом надо было говорить во весь голос. И Осман стал писать...

Большую роль в развитии поэтических склонностей О. Хубиева сыграли первые поэты Карачая — Азрет Уртенев и Асхад Биджиев.

Асхад Биджиев, врач по профессии, поэт по призванию, читал первые стихи Османа. «Он послушал меня, потом поздравил и сказал: «Такие стихи можно читать...» Это вдохновило меня. Я стал много писать, много читал, посещал кружки. Писал о комсомоле, о партии, о колхозных делах. Много рисовал. Близкие думали, что я стану художником».⁹

К Осману часто приходили аульчане, особенно женщины, с просьбой сделать рисунок кийиза (войлочный ковер). И мальчик не отказывался. Рисовал оленей красноармейцев (буденовцев) на коне. Женщины переносили все это на кийиз, получалось красиво и оригинально. Они радовались, радовался и юный Осман, когда ему говорили: «Бог даст, ты станешь большим человеком, суратчы (художником)...»¹⁰ И стал он им, только вместо кисти в руках оказалось перо...

В 1934 г. в газете «Къызыл Къарачай» появляется первое стихотворение Османа «Къызыл Аскер» («Красная Армия»). С этого времени имя Османа Хубиева часто встречается на страницах местной печати: он публикует стихи, очерки, рассказы, переводы из произведений классиков и других литератур, пленивших его воображение. И вот в 1936 году Осман выпустил свою первую поэтическую книжку «Комсомол джырла». В нее вошло четырнадцать ученических стихотворений. Книжка бы-

273781-8

ла одобрительно встречена читателями, старшими товарищами по перу. Как было сказано выше, ее редактором был известный карачаевский поэт Азрет Уртенев. Но сам поэт считает стихи, вошедшие в «Комсомольские песни», слабыми: и это естественно, потому что у автора еще не было ни жизненного, ни поэтического опыта. Восторженность, одностороннее ликование современной поэту действительностью, рассудочность преобладали над подлинной поэзией. Героями стихов были красноармейцы, комсомол, колхозная жизнь. И все они были однообразны, похожи друг на друга, схематичны. Автор еще не умел облекать в поэтическую форму то, что его волновало, он умел видеть, но не умел выражать свои мысли в поэзии. Но Осман вошел в историю карачаевской литературы не только как поэт. Его талант многогранен. Хубиев еще тогда стал известным как автор повести «Абрек», печатавшейся на страницах газеты «Къызыл Къарачай». Повесть была посвящена теме гражданской войны. Героем ее был молодой парень Азрет, бывший батрак, участник гражданской войны, первый председатель аулсовета, один из активных строителей социализма в Карачае. «Абрек» (Азрет — Н. К.) — это уже новый для карачаевской прозы тип человека — борца и организатора, своими руками создавшего новую жизнь.¹¹

Герой повести в прошлом был пастух. Годами гнул спину на бая. После победы Великой Октябрьской социалистической революции Азрет становится свободным. Он принимает активное участие в борьбе за завоевания Октября, всем своим существом предан новой власти. И его, неграмотного горца, не надо агитировать за советскую власть. Он сам увидел, осознал, сравнил и пришел к выводу: новая власть — это власть народа, больше

он никогда не будет бесправным, угнетенным. И когда враги молодой советской республики хотели задуть ее, Азрет с оружием в руках становится в ряды ее защитников.

В повести сильно и своевременно звучат социальные мотивы. Через образ главного героя автор затрагивает тему борьбы народов советской России против интервенции, что делает книгу созвучной с героическими днями Великой Отечественной войны. Эта нить потом будет развиваться во многих произведениях О. Хубиева, особенно в эпосе «Аманат», о чем нам еще предстоит говорить особо.

Повесть «Абрек» является дальнейшим развитием тех жизненно важных тем и проблем, которые волновали молодого писателя (проблема положительного героя из народа, преемственность революционных традиций, критика феодального прошлого и т. д.), и в ней они нашли свое отражение.

Создавая образ бывшего батрака Азрета, ставшего страстным сторонником революции, защитником ее завоеваний, О. Хубиев стремился ответить на призыв М. Горького — давать фигуры сильные, яркие, зовущие вперед.

Повесть отличается острой для литературы тех лет современностью, ей свойственна большая обобщающая сила и художественное своеобразие.

«Прошел месяц. Из соседнего аула приехал гонец и сообщил, что большевики продвигаются к горам. В тот вечер кое-кто из аульчан, поверив небылцам Науруза (эфенди аула — Н. К.), взяв какое-либо оружие, скрылись в горы. А там, среди диких скал, в темном лесу собирались обездоленные для борьбы вместе с большевиками против богачей. Все новые и новые силы влива-

лись в отряд Азрета. Над суровыми горами, завывая в ущельях, гулял горный ветер. Начиналась гроза...»¹²

Сохранив в поле зрения непроходящее, общее, автор уловил характерные для эпохи изменения, осмыслил их и создал произведение, в котором художественно представил картину тех лет. Надо помнить и то, что повесть писалась молодым автором в то время, когда легко было ошибиться, принять случайное за закономерное или, напротив, недооценить того, что на самом деле овладевало умами и сердцами горцев. Молодой прозаик, руководствуясь единственно верными марксистско-ленинскими эстетическими принципами, создает произведение не только небывалое в истории карачаевской литературы, но и огромного внутреннего масштаба, философского наполнения. Конечно, можно было бы это значительное историческое событие довести до мелкозлободневного уровня, подменить масштабность помпезностью. Ведь почти все бедные горцы были пастухами у богатых, всем бедным приходилось работать на бая, всем им хотелось другой жизни. Чем же еще можно было заниматься у богатого скотовода бедному, как не быть его батраком?..

А после революции все эти бывшие батраки освободились, и когда нависла угроза над завоеваниями освободившей их от рабства революции, эти люди пошли защищать свою революцию. Автор здесь был первопроходцем, впереди у него в родной литературе никого не было.

Нам могут возразить, напоминая о существовании первого карачаевского романа «Къара кюбюр» («Черный сундук»). Да, есть сейчас такой роман в карачаевской литературе, но нельзя забывать то, что оба произведения создавались одновременно, в один и те же го-

цы. «Абрек» публиковался на страницах газеты, а «Черный сундук» вышел отдельной книгой.

О. Хубиев пришел в литературу своим путем, с обостренным восприятием жизни. Отсюда — столь яркие и мужественные краски новой жизни, почти осязаемая радость бытия, придающие характер острой новизны его стилю, языку, образам его произведений. Новое проявляется и в душевном складе героев.

Стойкость и воля к борьбе за лучшее, за свое человеческое достоинство приводят героя повести Азрета к тому, что он становится абреком, вольным человеком, борцом. Он годами живет в холодной пещере, но не сдается. Он знает о русской революции и с надеждой ждет ее гонца в горах, верит, что борьба русских трудящихся разбудит и их братьев в горах.

Большую моральную победу над трудным временем одерживает и возлюбленная Азрета — Нурсият. Она знала, что ее любимый ушел в абреки для того, чтобы бороться с теми, кому он гнул спину. Богачи пустили слух, что Азрет убит. Нурсият борется за свое человеческое счастье. А оно возможно лишь тогда, когда Азрет сможет стать свободным, а свободным он может стать только тогда, когда в ауле не будет богатых, преследующих смелого абрека, а богатых не станет тогда, когда придет новая жизнь. Так думала Нурсият, пока однажды в лесу случайно не встретила своего друга.

В отдельных случаях автор прибегает к некоторой романтизации образов Азрета и Нурсият, в основе реалистических. Удивителен по точности и психологической глубине и финал повести. Азрет, которому доверили аульчане свою судьбу, избрав его председателем аулсовета, проработав некоторое время, уезжает. Аульчанам говорит, что едет учиться, на самом деле он прос-

то уходит. Он открыто сознает, что ему, неграмотному, нельзя управлять аулом. Интуиция гражданина помогает Азрету увидеть прежде всего свои недостатки. И он лишает себя покоя и расстается с родным аулом, как бы трудно ни было ему.

Повествовательной манере Хубиева свойственна лаконичность и лирическая емкость. Просто, сжато показывает события, происходящие в те же годы, которые развиваются с большой драматической напряженностью. Благодаря удивительной меткости, точности каждого слова, каждого эпитета достигается яркость, пластичность изображения и вместе с тем ясно обрисовывается внутренний облик героев. Этому способствуют и живые диалоги (например, выразительный диалог в лесу при встрече Мариям и Нурсият с Азретом):

«— Здравствуйте, девушки! Почему так долго ходите в лесу?

Девушки не узнали Азрета. Они думали, что это пастух.

— Мы пришли погулять,—проговорила Нурсият,—и тебе совсем нет до нас дела.

— Да,—проговорил мнимый пастух,—это верно, что мне нет дела до вас, но я хлопочу для вас же. В лесу ходит много разбойников и абреков.

— Что же, нам всю жизнь сидеть на коше? Нам тоже хочется пойти в горы, подышать чистым воздухом, по мечтать...

— Интересно знать, какие это разбойники появились в горах?—спросила Нурсият.

— Что же, вы разве не знаете Азрета, сына Туарчи, который уже пять лет скитается в здешних местах? Это очень опасный разбойник, и ему на глаза опасно попадаться,—ответил Азрет.

— Нет,— сказала Нурсият,— хотя Азрет вот уже пять лет не показывается в ауле, но он не разбойник. И если бы я сейчас увидела Азрета, разговаривала бы с ним веселее, чем с тобой.

— И ты говоришь правду, Нурсият?

— Уверяю тебя, если бы такое счастье выпало на мою долю, моей радости не было бы конца!— вскричала Нурсият.

— Найдется, Нурсият, и ты рано или поздно увидишь своего Азрета.

— Не верится что-то.

— А ну, смотри сюда!

Только сейчас Нурсият, внимательно присмотревшись к мнимому пастуху, заметила, что он не похож на пастуха-соседа. Она медленно подошла к нему и затем с криком «Азрет!» хотела броситься ему на шею, но... не осмелилась.

— Милая моя Нурсият,— задыхаясь, проговорил Азрет.— Вот где мы, наконец, с тобой встретились!

От избытка чувств Нурсият не могла говорить. Она неотрывно смотрела в лицо Азрета, заросшее темной густой бородой. По лицу ее струились слезы радости и мелкими алмазными каплями падали на грудь. Наконец, успокоившись, она заговорила:

— Мой Азрет! И откуда ты только появился, как долго тебя не было видно! И все время беспокоилась о тебе, не спала ночами. Кто говорит, что ты погиб, кто говорит, что тебя поймали, повесили в лесу. Эфенди Науруз все время кричит, браня тебя, а бедняки в ауле с гордостью произносят твое имя. Они говорят, что ты бесстрашный джигит, что ты заботишься о бедняках и жалеешь их.

— Да, Нурсият, злые люди всегда говорят о нас

плохое. Но меня нелегко поймать. На лихом коне, с меткой винтовкой в руках я — как ветер горный. Я нашел себе безопасное место, и до меня трудно добраться.

— Тяжела твоя жизнь, Азрет. Скажи, долго ли она будет так продолжаться? Ни минуты покоя, ни друзей, ни знакомых. Возвращайся назад, Азрет!

Азрет на это ответил поэтично:

— Нет, Нурсият! Спать на пуху я не привык. Мне мягче пуховой подушки мое боевое седло.

— Лучше жить в суровых горах, чем влачить жалкую жизнь раба.

— Ты ошибаешься, Нурсият. Мне не нужна дружба убийц.

— А настоящих, хороших друзей у меня много. — И, посуровев, заключил: — Все те, кого угнетает Науруз, кто ненавидит его — мои друзья и защитники. Это делает меня бодрым и решительным. Подожди немного, Нурсият, и ты увидишь другое.

— Ты что-то скрываешь от меня, Азрет!

— Нет, я не скрываю, а просто не могу сейчас сказать тебе, потому что все равно ты мне не поверишь. Носятся слухи, что в далекой России бедняки подняли восстание против богачей.

— Об этом говорят и у нас в ауле. Говорят, что появились какие-то большевики, что они все на своем пути уничтожают.

— Это неправда, Нурсият. О них я много слышал. Это бедные люди поднялись против власти богачей, чтобы свергнуть их иго и с боем завоевать себе право на радостную и счастливую жизнь.

— А вот эфенди Науруз говорит, что как только

придут в аул большевики, они будут людей живьем закапывать в землю, а сакли сжигать.

— Если придут сюда, то Наурузу и другим богачам жизни не будет. Но бедных они не тронут, оудь то карачаевцы, черкесы или абазины. Они счастье им несут. А вот богатых они не пощадят.

— Да, но Наурузу многие верят. Его единомышленники говорят, что не пустят большевиков на карачаевскую землю.

— Ничего, Нурсият. Вот когда они придут, тогда посмотрим. Народ скоро все поймет сам.

Снизу донесся нежный голос Марям:

— Тай, тай!¹³

— Ах, встревожилась Нурсият, — Марям осталась одна, и она, наверное, боится. Ну что же дальше, Азрет?

— Иди, Нурсият, а я пойду в свою пещеру и буду ждать.

— Азрет! Мой милый Азрет, — вскричала Нурсият, — постой! Скажи, когда еще придешь? Увижу ли я тебя еще? Время тревожное. Опасное... Только счастливицы могут уцелеть.

— Не умирать, а жить, Нурсият, надо! Я еще не знаю, что готовит мне судьба, но если я буду жив, завтра опять приду сюда. Тебе незачем подвергать себя риску. Знай, Нурсият, что где бы ни был, что бы со мной ни случилось, я вечно буду помнить о тебе, ты всегда будешь в моем сердце...

— Не торопись, Азрет! — со слезами сказала она. — Кроме Марям здесь никого нет, да и она нас не видит.

— Милая Нурсият! Мы уже долго пробыли здесь, и твое отсутствие могут заметить. Да и мне пора.

Там, в пещере, остались мой конь и винтовка, и мне надо идти.

— Ну, завтра придешь?

— Приду, Нурсият, обязательно приду! А вот это тебе от меня на память, это когда мне делать нечего было, пробовал свое мастерство,—и Азрет протянул ей свежевыструганную деревянную ложку.

— Твой подарок для меня дороже драгоценного камара¹⁴, и я буду хранить его, пока ты не вернешься.

— Ну, пора, Нурсият!—И с этими словами Азрет скрылся в кустарнике».

Следуя традициям молодой советской прозы при изображении психологии борца, Осман Хубиев проявил себя в повести самобытным художником и в обрисовке образов простых тружеников, и в показе жизни аула, и в изображении внутреннего мира горца тех лет.

Повесть «Абрек» — один из первенцев карачаевской прозы, а Осман Хубиев — один из тех, кто стоял у истоков ее зарождения. В 1935—1938 годах эта повесть печаталась на страницах периодической печати.

В основу повести легли события, имевшие место в Большом Карачае. В народе много говорилось о смелом абреке Наурузе.—Хаджирет-Наурузе, как называли его в горах. Науруз Лепшоков был сыном состоятельных родителей, гордым и смелым человеком. Он ушел в абреки и свою трудную и опасную жизнь посвятил народу. Науруз угонял скот богачей, раздавал их беднякам. Вихрем налетал он на обозы местных баев и любовался, как «сильные мира сего», словно куры от ястреба, разбегались по кустам при появлении Хаджирет-Науруза. Науруз Лепшоков в годы гражданской войны, принимая активное участие в

борьбе с белогвардейцами, в одиночку сражаться с ними и в горах, где он знал каждый кустик, каждый пригорок, каждую тропинку, истребил большое число солдат и офицеров из стана врагов революции¹³.

В своей книге Осман Хубиев поставил цель — показать образ абрека, ставшего на сторону революции, принявшего активное участие в гражданской войне, погом в строительстве социализма, создать типических представителей участников гражданской войны, показать дух тех пламенных лет. Автор лично знал Хаджирет-Науруза, любовался его богатырской внешностью, восхищался его умом и физической силой. Но свое внимание писатель сосредоточил не на портретных данных абрека и не на внешних событиях гражданской войны. О. Хубиева больше интересуют характеры героев произведения. Повесть последовательно рисует цепь эпизодов, показывающих, как формируются лучшие качества представителей революции, подвергающихся разнообразным испытаниям, как они постепенно проявляют себя в практической деятельности в огне революционной борьбы.

Сюжетное движение повести «Абрек» основано на конфликте между старым, обреченным на гибель кулацким миром и новым социалистическим строем. Это несоответствие развивается в двух направлениях, в двух планах: красные конницы, в числе которых находится и бывший батрак Азрет, ведут непримиримую борьбу с белогвардейщиной, отстаивая завоевания Октября. Конфликт между обреченным на гибель эксплуататорским строем и восставшими против него отражается и в среде тех людей, которыми пришлось руководить Азрету после победы над интервентами.

В «Абреке» О. Хубиеву удалось с большой силой

художественной правды передать освободительный характер Октябрьской революции, ее значение для судеб ранее забитых народов. Это можно проследить на образе главного героя повести. Революция победила. Победил народ, люди стали не только свободными, но и приобрели возможность строить общество без эксплуататоров. Но тут-то герой обнаружил и другое, обнаружил с болью то, что ему не хватает элементарных знаний. Смелый абрек, доблестный воин революции, который, не страшась ничего, налетал на белоогвардейцев, осознал это. Он никогда в жизни не держал перо, но теперь, когда пришлось руководить людьми, целым аулом, он вынужден признать, что находится не на своем месте. Раньше ему казалось, что революция — это вечный бой, вечная победа с кинжалом в руках. А о том вечном и нужном оружии, которым должна вооружить революция умы и сердца от мала до велика, Азрет еще ничего не подозревал...

Вот тут-то начинаются мучительные сомнения, путь внутреннего роста Азрета. Он всю свою жизнь стремился отдать все свои силы народу, а здесь, когда, казалось, все есть для того, чтобы полностью посвятить себя тому делу, за которое сражался, он не в состоянии оправдать то, что ему доверили.

В изображении Азрета О. Хубиев отказался от плакатных схем. Азрет — обыкновенный живой человек, но внешне он обрисован по тогдашним вкусам жителей гор. Горцы богатыря всегда наделяли красивой и яркой внешностью: «Черная черкеска плотно облегла его стройный стан, курчавая смушковая шапка покрывала голову и в довершение ко всему у его пояса висел большой кинжал». Азрет наделен качествами настоящего джигита, защитника обездоленных.

Самые сильные стороны — связь с народом, вера и понимание высоких целей революции. Он мог бы жить в ауле спокойнее, чем в пещере, где каждая минута грозила ему смертью, обзавестись семьей и т. п. Но Азрет был не таков. Он не мог примириться с несправедливой жизнью и, уйдя в лес, пять лет вел борьбу в одиночку, но им руководило не чувство самосохранения. Им владела высокая романтическая мечта о том времени, когда в ауле не будет таких, как эфенди Науруз, на которого работает весь аул: Азрет глубоко сознает свое нравственное превосходство над Наурузом.

Абрека Азрета автор изобразил правдиво, с живой симпатией и теплотой

Развитие характера Азрета идет параллельно с развитием революционных событий, в постоянной победе над врагом и над самим собой. После разгрома белогвардейцев в нем постепенно пробуждается чувство политической ответственности. До революции он надеялся на свою физическую силу, на свой кулак, его вдохновляла вера в торжество справедливости, а сейчас настали мирные дни — надо по-мирному решать дела, работать, строить, руководить...

Азрет — сложная историческая личность. В его образе отразились многие черты горского крестьянства, из среды которого он вышел: мужество, бесстрашие, энергия и воля, преданность революции, любовь к родной земле. Были и такие качества, как безрассудство, отсутствие опыта политической борьбы, неграмотность и др. Это привело к тому, что он вынужден был добровольно покинуть пост председателя аулсовета и уехать. Умеющий с упоением драться с врагами революции не умел управлять мирными людьми. В этом

правда жизни и правда образа, в которых отражен дух времени, создан типический представитель бывшего батрака и абрека, бойца революционной армии. В повести передан реализм жизни, заострены социальные конфликты, правдиво даны характеры героев, пробужденных Октябрем. Перед читателем проходит жизнь горцев, среди которых выделяется молодой батрак, ставший абреком, потом красноармейцем и первым председателем Советской власти в родном ауле. Писатель хорошо знает жизнь и быт горцев тех лет. Повесть в основе своей романтична. В центре ее лежит истинное преклонение автора перед сильными личностями, героями произведений фольклора, откуда молодой писатель черпает образы, метафоры, сравнения. Но романтические образы он подчиняет своим замыслам, в результате чего романтическое начинает служить новым социальным задачам: героизации борьбы за власть Советов, романтизации будней этой борьбы. Романтическая линия в повести органически сочетается с умением точно и поэтически просто передать повседневные приметы времени, жизни и борьбы народа за свое социальное освобождение.

В повести чувствуется несомненное влияние «Разгрома» Фадеева. Для автора «Абрека» проникновение в творчество А. Фадеева явилось постижением глубин мастерства большого художника, у него он учился прежде всего активному гуманизму, черпая его в надежных больших мужеством тружениках.

Повести присуще яркое эмоциональное повествование, поэтичность. Картины природы имеют своеобразную горскую окраску, помогают понять душу героя: «Дни шли своим чередом. Приближался месяц май. Хороша весна в горах. Вот где-то далеко ударит гром и

разноголосые его раскаты помчатся по скалам, балкам оврагам. Хлынет долгожданный ливень, помутнеют горные реки и, шумными водопадами низвергаясь со скал, помчатся на равнину, вырывая с корнем вековые деревья, ворочая громадные камни. Узкие полянки оденутся в зеленый наряд, и зашумят веселыми листьями дубы и чинары. Прыгая с ветки на ветку, запоют свои веселые песни лесные птицы. Как хорошо весной в горах...»

Рисуя картины природы, Хубиев передает звуки, краски, движение. Природа будит дремлющие силы, страсти в человеке, напоминая ему о святости и красоте родных мест, пробуждая патриотические чувства героев.

В сочном и свежем языке повести О. Хубиева немало народных оборотов речи, пословиц и поговорок, придающих произведению конкретный и непосредственный характер. Произведение несло в себе заряд новых мыслей, наблюдений, новую для молодой карачаевской литературы форму. Оно было тепло принято читателем.

Творчество Османа Хубиева этих лет характеризует неустанные и плодотворные поиски нового. Его очерки, рассказы, стихи и песни заслуженно пользовались популярностью среди народа. Общительный характер, организаторские способности, энергия молодости, работа журналиста толкали писателя в гущу народа. Осман становится частым гостем у чабанов, жителей отдаленных аулов области. Он пишет о них в своих очерках, в которых непосредственно откликался на призыв партии — вдумчиво изучать новые явления социалистического строительства, образ нового человека, показать первых героев социалистических соревнований, жизнь первых колхозников, их созидательный труд.

«Эти поездки мне помогли не только тогда, они помогают и сейчас. Когда сидишь в четырех стенах, и в голове, и в сердце пусто. А как только побудешь где-нибудь в горах, а в горах у нас всегда люди, люди сме-тые, здоровые, внутренне и внешне красивые, так и хочется писать, на это что-то толкает, не дает покоя, будь-то ты кому-то должен срочно вернуть долг. Кончивши с этим, горы вновь зовут тебя, ты снова становишься путешником», — говорит Осман.

И вот в своих очерках и рассказах О. Хубиев пытается разрешить проблему, стоявшую перед карачаевской литературой 30-х годов: нарисовать облик нового человека, строителя социалистического общества. Писатель показывает сложности борьбы тех лет, когда кулаки, маскируясь, пытались наносить удар колхозному строительству. Далеко не прост был путь к новой жизни, сложной была обстановка в горных аулах, как и во всей стране, не все люди сразу осознали все величие и преимущества социализма. Неграмотному горцу, да еще постоянно подвергавшемуся ожесточенным напа-ткам со стороны представителей отвергнутых классов, трудно было увидеть сразу все то, что нес в себе Ок-тябрь, что несла новая жизнь. Здесь нужны были лю-ди, владеющие словом, неутомимые искатели путей в сердца людей, чтобы сказать народу правду о револю-ции, о коллективизации, о героизме народа, о том не-угасимом внутреннем огне, который грел душу рядово-го горца-труженика. И вот здесь молодой писатель Ос-ман Хубиев проявил большую активность. Он, несом-ненно, представлял собой одну из ярких фигур среди литературной молодежи своего времени, проявляя не-обычную настойчивость в самых разнообразных сферах творчества: он прозаик, поэт, критик, журналист, об-

идейный деятель. Свою главную задачу писатель видит в создании новой, социалистической литературы, и прежде всего — литературы, героями которой являлись бы современники, те, чьими руками и для кого была совершена революция. Хубиев искал их в гуще народа, в самой жизни.

Но путь к этому новому, по мнению Хубиева, состоял в творческом развитии лучших традиций родного фольклора, в сочетании этих традиций с той героической деятельностью советского народа, свидетелем которой был он сам. Еще тогда, делая первые шаги в прозе, писатель понял, что без использования лучших традиций прошлого, без умелого применения того ценного, что хранил веками народ, нельзя создавать подлинное искусство социализма. И эту мысль сумел он реализовать в своей первой повести «Абрек». Это мы хорошо видим, прослеживая становление характера героя повести — Азрета. Азрет интуитивно ощутил то, что отсутствовало в нем в мирные дни: знание, которое дают книга, школа. Поэтому он уходит учиться, понимая, что при советской власти твои знания нужны не только самому, но и народу, государству. К этому вопросу Осман Хубиев вернется позже в романе «Бессонные ночи»,¹⁶ посвященном культурной революции, людям просвещения, первым учителям Советского Карачая, тем, которые несли в аулы искры мировой культуры, свет той культуры, которую создавал Великий Октябрь, ту культуру, которая уходила своими корнями в глубь веков, о которой В. И. Ленин говорил: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская куль-

гура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества.»¹⁷

Большое внимание партии к литературе малых народов, не имевших до революции даже своей письменности, не только вдохновляло молодого литератора, но и помогало ему осознать всю ответственность писателя первой страны социализма. Писатель, рожденный Великим Октябрем, сам родившийся вместе с новым обществом, в процессе созидания новых форм жизни, пишет о новых людях, о их делах, о их героизме и патриотизме, думах и чаяниях. В этом плане интересны произведения Хубиева героико-романтической направленности, созвучные революции. Так, произведениями, в которых горец нашел живой отклик своим мыслям, чувствам и стремлениям, были повесть «Абрек», а также стихи и поэмы тех лет, многочисленные рассказы, очерки о жизни горцев. В них автор проявлял глубокий интерес к судьбе людей труда.

Работа над повестью «Абрек» (1934—1937 г. г.) заставила писателя заниматься историей борьбы народов Северного Кавказа за революцию. Он изучает народные легенды, предания и песни, стремится увидеть прошлое народа с высоты своего времени. Изучение родного фольклора натолкнуло молодого писателя на мысль: писатель должен знать, что было написано до него, что веками сохранили народы; почему одни писатели еще при жизни были обречены на забвение, а дру

гие, умирая, приобретали вечность. И он углубляется в океан прекрасной поэзии Востока.

« Я всегда с глубоким уважением относился к поэзии Востока. Старался учиться у нее. Меня влекла к ней не только подлинная поэзия, но и доблесть, преданность Родине ее героев, красочный язык, стремление во что бы то ни стало победить врагов родной земли, отстаивать свободу народа, неустанно бороться против тиранов и тирании. Восточную поэзию я считаю самой философичной, поэзией мысли и разума.

Когда кровожадны владыки, во мгле
Скрывается солнце на этой земле
И стонет народ от жестоких обид,
И кривда безжалостно правду теснит...
Венчаный злодей не избегнет беды,
Пожнет он своих злодеяний плоды!—

писал более тысячи лет тому назад один из величайших поэтов мира Абдулькасим Фирдоуси в своей знаменитой царь-книге «Шахнаме».

Все великие поэты мира преклонялись, изучали и учились у нее. Она безгранична, полноводна и сегодня. В ней неиссякаема свободолубивая мысль народа. Это отмечал и другой наш поэт, Азрет Уртенев, который очень любил восточную поэзию и много знал, мечтал о том, чтобы эту жемчужину могли читать на родном языке и карачаевцы. Сбылась мечта поэта. Наш народ читает непревзойденную поэзию Востока на языке Великого Ленина»,— говорит Осман Хубиев, вспоминая первые годы своей творческой жизни.

Поэт всегда находится в гуще трудовых будней вместе с народом, строящим новую жизнь в горах, часто бывает в гостях у скотоводов, шахтеров, студентов.

Его произведения тех лет проникнуты злобой дня. События того периода накладывают свой отпечаток на творчество О. Хубиева. Он как бы переходит на произведения агитационно-публицистического характера: стихи, очерки, новеллы. Но эти «малые формы» литературы, наполненные величием эпохи строительства социализма, яркостью красок, не только были удобны для восприятия читателями, которые больше были слушателями, чем самостоятельными читателями, но и ускорили процесс развития литературы ранее бесписьменного народа.

Поэт ничего не писал понаслышке, по информации людей. Он живо интересовался современностью, жизнью всей страны, событиями за рубежом. Это обогащало его творчество в жанровом, стилевом и тематическом отношениях. О. Хубиев непосредственно откликался на события, которые волновали людей. Его рассказы «Къартны анты» («Клятва старика», 1937), «Акъ джиини» («Белый джиини», 1937), «Алмастыны кёзлери» («Глаза домового», 1937), очерки «Бизни полковнигибиз» («Наш полковник», 1940), стихи «Танг атды» («Рассветает»), «Бизни джурт» («Наша родина», 1938), «Къанлы кюнде къанатым» («Крылья в кровавый день»), «Партизанны къабыры» («Могила партизана»), «Джаш тёлю» («Молодежь», 1938) и др. отчетливо выделялись среди произведений молодых поэтов и писателей довоенного времени своей актуальностью, политической остротой.

Для творчества Османа Хубиева характерно сплетение общественного и личного. Он стремился передать энтузиазм горцев, которым выпало счастье строить новую жизнь, жить и трудиться в условиях свободы и братства всех народов молодой республики Советов. Поэто-

му ему особенно близки темы, связанные с новой жизнью страны. В этом отношении Осман в карачаевской литературе является первопроходцем. В эти годы Хубиев выступает с рядом стихотворений, которые намного выше тех, что вошли в его первый поэтический сборник «Комсомольские песни».

Горячо откликаясь на призыв партии, Хубиев выступает как революционный романтик, тесно связанный с жизнью родного народа, горячо любящий все то, что сотворено руками и разумом народа. Молодой поэт умеет видеть прекрасное будущее народа, умеет восхищаться тем, что некогда горестное для народа явление (проводы в армию своих сыновей) стало теперь одним из самых радостных событий в жизни горца. В карачаевском фольклоре есть немало песен, в которых народ оплакивает ушедших в царскую армию сыновей, которых солдатчина отрывает почти на всю сознательную жизнь от родной земли, от родных и близких, от всего того, что было дорого сердцу горца. Народ любил землю, мирный труд и жизнь и понимал, что всякая война — это бедствие. Она несет неисчислимые страдания трудящимся.

Джашла баралла,
Темир машинагъа къаланыб,
Анала къалалла,
Аланы ызларындан таралыб.
Джашла баралла,
Чоюн машинагъа басыныб,
Отоула къалдыла,
Ой, эшиклери тартылыб.

Парни уезжают
На железных машинах,

Матери остаются,
Рыдая за ними.
Парни едут
На чугунных машинах,
Комнаты молодых остаются
С захлопнутыми дверями...

(Подстрочный перевод — Н. К.)

В стихотворении «Къанлы кюнде къанатым» («Кры-
лья в кровавый день»), посвященном той же теме, что
и народная песня, Осман Хубиев призывает к активной
борьбе за завоевания Октября, чтобы парни живой сте-
ной охраняли священные рубежи Страны Советов. Это
клятва верности Родине, народу, партии, напутствен-
ное слово старших уходящему в Красную Армию, при-
зыв всегда быть готовыми к воинской отваге, к самопо-
жертвованию во имя счастья Отчизны, всегда помнить
о том, что за твоей спиной родная земля, многостра-
дальная мать-Родина. В этом стихотворении на конкрет-
ных примерах подчеркивается морально-политическое
единство советских людей, связанных с новыми, совет-
скими традициями. Если в дореволюционных песнях на-
род оплакивал ушедших в армию сыновей, то здесь мы
видим совершенно другое. Аульчане собрались на радо-
стный той.¹⁵ Народ доверил сыновьям самое священ-
ное — защиту Родины. Это большая честь. Провожать
парней вышли девушки, женщины, старики, мужчины и
дети.

Стихотворение выделяется своим патриотическим па-
фосом и художественной правдой. В нем с большой по-
этической силой даны образы стариков, пришедших, как
джигиты, провожать своих внуков. Они с достоинством

Первой гордо и строго говорят, обращаясь к будущим воинам, что Родина и народ доверили им, молодым, судьбу страны, что воин должен беречь каждую пядь родной земли, как сердце матери, как свои глаза, как честь родной сестры. Будущие воины дают священную клятву родным и близким:

Если шальная пуля
Свалит меня на землю,
И тогда, ползая на груди,
Буду защищать родную землю.
Хотя и страшна смерть,
Но я не растеряюсь, не унижусь
(перед ней — Н. К.)
Если даже рот кровью наполнится,
Не уступлю врагу даже клочок
родной земли.

(Подстрочный перевод — Н. К.)

Эти строки были признанием и клятвой. Здесь и в других стихах тех лет в полный голос звучали мотивы революционной борьбы, торжество созидательного могущества нового строя. Новое направление в творчестве Хубиева определяется социалистическим строительством в горах и, естественно, в его поэтических произведениях находит свое конкретное отражение расцвет колхозного строя. Вдохновение поэт черпает, как из неиссякаемого горного живительного ручья, в победоносной революции, в условиях новой жизни, в героизме трудящихся, в их труде, в дружбе рабочего и крестьянина горских аулов. В стихотворении «Бизни джурт» («Наша Родина») он восторженно говорит:

Деу кючлерин таныталла
Оракъ, чёгюч,
Ишчи, элли бир акъылда —
Хорланмаз кюч.
Джюреклени башха тюрлю
Къурду джашау,
Унутулду джыламукъ бла
Азыкъ ашау.

Богатырские силы показывают
Серп, молот,
Рабочий, крестьянин
Едины в своем устремлении —
Не победить их никакой силой...
Сердца по-другому
Настроила жизнь,
Ушло в небытие время,
Когда пищу ели
Вместе со слезою.

(Подстрочный перевод — Н. К.)

«Я мечтал написать такие песни, какие пела мать, но с новым содержанием», — говорит поэт. Советский строй создал все условия, при которых талантливый поэт мог осуществить свою мечту. Умение мыслить художественными образами, способность к поэтическому восприятию жизни, тонкая наблюдательность проявились у О. Хубиева еще у самых истоков его творчества. Но гигантский размах социалистического строительства, кипучая энергия народа, строящего новую жизнь, помогли поэту выйти из тесных рамок той поэзии, которой он когда-то завидовал, и подняли его творчество на уровень требований передовой советской литературы. С по-

инции современной советской поэзии он трезво оценил культурное наследие своего народа. Чтобы использовать и развивать в своем творчестве наиболее ценные и прогрессивные традиции прошлого, О. Хубиев старался придать своим произведениям социально-политическое звучание. В философском стихотворении «Танг атды» (1938 г.) поэт говорит:

Залим тенгиз кюрешиуде
Насыб табды.
Мычымайын, кюн кызыдырб,
Бир танг атды.

Титаническое море в борьбе
Нашло счастье свое.
И вскоре, солнцем озаренное,
Настало утро.

(Подстрочный перевод — Н. К.)

Титаническую силу Моря-борца, восставшего против мрака, за жизнь, полную тревог и битв, за счастье человека поэт противопоставляет рыхлому туману, который пытается окутать гигантское Море, спрятать его от солнца. Но Море не хочет примириться с этим, оно открыто бросает в лицо туману:

Ехтем тенгиз тюз туюнден
Тебе эди,
Кир хабчюгюн ол тышына
Теге эди.
Джер-джеринден толкунлары
Къайнаб чыгыб,
Боз кёмюгюн теблей элле,
Чёргеб, джыгыб.

Гордое море со дня
Грозно волновалось,
Выбрасывало всю нечисть наружу.
Волны его кипели,
Со всех сторон поднимаясь,
Они давили, уничтожали
Его серую пену.

(Подстрочный перевод — Н. К.)

«Настало утро» написано в 1938 году. В карачаевской поэзии тех лет трудно найти стихотворения подобного остросоциального звучания, подобной эмоциональной силы. Море не может жить в безмятежном покое, когда волны его не купаются в солнечных лучах. Но существуют безлико-серые и пассивные силы, которые пытаются «окутать море туманом», «замутить его волны». И поэт, гневно осуждая эти силы, противопоставляет им новое мироощущение «моря», показывает горькую судьбу своего народа, обреченного в прошлом на прозябание в невежестве и темноте, показывает его неумную тягу к свету и добру, его готовность к борьбе за это, вдохновенно воспевая его творческую силу, мощь и красоту человека, который приобрел свободу своими собственными руками. Как видим, здесь явно ощущается перевоплощение на национальной почве образов горьковского Сокола и Буревестника.

Это хорошо прослеживается в символическом образе Моря — борца против многовековых оков рабства. Горьковский подход к прославлению борца за счастье народа, в утверждении неизбежного торжества социальной справедливости в той или иной степени улавливаются и в других произведениях О. Хубиева: в очерках военных лет, трилогии «Аманат», романе «Бессонные ночи» и др. Однако следует сказать, что из огром-

ного идейно-эстетического богатства горьковского творческого наследия О. Хубиев отбирает то, что внутренне ему близко, созвучно его видению и пониманию действительности, отвечает особенностям его национально-го опыта, его социальному анализу жизни.

Осман Хубиев в названных произведениях успешно развивает горьковские принципы изображения народа, лепки характера народа, мужающего в борьбе за свои политические и социальные права, за свою свободу, за свои идеалы. Эта глубоко гуманистическая концепция, определяющая в главных чертах структуру и проблематику произведения, особенно близка творчеству вездущего карачаевского прозаика и поэта, у которого с первых лет творческой жизни ощущается тяга к созданию героических характеров, могучих борцов за народное счастье. Осман Хубиев, опираясь на горьковские принципы освещения человеческого характера, и сегодня своеобразно осваивает идейную проблематику, особенно характерную для нашей сегодняшней действительности, когда резко усилился интерес к углубленному анализу личности, когда наш жизненный опыт диктует необходимость исследовать и обобщать путь человека, поколения, народа, путь всего человечества.

«Джел боранлаб. ёшюн уруб
Кёк тенгизге,
Джагъасындан тёге эди
Сууун тюзге.
Къара тубан басхан эди
Аны башын,
Толкъунлары джалай элле
Къумун-ташын,
Ышый элле ёшюнлерин,
Джууукълашыб,

Къалкъый элле джер да, кёк да,
Къучакълашыб.»

Ветер бушевал, о море синее
Разбивая свою грудь,
Выбрасывая его воды
Из берегов.
Тучи черные тревожно
Стустились над ним (морем — Н. К.),
Волны лизали
Камни и песок на берегу.
Съедали друг друга, приближаясь,
В объятиях лениво дремали
Небо и земля.

(Подстрочный перевод — Н. К.)

Такие стихи для карачаевской поэзии 30-х годов явились смелым новаторством. Но никогда в те годы наша литература не знала бы столь яркой вспышки поэтической мысли, если бы поэт не освоил в своем творчестве революционно-романтические традиции М. Горького, который по-отечески заботился о младописьменных литераторах. Его радость по поводу успехов национальных литератур была радостью ребенка и мудреца. Еще в 1928 году в одном из своих писем к Ромену Роллану Горький писал: «Для меня необходимо сообщить Вам факт, который Вам, может быть, покажется не столь значительным, каким вижу его я. Этот факт необыкновенно быстрого развития в России инородческой литературы. За истекшие десять лет все финские, монгольские и тюрко-финские племена Союза Советов получили, как Вы знаете, письменность. Поволжские племена — чуваша, мордва, черемисы — также, как и пле-

мена Кавказа и Сибири, уже имеют свою прессу, основывают музыкальные школы, музеи, книгоиздательства выдвигают из среды своей прозаиков и поэтов.»¹⁹

О том, что М. Горький был заботливым отцом всей многонациональной советской литературы, убедительно сказал народный поэт Кабардино-Балкарии, Лауреат Государственной премии им. М. Горького Кайсын Кулиев:

«У нас литературоведы и критики любят писать о влиянии одного писателя на другого. Насколько верны их суждения всякий раз, я не знаю. Но мне кажется, что опыт крупной творческой личности — всегда большая школа для других. И в данном случае Максим Горький как основоположник советской литературы, ее первый классик занимает особое положение.

Пожалуй, не найдется литератора в нашей стране, какой бы национальности он ни был, который не учился бы у Алексея Максимовича и не испытывал его благородного влияния. Горький — наш общий учитель. У него будет учиться еще не одно поколение творящих. Горький считал писателя учителем жизни. И прежде всего им был он сам. Таким он и остался в памяти тех, кому дороги литература и культура. Мы верим в будущее человечества и бессмертие его труда и культуры, как верил в это мудрый гуманист Максим Горький. Мы верим, что колос останется вовеки колосом и звезды звездами»²⁰.

О литературе народов Кавказа, которую М. Горький в 1928 году отнес к младописьменной, в 1934 г. на Первом Всесоюзном съезде советских писателей он сказал: «У меня нет никаких причин и желаний выделять их на особое место, ибо они работают не только каждый на свой народ, но каждый на все народы Сою-

за Социалистических Республик и автономных областей. История возлагает на них такую же ответственность за их работу, как и на русских».²¹

История развития национальных литератур Кавказа, не говоря о больших литературах азербайджан, армян и грузин, имеющих вековые традиции, наглядно подтвердила предвидения гениального писателя. И сегодня мы законно гордимся именами Кайсына Кулиева, Расула Гамзатова, без которых ныне нельзя себе представить советскую поэзию. Они в ее авангарде. За ними идет многочисленный отряд современных советских литераторов, в число которых входит и наш Осман Хубиев.

Судьба борца революции, формирование сильного, волевого характера, отдающего всего себя борьбе за идеалы революции, за народное дело, интересует О. Хубиева с первых лет его литературной деятельности. Герои его стихов тех лет живут в атмосфере высокой идейности, с сознанием личной ответственности за судьбы революции. И он, стремясь к более объемному изображению героя и героического в поэзии, пишет свою известную поэму-балладу «Партизанны кябыры» («Могила партизана»).

В одинокой могиле на высокой гранитной скале лежит не случайный прохожий, который мог упасть со скалы, не утомленный охотник, который темной ночью попал в лапы голодного зверя. В могиле лежал боевой партизан Асланук, зверски убитый из-за угла классовым врагом — эфенди Алием.

В балладе создан образ подлинно народного героя, сильной личности, в ней остро звучит тема борьбы с остатками старого мира, с теми, кто все еще пытается всадить нож в спину революции, похитить свободу.

В основу сюжета баллады был положен действительный факт. В Теберде врагами Советской власти был убит из-за угла карачаевский революционер Санд Хачилов, земляк Османа Хубиева.

Баллада «Могила партизана» написана по опыту романтической поэмы большого азербайджанского писателя Самеда Вургунa «Комсомольская поэма». Она помогла молодому карачаевскому поэту слить романтическое с правдой жизни, с человеком, с его делами, его судьбой. Молодой автор изображает классовую борьбу как движущую силу общественного развития. Смерть пламенного борца, влюбленного в жизнь, Асланука — это подвиг во имя любви, во имя всего живого, прогрессивного. В ней начало новой и вечной красоты, за которую отдал жизнь молодой партизан. Его убил злой враг Алий, не любивший влюбленных в жизнь, в свет, в справедливость, в равенство людей — в революцию. Говоря словами великого азербайджанского поэта Самеда Вургунa,

Если б женщину он полюбил,
если б стал он отцом,—
Кем он, пагубный, был,
тем не мог бы он быть!
Если б воздухом жизни дохнул он
на мир,
Если цену и слабость ее он постиг,—
Тех, кто жаждали жить,—
не сжигал бы живьем.

Общеизвестно, что «нелюбящий не сотворит ничего». Нелюбящий может только убивать, уничтожать, ненавидеть...

По баллады О. Хубнева берут за сердце не щемящей

тоской, а поэтически-жизнеутверждающей силой, преодолевающей эту тоску, придающей произведению оптимистическое звучание, красоту подлинного мужества. Само понятие «красота подвига» очень содержательно и богато в эстетике баллады. Человек шел в жизнь, он был молод, он творил добро, красоту, совершал подвиги в борьбе с врагом, но у него насильственно отняли жизнь. Смерть его тоже стала подвигом, следовательно, отнять жизнь—это еще не значит одержать победу, утвердить себя, свою идею...

Баллада написана, как выше указывалось, на основе конкретного материала, в бурный период, когда враги революции мечтали в железном кулаке остановить сердце революции, ибо только в этом они видели свое спасение и ради этого шли на все. Они, не задумываясь, превратились бы в груды черных камней, если бы было можно ими отгородиться от революции. Но революцию уже нельзя было спрятать от тех, на чьи руки и сердца она опиралась, нельзя было и спрятаться от нее. Всевидящее око революции — народ — не знало пощады.

Патриотическая тема баллады получает великолепное завершение в конце произведения. В ней с огромной силой вдохновения выражена преемственность идей революции, бессмертие дела революционеров, жизнеощущение советских людей — строителей новой жизни, нового государства. В этом смысле замечательно то, что дело брата-революционера продолжает сестра. Горянка зовет «братьев-горцев» к борьбе, чтобы злой убийца не торжествовал, чтобы его коварная пуля не сразила следующего. Она вместе с другими становится на страже завоеваний революции.

Поднялась над могилою брата
Молодая сестра Саният...

Сестра погибшего партизана Саният призывает всех трудящихся довести до конца начатое ее братом доброе дело. Произведение получило широкую известность среди читателей и в критике. Поэт, используя форму обращения, риторические восклицания, расширяет круг описываемых событий.

* * *

Творческие искания Хубиева-поэта сочетаются с его неустанной работой в прозе. Процесс социалистического переустройства мира в прозаических произведениях автора подавался более доступно и глубже. Творческие поиски в прозе интересны еще и тем, что они являются ярким свидетельством становления его реалистического мастерства. В них автору удается раскрыть характеры героев труда. Они существуют в реальной действительности, работают, совершают поступки, ранее нехарактерные человеку из народа. В них нет подмены героизма проповедью малых дел, нет условности, все взято из жизни народа, в гуще которого жил и работал писатель. Духовное и героическое рождались из трудовых будней тех, о ком писал автор, чью жизнь глубоко изучал. Необъятный мир пережитого, увиденного давал материал писателю, служил ему основой творчества. Революция изменила духовный мир сердца. Забитый нуждой и бесправием, горец становится во весь рост и, засучив рукава, трудится, строит и побеждает. В рассказе «Клятва старика» писатель устами своего героя говорит:

«Смелый конь — это крылья путника. Пусть у вра-

га твоего оседланный под ним конь будет нерасторопным... Ты еще молод, в жизни ты еще мало видел... Разве ты не замечаешь, как твой конь свистит носом и пугается каждой кочки, каждого кустика? Он боится, чего-то пугается, поэтому себя ведет так. С человеком бывает то же самое», — сказал старик молодому всаднику, но, заметив его неопытность и чтобы не обидеть юного путника, он начал с коня.—Братишка, расслабь удила, он никуда тебя не унесет. Оказывается, еще жеребенком приучили неверно. Лошадь умное животное, она сразу чувствует, что хозяин струсил...»

(Подстрочный перевод — Н. К.)

«Смелый конь — крылья путника, решительность, смелость — признак настоящего джигита», — поучал старик юношу, видя, что тот немного растерялся с наступлением темноты. Умудренный жизненным опытом старик знал, что растерянность может привести к потере идеала, к тому, что человек против своей воли может оказаться в стане врагов, поэтому он придавал большое значение идейной закалке человека с юных лет. И вот, как бы характеризуя лошадь, он говорит, что надо всему учиться с детства. Он дает знать об отсутствии должной закалки у юноши. Молодой путник понял старика и в душе втроене был ему благодарен.

В эти же годы были написаны О. Хубиевым рассказы: «Акъ джинн» («Белый джинн»), «Алмастыны кёзлери» («Глаза домового»), «Ышангылы тенг» («Надежный друг»); очерки: «Анзорчукъ» («Анзорчик» — имя мальчика — Н. К.), «Бийчесында» («На Бичесыне»), «Бизни полковник» («Наш полковник»); многочисленные статьи о литературе: «Пушкинни тили» («Язык

Пушкина»), «Максим Горький», «Коста Хетагуров»; переведены произведения Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Чехова, Горького, созданы стихи, поэмы.

Работая в газете, Осман Хубиев много ездил по аулам, пастбищам. Эти поездки имели большое значение в сближении писателя с жизнью народа. Как многих писателей, которые откликнулись на ленинский призыв идти в гущу жизни, Османа тянуло туда, где происходило рождение нового, где формировались новые отношения между людьми, где возникали новые формы труда и жизни. Он писал по живым следам событий.

В статье «О характере наших газет» В. И. Ленин указывал, что в нашей прессе чрезвычайно мало внимания уделяется строительству новой жизни. Он писал: «У нас мало внимания к той будничной стороне внутри-фабричной, внутридеревенской, внутриполковой жизни, где всего больше строится новое, где нужно всего больше внимания, огласки общественной критики, травли негодного, призыва учиться у хорошего»²².

Примером стремления идти в ногу со своим временем была очерковая деятельность Османа Хубиева. Она привела писателя впоследствии к созданию ряда крупных эпических произведений о современности. Если ранние очерки и рассказы были перегружены чисто внешними описаниями, в них было много фактов, поданных без достаточного осмысления и обобщения, преобладал эмпирический подход к жизни, то в своих поздних очерках О. Хубиев идет от отдельных деталей вглубь экономических и политических проблем. Очерки вплотную приблизили писателя к тому, что он научился рассматривать все проблемы в связи с общими задачами строительства социализма.

Алексей Максимович Горький придавал огромное значение работе очеркистов. Он требовал от писателей не сухого изложения фактов и цифр, а образного, эмоционального раскрытия темы социалистического строительства, показа трудового подвига советских людей, обобщения и анализа типических явлений современной жизни.

В очерке «Анзорчук» Хубиев пишет о мальчике, который родился на пастбище и никогда не видел аула. Мальчик победил взрослых певцов на Бичеыне и получил первый приз. Говоря о двенадцатилетнем певце, автор как бы заставляет читателя слышать голос ребенка среди величественных горных вершин, первозданную чистоту природы роднит с талантом мальчика. Пейзажные описания в очерке конкретны, осязаемы, точны. Через пейзаж автор дает возможность ощутить новизну времени, новизну отношений между людьми, новизну в духовном облике горца. В очерках раскрылось своеобразие таланта писателя, активно вторгающегося в жизнь. В его очерках всегда слышен голос писателя-общественника, гражданина, борющегося вместе со всем советским народом за претворение в жизнь грандиозных предначертаний партии.

Становлению карачаевской советской литературы способствовали рост национальной интеллигенции, развитие национальной периодической печати, издательского дела.

Вокруг областной газеты «Къызыл Къарачай», в нациздате, в научно-исследовательском институте сгруппировались писатели и поэты Карачая: Азрет Уртенев, Хасан Бостанов, Магомед Урусов, Даут Байкулов, Тохтар Борлаков, Халимат Байрамукова и др. В их числе был и Осман Хубиев. Произведения этой группы были

гесно связаны с жизнью народа, его борьбой за построение социализма. Они показывали облик советского человека. Особое развитие в эти годы получает политическая лирика, наиболее яркие образцы которой создал известный поэт и общественный деятель Карачая Азрет Уртенев. Под непосредственным воздействием его поэзии сформировались молодые поэты Карачая: Магомет Урусов, Осман Хубиев, Тохтар Борлаков, Халимат Байрамукова и др. Человек разносторонней духовной культуры, А. Уртенев ясно представлял себе широчайшие масштабы революционного строительства, революционной борьбы. Он не мог быть посредственным поэтом, нечутким человеком, глухим к жизни окружающих его людей. Высокая ответственность перед советским читателем не позволяла ему быть и посредственным общественным деятелем. Создавая образцы революционной поэзии, он горячо приветствовал творческий поиск в поэзии, даже если иногда не во всем мог согласиться с молодым автором. Он вдохновенно писал:

Железного века стальные ряды,
Мы вечным единством сильны и тверды.
Мы ценим железо и сталь в убеждениях,
В желаньях, дерзаниях и достижениях.

По инициативе А. Уртепова при педрабфаке был создан литературный кружок, членами которого были наиболее одаренные начинающие поэты и которым руководил он сам.

«Азрет Уртенев был не только крупным общественным деятелем и поэтом своего народа, он был учителем талантливой литературной молодежи, шедшей на смену первому поколению карачаевских писателей»²⁴.

Достижения карачаевской поэзии тех лет отметили и бригада Союза советских писателей, приехавшая на Северный Кавказ в 1934 г. «Поэты Карачая, судя по имеющимся у нас немногим переводам, сделанным большею частью самими авторами, ушли значительно дальше своих кабардинских собратьев. В их стихах уже нет голого примитивизма, которым отличаются даже лучшие произведения кабардинских поэтов. У карачаевцев чувствуется более высокая культура слова, богатство образов и красота формы»²⁴.

Осману Хубиеву посчастливилось встретиться с талантливым поэтом Азретом Уртенковым. Эта встреча определила всю дальнейшую судьбу молодого Османа. Азрет Уртенков, в то время уже признанный поэт, стал редактором первого поэтического сборника Османа Хубиева «Комсомол джырла» («Комсомольские песни»). Стихи, вошедшие в сборник, конечно, были малохудожественными, крайне слабыми. Молодой поэт еще не имел свою тему, свои идеи, своего поэтического мира. Он иллюстрировал и пропагандировал чужие идеи, чужие темы, проживая как бы гостем в чужом доме. Однако гостем активным, умеющим видеть и слышать, но еще не умеющим облекать свои наблюдения в художественные образы.

По признанию Османа, Азрет Уртенков сказал ему: «Можно предложить эти стихи читателю. Для начинающего поэта они пойдут, но почему все они у тебя о Красной Армии? Надо писать обо всем, что тебя волнует...»

Действительно, это были стихи, какими пестрели страницы периодической печати и поэтические тетради начинающих. В них господствовала голая риторика. Но не будем суровы при оценке этих стихов. Будем по-

мнить, что они были написаны подростками, которые имели правильную ориентацию на современность, но не имели литературного опыта. В эти же годы из-под пера молодого Османа, как уже было сказано, выходит повесть «Абрек». Она была положительно оценена читателями и взыскательным учителем — Азретом Уртенковым. Тогда же Осман Хубиев шел ко все более художественному постижению происходивших в стране социалистических преобразований, ко все более полному отражению формирующегося нового типа человека. Овеянные революционной романтикой трудовые будни страны, будничные факты социалистического строительства обретали огромный смысл в свете тех задач, которые вставали перед первой в мире Страной социализма.

В борьбе за завоевания Октября рождается новый человек, воспитанный социалистическим обществом. Это и определяет романтический пафос революционных будней, вдохновлявший певцов революции, в творчество которых бурная эпоха входила все шире и шире. Но революционным поэтам, «наиболее чувствительной части общественного организма», понимавшим и глубоко чувствовавшим атмосферу грозных предвоенных лет, нельзя было успокоить себя воспеванием только тех изменений, которые наблюдались тогда в нашей стране. Все явственнее становилась угроза нападения гитлеровской Германии на Страну Советов. И вот в карачевской лирике, как и во всей советской поэзии предвоенных лет, ощущается дерзкое чувство свободы, прекрасное и тревожное, ощущается стремительный порыв, врывающийся в размеренное течение жизни, отчетливо звучит тема преданности социалистической Родине, готовность защищать ее свободу и независи-

мость, тема борьбы с грозными силами фашизма, развязывающими новую мировую войну.

Верой в торжество и победу социализма, верой в то, что все народы многонациональной страны восстанут против воинствующих сил империализма и вместе с тем тревожным предчувствием приближающейся войны окрашены стихи предвоенных лет. «Оборонная тема звучит во второй половине 30-х годов в творчестве всех поэтов Карачая так же отчетливо, как и во всей многонациональной советской поэзии».²⁵

Верность борьбе за счастье человечества, высокое чувство советского патриотизма выпукло выступает в жизнеутверждающих стихах талантливого карачаевского поэта, героически погибшего в Великой Отечественной войне, Магомета Урусова — «Мой гнедой конь» и «Моя стальная сабля», Тохтара Борлакова, погибшего под Сталинградом, Даута Байкулова — «Германия бла СССР-ден эки ишчи» («Двое рабочих из Германии и СССР»), «Героям Хасана», «Испанская девочка» и др.

Осман Хубиев, как и все советские поэты, все ясней и глубже показывает, что злейшим врагом всех ценностей мира, созданных многовековой историей человечества, является фашизм, кованный сапог которого уже разгуливал по Европе, превращая на своем пути все в руины и пепел...

В 1939 году Осман уходит служить в Красную Армию. В годы службы в ее рядах он много пишет. Военно-патриотическая тематика становится ведущей в творчестве писателя.

„Мужество не спрашивает, высока ли скала“

Папаху сбережет то,
у кого под папайею есть
голова. Имя сбережет то
у кого в сердце огонь.

Расул Гамзатов

22 июня 1941 года фашистская Германия направила дуло своего смертоносного оружия на восток, туда, откуда начинается день, откуда встает солнце, и еще в постели хотела расстрелять утро мира — Родину Октябрьской революции.

Народы страны Советов грудью встали на защиту своего социалистического Отечества. В эти годы выдающуюся роль в борьбе с фашистами сыграла советская литература. Вместе со всеми советскими людьми вышли на смертный бой и писатели. В их рядах были и карачаевские поэты: Исса Каракотов, Даут Байкулов, Магомед Урусов, Тохтар Борлаков, Хасан Бостанов, и все они пали смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны. Имя поэта Иссы Каракотова навечно занесено в список эскадрона, в составе которого он воевал.

В рядах защитников Родины были и Осман Хубиев, Абдул-Керим Байкулов, Азрет Эбзеев, Ханафий Эбзеев и др. Вместе с мужчинами с оружием в руках воевали и женщины-карачаевки: Халимат Эбзеева, Роза Уртенова, Саша Каракотова, Мелек Глоова, Качура Чотчае-

ва, Шерифат Токова, Зоя Куатова, Зухра Эркенова Шахидат Кульбекова и многие другие. «... по неполным данным, в составе партизанских отрядов Белоруссии боролись против фашистов свыше 160 сынов Карачая и Черкесии»²⁶. В их числе сражались карачаевцы: Герой Советского Союза Осман Касаев, Аскер Бархотов, Юнус Каракотов, Кичибагыр Ханриззов, Азрет Узденов, Али-Солтан Алиев, Мурадин Гаджаев, Саид Коркмазов, Абдул-Керим Шаманов, Туган Узденов и др.²⁷

В суровые годы войны литература воспевала героизм советских людей, была, как никогда, тесно связана с жизнью и борьбой народа, ее темой стала тема защиты Родины от гитлеровских захватчиков, она превратилась в острейшее оружие в руках борцов за свободу и независимость нашей Родины.

Успехи воинов на фронте и советских людей в тылу подтвердили животворную силу партийного руководства и навсегда закрепили позицию родной Коммунистической партии как признанной ведущей политической организации советского общества. В руководстве партии и ее боевого штаба — Центрального Комитета — был главный залог блестящих побед советского народа в Великой Отечественной войне.

Вспоминаются слова В. И. Ленина, который, касаясь победы советского народа в гражданской войне, подчеркивал, что «и только благодаря тому, что партия была на страже, что партия была строжайше дисциплинирована, и потому, что авторитет партии объединял все ведомства и учреждения, и по лозунгу, который был дан ЦК, как один человек, шли десятки, сотни, тысячи и в конечном счете миллионы, и только потому, что неисчислимые жертвы были принесены,—только поэтому чудо, которое произошло, могло произойти. Только по-

этому несмотря на двукратный, трехкратный и четырехкратный поход империалистов Антанты и империалистов всего мира, мы оказались в состоянии победить»²⁸. Эти слова имеют непосредственное отношение и к победе нашего народа над фашистской Германией.

Писатели, весь советский народ под руководством и вместе с родной партией дышали единым дыханием, а литература стала голосом души борющегося народа.

Карачаевская поэзия тех лет, как и вся советская литература, носила агитационный, призывной характер.

Джюзген окъ тийсе келиб,
Джерге аудурса мени,
Бауурум бла сюркелиб,
Къорууларма чеклени.

Если шальная пуля
Свалит на землю меня,
И тогда, ползая на груди,
Стану я защищать границы
(своей земли — Н. К.).

Так писал Осман Хубиев, которого Великая Отечественная война застала в рядах Красной Армии. Служа в армии, О. Хубиев ведет большую оперативную работу в периодической печати. Почти в каждом номере газеты «Къызыл Къарачай» печатались стихи, очерки, рассказы, публицистические статьи воина, находящегося далеко от родных гор. Творческие задачи писателя, вся его энергия были подчинены общенародной цели, цели победы над гитлеровской Германией. Достижению этой священной цели и служили поэзия и публицистика Османа Хубиева военных лет.

этом состоянии всеми доступными ему средствами боролся с яростью человека, горячо любящего свою Родину, ненавидящего заклятых врагов родной земли. Эти стихи все взрослые знали наизусть, а дети постарше самого сильного среди своих сверстников называли Головым,, устраивали избивание мнимых фашистов. Порой в их игру приходилось вмешиваться взрослым, чтобы спасти от расправы того, кого дети называли «фашистом». Но «фашистом» часто оказывался какой-нибудь условный предмет, так как никто из детей не хотел быть в роли ненавистного фашиста.

После читки газет старики и женщины расходились по домам, а мать читала девушкам «Дахира и Зухру» и еще какие-то героико-лирические поэмы. У матери дрожал голос, но она, украдкой вытирая слезы, продолжала читать, а мы, дети, затаив дыхание, в полумраке коша слушали тихий и печальный голос, следили за выражением лица каждой слушательницы.

Позже, уже взрослой, я узнала, что это был период фашистской оккупации нашей области, а газеты—старые, дооккупационные. Их свято хранили и по вечерам тайно читали на кошу.

Так, в душе, мыслях народа поэзия военных лет соединила в одно целое такие понятия, как Родина, ненависть к врагу, любовь к родной земле, героизм и самопожертвование во имя спасения Отчизны от фашистской нечисти.

В эти тревожные для Родины годы у О. Хубиева по-новому проявляются интерес к теме советского патриотизма и пролетарского интернационализма и дар психологического проникновения. Он уже значительно окрепшим голосом выступает как певец духовного величия советского человека, по-настоящему ощутившего

заботу о себе, человека, думающего о народе, человека, о котором думает народ, партия. Осман показывает, что в душе каждого советского человека горит искрометный огонь беспредельной преданности своей социалистической Отчизне, верность идеалам революции. Глядя на родные горы, разлука с которыми подобна смерти, он как бы произносит: «Отстоять свободу всей страны, значит—отстоять свою собственную свободу». Герои произведений этих лет Османа мыслят: «Моя Отчизна очень велика, а вот зовется коротко—Россия». И эта Россия сражалась с фашистами. В этом сражении обессмертили свои имена советские писатели, среди которых многие были награждены орденами и медалями, а около двух десятков стали Героями Советского Союза, 417²⁹ писателей погибли на поле боя.

Всему миру известно имя героического сына татарского народа, видного советского поэта Мусы Джалиля, зверски замученного в фашистских застенках, оставшегося даже в самые трагические минуты коммунистом, человеком, чувствующим ответственность за судьбы Родины и мира. В своих «Маобитских тетрадах» он пишет о себе, о родном народе, о месте поэта в борьбе, об исторических судьбах немецкого народа. Творческий подвиг большого поэта и сегодня вдохновляет миллионы его читателей. Муса, создавая «Маобитские тетради», знал о неизбежности казни и не имел надежды на то, что когда-нибудь народ прочтет его песни, написанные в фашистском концлагере:

Колочей проволоки частоколом
Окружены бараки и пески,
Вот здесь и копошимся мы в неволе,
Как будто мы навозные жуки

Выступая на митинге писателей Москвы, А. Фадеев говорил: «От нас требуется величайшая организованность, дисциплина и хладнокровие, соединенные с большевистским напором. Наглый враг, преступно нарушив существующий договор, без объявления войны напал на наши мирные города. Но мы знаем неодолимую силу советского народа и не сомневаемся, что победа будет за нами. Писатели Советской страны знают свое место в этой решительной схватке».

Знал свое место в строю в эти дни и карачаевский писатель Осман Хубнев. Осман воевал с оружием в руках и пламенным словом, шел в огонь, бил врага как воин и поэт, чтобы отстоять вместе со всем народом ту землю, на которой он стал поэтом, которую страстно любил.

Разящим словом на страницах печати выступал поэт, призывая уничтожить врага. Перед нами газеты тех лет, где поэт публиковал свои стихи, очерки, рассказы. Все они были посвящены борьбе с коварным врагом, скорейшей победе над ним. Вот несколько выступлений О. Хубиева в газете «Къызыл Къарачай»: «Ала кеслерни къачадыла» («Они сами в панике убегают», февраль 1943 г.), «Немцала сагъыш этедиле» («Немцы задумываются», 30 августа 1943 г.). В этих очерках приведены факты, красноречиво говорящие о подвигах советских людей, о паническом отступлении фашистских войск. А 2 сентября 1943 года в той же газете было опубликовано стихотворение «Вперед», 23 сентября 1943 г. — стихотворение «Полтава» и др. Стихи были бодрыми, мудрыми, зовущими вперед, к победе. Работая, воюя и словом и делом, отдавая всего себя борьбе, О. Хубнев не забывал о той высокой ответственности за судьбу Родины, которую налагает на писателя время. Он уже знал, что в

числе двухсот семидесяти пяти погибших советских писателей были имена и карачаевских поэтов: Иссы Каракотова, Дауда Байкулова, Тохтара Борлакова, Магомета Урусова, Хасана Бостанова и др. Он понимал, что Родина ждет от него, как писателя, слов правды, мужества, призыва к борьбе. И он пишет призывные стихи, очерки, рассказы, выступает по радио. Поэт ясно отдавал себе отчет в том, как трудно советскому народу, воинам Советской Армии, как они, идя на передовую, нуждаются в мудром слове писателя. И Осман своими произведениями помогал народу бороться, морально поддерживал вдов и сирот, старался утешить старых матерей, потерявших сыновей. Языком поэзии, языком правды О. Хубиев писал о великих жертвах, приносимых народом во имя свободы Родины, во имя победы. Говоря о великой скорби и печали, поэт старался, как сын, как брат, как воин, помочь видеть в окровавленных следах воюющего народа залог грядущей победы. Стихи были просты и понятны каждому, говорили о том, что в эти дни было самым дорогим, самым желанным для советских людей...

Сегодня наш Харьков дышит свободно,
Говорит теперь на своем языке.
Вот и яркое солнце светит теперь,
Выправляют спины сотни и тысячи (бывшие
узники концлагерей — Н. К.).

(Подстрочный перевод — Н. К.)

А вот выдержки из статей О. Хубиева «Немцы задумываются» и «Немецкие солдаты теперь задумываются», которые были напечатаны 30 августа 1943 года в газете «Къызыл Къарачай».

«Раньше они верили в свою победу, в своего фюрера в свои автоматы». «Фюрер думал за них, старался «предвидеть» все. Тогда у него было много знахарей, гадалщиков. Теперь Гитлер не занимается этим. Он пугается представить себе завтрашний день. Муссолини отрекся от фашизма. Карта, на которой как штаб Гитлера обозначались Харьков, Орел, Белгород, теперь причиняет боль его (Гитлера—Н. К.) глазам, слова генералов, прибывших из русского фронта, ему кажутся штыками, вонзающимися ему в живот...» «Фюрер теперь не задумывается. Теперь солдаты (фюрера—Н. К.) начали сами задумываться. Фриц, который боится поднять свою голову, сидя в укреплениях, который теряет разум при звуках русских орудий, когда на его голову русский свинец сыплется дождем, уже не доверяет свою жизнь фюреру. Он сам задумывается и (добровольно — Н. К.) сдается в плен, или же пока он раздумывает, штыки красноармейцев уничтожают его...».

Эти раздумья немецкого солдата красноречиво показывают, что Гитлеру уже не верили даже свои, они знали, что он будет разбит. О приближении позорной смерти Гитлера говорят факты, цифры. Это — цифры, показывающие, сколько (фашистских—Н. К.) дивизий разбито на Западном и Восточном фронтах, число погибших солдат, офицеров, сгоревших самолетов, танков. Это Белгород, Орел, Харьков! (из Рыклина)».

(Подстрочный перевод—Н. К.)

Это было наглядным, действенным. Народ верил слову поэта-коммуниста, поэта-воина.

В другом номере этой же газеты поэт пишет: «Веками презиравший рабство, никогда не сдававшийся врагу русский народ возглавил борьбу с немецкими окку-

пантами и сметает с лица нашей земли стократ проклятых немцев...

Теперь этот прожженный Гитлер пытается распротранить слух, боясь, что люди сами поймут обстановку, что якобы они (фашисты—Н. К.) добровольно отказались от Кавказа, Харькова, Таганрога, Донбасса. Пленные тоже пытаются говорить, что они сами удрали из Белгорода, Орла... А те, кто попал к нам в плен вчера, говорят правду, что они стали пленными из-за того, что не смогли вовремя удрать из Донбасса, Горловки...

А мы не кричим. Свое дело мы делаем без крика... Мы обязаны освободить свою землю из-под копыт врага—освобождаем. Надо отобрать свои города (у врага—Н. К.)—отбираем. Мы не спрашиваем, когда кончится война. В день, когда наступит конец Гитлеру и его приспешникам, в день, когда над всей Страной Советов водрузится алое знамя победы, этот день станет последним днем войны. Мы воплощаем это в действительность...»

(Подстрочный перевод—Н. К.)

В публицистических произведениях Осман Хубиев показывал единство фронта и тыла, единство воина и труженика, кующего победу в тылу. С простотой и доходчивостью, с большой художественной убедительностью, на конкретных примерах он раскрыл суть советского патриотизма. Многие его военные зарисовки впоследствии переросли в сюжетные повествования—в законченные рассказы, которые легли в основу романа-трилогии «Аманат».

Художественная публицистика Османа Хубиева находила живейший отклик среди тысячи карачаевских читателей, имела огромное идейно-воспитательное зна-

чение и, как уже сказали, стала творческим этапом на пути к созданию больших полотен о мужестве и героизме советских людей в годы Великой Отечественной войны.

К 1942 году в рядах карачаевских писателей уже не было многих поэтов: Азрет Уртенев и Хасан Аппаев были репрессированы еще в 1937 году, Исса Каракотов, Даут Байкулов, Магомет Урусов, Хасан Бостанов, Тохтар Борлаков погибли на фронтах Отечественной войны.

Осман Хубиев в эти годы стал у руля карачаевской литературы. Он живо интересовался творчеством молодых, заботился о их росте, писал им с фронта.

Вот одно из этих писем, датированное 4 марта 1942 года: «Письмо написано небрежно, много ошибок. Не пиши торопливо. Пиши вдумчиво, не спеша. Написанное прочти, проверяй. Нельзя писать так безграмотно.

Очень рад, что ты пишешь стихи, но стихи пиши не торопясь, вдумчиво. Чем сто посредственных стихов, лучше один хороший. Самый лучший стих пришли мне на поправку. Литературу читай больше. Если хорошо не поймешь прочитанное, читай второй, третий раз. Карачаевский язык надо знать отлично. Все старинные карачаевские песни и сказания читай постоянно и многократно. Тогда и я смогу помочь тебе писать стихи».

(Подстрочный перевод — Н. К.)

В эти годы из-под пера поэта выходят такие стихи, как «Алгъа» («Вперед», 1943 г.), «Полтава», 1943 г., «Къобан» («Кубань», 1943 г.), «Ачыулу джылла» («Тревожные годы, 1943 г.), «Мы встретились оба как друзья», 1941 г.) и др. В них с огромной силой прозвучала идея морально-политического единства народов Страны Со-

ветов, тесно сплотившихся вокруг своей Коммунистической партии. Поэт адресуется к революционным традициям советского народа, связывая годы Отечественной войны, мужество советского народа, героизм воинов Красной Армии с героическим прошлым страны. Во многих произведениях поэт обращается к образу В. И. Ленина, к партии, вдохновлявшим борьбу народа.

Захватнический характер гитлеровского нашествия на нашу мирную страну поэтом воспринимается как событие глубоко личное. Но для поэта вне общенародной борьбы ничего не существует: все должно подчиниться скорейшему разгрому фашистов. «Пусть ваши мирные аулы станут адом для фашистов, не щадите убийц!»— призывает поэт.

Онгсузубузгъа
Къара кийдириб,
Юй, кёпюр къоймай
Чачыб, кюйдюрюб,
Артыкълыкъ этиб
Тиширыулагъа,
Эллерибизге
Зорлукъ джетдириб,
Азаб бергеннге
Салмагъыз кечим!..

Того, кто в траур одел
Наших старых и малолетних,
Кто сжег дома,
Разрушил наши мосты,
Того, кто глумился
Над нашими женами,
Разорил наши мирные аулы—
Не щадите!

Образ раненой Родины тревожит сердце поэта, заставляет мстить врагу. Фашизм изображается в образе черного коршуна, кровожадного зверя, а образ воюющей Советской Родины рисуется в самых светлых тонах. Это и дом родной, и любящая мать, и верная жена, и мудрый отец, и улыбающийся ребенок. Страна Советов—это весна человечества, это первая любовь.

Во многих стихах, посвященных Отечественной войне, присутствуют реальные детали фронтового быта (горящие фашистские самолеты, паническое отступление фашистов, могилы солдат, павших за Родину и т. д.). Но в них почти полностью отсутствует описание пейзажа. Некоторые стихи этого периода дидактичны, страдают схематизмом, обилием постоянных эпитетов, лозунговостью, длиннотами. Стихотворение «Ачыулу джылла» («Тревожные годы»), очевидно, было задумано как поэма. Но фронтовые условия не дали возможность довести его до конца. Ведь в быстротечной фронтовой жизни то, что сегодня было актуальным, завтра становилось устарелым. Поэтому произведение осталось незаконченным. О. Хубиев начал его писать в 1943 году, а завершил в 1956 году. В произведении явно ощущается разностильность. Первая часть звучит, как клятва, как призыв, в ней чувствуется боевой темперамент, стремление помочь народу в борьбе с фашистами. Проникновенные строки о родных аулах, о тех, кто остался в тылу и над кем издевались фашисты, о родных местах, где родились и росли советские солдаты, говорят о том, что стихотворение написано с искренним чувством.

Вторая часть произведения стоит как-то обособленно, чувствуется, что поэт уже остыл, когда писал ее, многое забылось, потускнело. Но О. Хубиев старается

вспомнить то, что надо было забыть, то, что не имеет значения сегодня.

В отличие от первой части, во второй преобладает описательность, наблюдается информативность, в общей форме описываются наши успехи, многое подается в тоне праздничного марша, парадности, а между тем известно, что послевоенные годы были одним из самых трудных времен в истории нашей страны. Ведь победа над врагом унесла миллионы жизней, многие вернулись с фронта инвалидами. Чуткое сердце советского поэта не могло ощутить и того, что земля наша была усеяна могилами, над которыми продолжали рыдать матери и вдовы, дети, не знавшие отцов.

Тем не менее О. Хубиев заканчивает поэму, чрезмерно насытив ее пышными фразами, крикливым эффектом, где отсутствует взгляд на вещи, присущие поэту, человеку, прошедшему сквозь горнило войны. Он подменяет подлинную гражданственность конъюнктурной отвагой, лжеоваторскими ухищрениями стиля, декларативно подбадривая себя молодецкими обещаниями, сбивается на чуждые подлинному голосу поэта ноты, выпячивает броские, чисто внешние эпитеты.

Поэту нужно было преодолеть в своем творчестве этот скользкий, полный пустозвонной декларативности путь. И он успешно преодолевает его. Уже в большинстве послевоенных его стихов мы встречаем высокодуховную наполненность, обостренный интерес поэта к внутреннему миру современника, ощущение творческой силы и поэтической уверенности в своем слове, неуклонное стремление к эпическому повествованию. Жизнеутверждающие мотивы, которые наблюдались в очерках, публицистических статьях и стихах Османа Хубиева

военных лет, теперь в его творчестве получили усиленное звучание.

Многие произведения Османа Хубиева послевоенного периода посвящены теме победы жизни над черными силами зла. Изменяется не только само содержание стихов, но и тон, в его стихи, как весенний ветер, врывается свежесть пейзажа, чистота и красота родных мест. Поэт упоенно описывает прелести родной земли, как бы делая лирическую передышку, на что не хватало времени и места в военных стихах. Широкое распространение получают образы возрожденной земли, труд по восстановлению разрушенного войной: с утра до вечера люди, не покладая рук, работают, их руки и сердца истосковались по мирному труду. И здесь, на фронте мирного труда, они совершают повседневный героизм.

Стихи поэта послевоенных лет в основном вошли в сборники «Время»³⁰ и —Ант»³¹ («Клятва»). Многие стихи и поэмы этих сборников посвящены мирному труду советских людей, их любви к родной земле, в них глубоко раскрывается мудрое руководство ленинской партии, ее монолитность и значение для жизни народов всех стран, для борьбы трудящихся капиталистических стран за свое освобождение от ига капитала.

В тесном художественном переплетении с этим высоким и серьезным содержанием находится и ораторская, торжественная форма произведений автора. Страна социализма, Родина Ильича стоит у всех на виду, взоры трудящихся вселенной обращены к той земле, сыны и дочери которой в неравном бою отстаивали свою Родину, спасли свою землю и мировую цивилизацию от фашистских варваров. В философских размышлениях поэт гордо и убедительно говорит о вечности идей социализма, о том, что победа над фашистской Германией была

закономерной, что она явилась результатом превосходства социалистического общественного и государственного строя над реакционным строем нацистской Германии. У поэта вызывает законную гордость страна, стоящая у мира на виду, ее от победы к победе ведет Партия—рулевой наших народов, высоко неся знамя Великого Ленина, поднимая миллионы людей на борьбу против цепей колониального рабства.

У мира добротный наш дом на виду,
Стоит он, как крепость из горных пород.
Из искры огонь революций раздув,
Идет

богатырское время
вперед.

Бесправных, бездольных повсюду будя,
И властно подняв за народом народ,
Их к жизни достойной и светлой ведя,
Идет неустанное время

вперед.

(Перевод Г. Орловского)

После войны народы многонациональной Советской страны еще глубже прочувствовали и осознали, что Коммунистическая партия есть «ум, честь и совесть нашей эпохи»,³² что историческая победа советского народа над немецко-фашистскими захватчиками—это итог напряженной организаторской, политической и идейно-воспитательной работы партии, торжество ее ленинской политики. Потому народы нашей страны сердцем верны родной партии, они знают, что их судьба в верных руках.

Судьба поколений в надежных руках,
И это взбесило враждебный нам сброд,
Но, к счастью пути пробивая в веках,
Идет

животворное время

вперед!

(Перевод Г. Орловского).

Торжественная патетика, широкие философские обобщения сочетаются в стихотворении с изображением конкретного облика Времени.

В это же время в творчестве Хубиева все отчетливее начинает звучать призыв к миру во всем мире. Осмыслив войну как исторический факт, завершившийся победой советского народа, поэт говорит о новой угрозе миру, о том, чтобы предотвратить эту угрозу, люди должны встать за мир тесным кругом. Поэт еще слышит «рвущий сердце плач сирот, видит слезы вдов и матерей, еще в ушах звучит суровый гром орудий...» Поэтому простые люди всей планеты живут в тревоге, видя, что над миром все еще витает призрак новых страшных бурь.

Поэт страстными публицистическими строками включается в борьбу за мир, становится в ряды борцов. Слова его обращены к тем, кто остался в живых, кто борется, в чьих руках судьбы мира. Неизгладимы следы войны на земле, в сердцах людей. Поэт призывает к новым классовым битвам, говорит, что от людей, трудящихся, от их сознательности и решимости зависит — быть миру или войне. Он слышит грозный голос восставшего Востока, видит стойкость Юга, борьбу народов всех континентов. Мелодии борьбы народов мира

должны слиться в один бурлящий поток, в грозный шум.

Друзья и братья,
руки не опускайте!
Не покорись, Восток!
Будь стойким, Юг!
Борясь за мир, на миг не забывайте:
Его судьба—

в союзе ваших рук!

(Перевод Г. Орловского)

В философском стихотворении «Рассвет над морем» сила слова заключается в том, что в них все многогранные мысли и настроения выражаются до осязаемости наглядно и конкретно. Поэт предупреждает, что над морем немало черных туч, но в разрывах черных туч виден свет и есть сила развеять эти тучи. Это—сила самих же масс. Их благополучие находится в их же руках. Люди—братья по судьбе, по чаяниям и мечтам, они должны протянуть друг другу руки и стремиться к тому, чтобы нигде над миром не свисали черные тучи войны, чтобы ни один ребенок не рос, зная отца только по фотографии в военной форме. О. Хубиев, давая философский совет людям, хочет, чтобы они вели неустанную борьбу для того, чтобы:

... вскоре утро наступило,
И солнце,
вспыхнув над водой,
Обильным светом озарило
В борьбе родившийся покой.

(Перевод В. Гнеушева)

С большой жизненной и художественной правдой выразились раздумья поэта о роли и месте человека на земле в стихотворении «Не так ли?», где он дает мудрожитейские и отцовские советы читателю. Здесь выявляется перасторжимая связь поэта с жизнью. Совершенно естественно в ткань стиха вплетаются и высокая патетика, и житейская проза, и философская лирика.

Не достигнет солнечного моря
Слишком торопливая река.
С нею ты не будешь на просторе:
И быстра, быть может, да мелка.
Раньше, чем другие, попевает
Яблоко, чье сердце—тлен и прах,
Но никто из нас не пожелает
Вкус его почуять на губах...

(Перевод В. Гнеушева)

Тревога за судьбы мира, за жизнь каждого человека, постоянный призыв к борьбе с врагами мира и прогресса рельефно выступают и в таком стихотворении как «Моя отчизна». Поэту очень дороги шум рек и просторы полей, где его, как сына, оберегали от шальных путей, где он шел с друзьями на врага. Вся эта земля близка и дорога поэту, нет ее ни лучше, ни красивей... И это радует его, как ребенка, поймавшего солнечный зайчик, как воина, победившего врага в неравной битве, как невесту, встретившую после ратных подвигов своего возлюбленного, как мудреца, несущего людям свет, как коммуниста-интернационалиста, мечтающего о том светлом времени, когда вся планета будет иметь одно название—Коммунизм.

Моя отчизна очень велика,
А вот зовется коротко—

Россия.

(Перевод В. Гнеушева)

В сборник «Время» вошли и интимные стихи о любви, верности и дружбе, проникнутые светлыми думами и чувствами. Вечные темы в стихах Османа Хубиева звучат по-новому, по-горски деликатно, мужественно и чуть-чуть сурово. Преодолев риторику ранних стихов, где подлинные чувства были заменены схемами, поэт теперь находит свою собственную поэтическую интонацию. Поэтические миниатюры «Никто тебе обиды не простит...», «Жду», «Пустой красавице», «На охоте» и др. отличаются лаконичностью и стремлением к афористичной поэтической речи, мысль поэта воплощается в жанровой сцене, в конкретном поэтическом образе:

Ты будь такой, каким бывает май,
Гго и упрекнул бы я,
да не в чем...

(Перевод В. Гнеушева)

Широкая гамма переживаний поэта была бы обеднена, если бы в жизнеутверждающей лирике послевоенных лет не нашли бы своего отражения его думы о своих родных местах, о родном Эльбрусе и Кубани, о родном Кавказе. О них тосковал поэт, когда воевал с оружием в руках, так как они были частью его великой социалистической Отчизны—СССР.

Образ Родины вечно живет в душе, в мыслях, перед глазами поэта, он все может забыть, но забыть Родину, землю, где родился, не может...

Джолубузда: къяа ранла, чауулла,
Джай къяр джаугъан джитиледе айландыкъ,
Теберди-Башыча, кёрюнюб ала.
Кёб хапарынг унутулад джашауда,
Тюшюнгдеча, кюч эсгериб тюнюнгю...
Унутмайма, Минги Тауум, сени кёрген кюнюмю.

На пути—крутые скалы, камни, упавшие с вершин,
Мы побывали там, где летом шел снег,
Они мне напоминали
Верхovie родной Теберды...
Многое забыл я в жизни,
Иногда, как во сне, вспоминаю то, что было
совсем недавно,
Но не могу я забыть даже на миг,
Мой Эльбрус, тот день, когда впервые увидел тебя.

(Подстрочный перевод—Н. К.)

Сюда же вошли стихи «Про лодыря Шогая», «Колхозная песня», «Могила партизана», «Летчикам» и др. Стихи переведены ставропольскими поэтами Г. Орловским, И. Кашпуровым, В. Гнеушевым. А. Ялмаровым, В. Торонецким.

Произведения, вошедшие в этот сборник, примечательны не только богатством тем, разнообразием поэтических решений жизненно важных задач, но и язы-

ком. Язык поэта стал чище, богаче, доступней для восприятия и запоминания. Именно в стихах поэт стал черпать слова, обороты, пословицы и поговорки из народной речи, избегать того, что не было «в ритме собственного сердца». В результате в его творчестве меньше стало напыщенной претенциозности, искусственных закрученных метафор, свойственных ранним стихам поэта.

Сознательная, подчеркнутая поэтическая простота присуща многим произведениям, вошедшим в этот сборник. Однако таким стихам, как «Колхозная песня», «Летчикам» и некоторым другим не хватает художественной чеканки, лаконичности, они не бьют в цель, а расплываются в описательности.

Когда увидела свет первая книга Османа Хубиева, ему было всего восемнадцать лет. Некоторые стихи его молодые люди переписывали и заучивали наизусть, а некоторые знал лишь он сам, т. е. они не дошли до сердца читателя. В ранних стихах, как об этом было указано выше, мы замечаем склонность поэта к переключкам, контаминациям из поэзии Азрета Уртенова, Иссы Каракотова. У них он берет темы, мотивы, даже названия. Как мы помним, первые стихотворные сборники этих поэтов назывались «Новые стихи», «Новые песни». Осман Хубиев назвал свою книжку «Комсомольские песни». Для ученического периода характерно сознательное стремление поэта овладеть революционным духом поэзии первых поэтов Карачая.

Подражая им, молодой поэт пишет агитационно-лозунговые стихи, призывает к защите завоеваний революции, быть верным и преданным социалистической родине, воспекает героические будни советских людей. Но, стремясь ассимилировать опыт старшего поколения

карачаевских поэтов, Осман Хубиев старается отбросить то, что граничит с подражательностью, привлекает лишь бесспорные поэтические достижения первых поэтов, в которых таилась возможность движения вперед. Молодой поэт находится под обаянием не только местных поэтов, но и поэзии Лермонтова, Коста Хетагурова, Самеда Вургуня, Назима Хикмета, Маяковского и др. В двадцатилетнем возрасте он публикует балладу «Партизаннны къабыры» («Могила партизана»). Как и многие поэты тех лет, Осман Хубиев стремился подавлять в себе свои личные чувства. Но Осман жил и рос в иное время, ему можно и нужно было писать и о любимой, о той, которая была бы способна не только вдохновлять поэта, но и встать рядом с воином, когда настанет час битвы. Об этом он хорошо сказал в балладе «Могила партизана» и в стихотворении «Крыло мое в кровавый день». Здесь он, преодолев риторику ранних стихов, создал обаятельный образ горянки. Образ Айшат, героини стихотворения, проникнут светлыми думами и чувствами. Любовь и дружба—эти неотделимые от сущности живого человека чувства—в стихотворении звучат по-новому, раскрывая основную идею стиха—единство личности и общества, новой семьи и брака в социалистической стране.

С годами поэт все больше становится самостоятельным, оригинальным, приобретает свой голос, так непохожий на тех, кому он подражал в юности.

Лучшие стихи и поэмы последующих лет Османа Хубиева вошли в сборник «Ант» («Клятва»). Во многих произведениях этого сборника гражданская поэзия поднимается до философско-политического пафоса («Заман», «Таг атды», «Бир бараза», «Азгек», «Бизни джурт» и многие другие).

В стихотворении «Заман»³³ («Время») поэт использует патетическую форму, приемы философско-ораторской речи. Особый эмоциональный подъем создается повторением одного и того же слова, в котором сконцентрирована основная мысль стиха. Эту же мысль поэт дает и названию произведения «Заман» («Время»), систематически подчеркивая, повторяя его на всем протяжении произведения.

Таула кибик, акъ кюртлени эритиб,
Тыпч сюрюрча, бизге табады амал,
Камсыкланы, чърчеклени къарт этиб,
Мурукусуз алгъа барады заман.

Чтобы читатель мог выделить, запомнить основную мысль, заключенную в слове «Заман» («Время»), поэт рифмует это слово, ломая обычный для карачаевского языка порядок слов в предложении, где сказуемое должно стоять обязательно в конце предложения.

В первой и третьей строках этот порядок сохраняется, а во второй и четвертой использована инверсия.

Аналогичное явление мы наблюдаем и в других стихах поэта («Полтава», «Песня богатырей» и др.).

Умело пользуясь инверсией, поэт подчеркивает те слова, которые выражают основную идею, основную мысль, то, что хотел сказать автор своим произведением, то, что хотел он довести до слуха и сердца читателя. Здесь, как мы заметили, рифмы, которые являются звуковыми повторами, подчеркивающими главное смысловое значение в стихе, создающие особое эмоциональное напряжение, символический образ Времени, ораторская интонация—все это звучит уверенно, мерно, как мол-

чаливая, но идущая из глубины души клятва умудренного жизненным опытом мужа. Ни один из карачаевских поэтов никогда не поднимал философскую тему на такую вершину, как этого достиг О. Хубиев.

Стихи, вошедшие в сборник «Ант», в целом это уже произведения новой тональности, новой окраски по сравнению с предшествующими стихами, они еще более отточены по форме, отличаются гармоничной простотой воплощения мысли поэта о жизни и борьбе, о человеке и времени, о любви и верности. Читатель глубоко ощущает, что эти стихи написаны человеком, много видевшим, опытным художником.

В реалистически-дидактической форме поэт активно вмешивается в окружающую действительность, старается предостеречь человека, показать ему истину, открыть глаза. При этом все многограннее мысли и настроения выражаются до осязаемости выпукло и наглядно. В поэме «Алакез» («Голубоглазая») поэт ведет нравоучительный рассказ о современном Дон-Жуане и легкомысленной девушке Алакёз, которая с первого слова соглашается стать женой человека, не зная даже имени его

Джашны Алакёз
Билгинчи атын,
Болду, бериб сёз,
Анга бир къатын.

Не зная даже
Имени парня,
Алакёз дала слово,
Стала одной из его жен.

(Подстрочный перевод — Н. К.)

Действие поэмы происходит в наши дни в одном из горных аулов. Сюжет поэмы прост: молодая девушка-подросток (Алакёз) переписывается с несколькими парнями. Видя, что красивая и очень молодая девушка учится неохотно (в старших классах), ее начали сватать. На одной свадьбе Алакёз танцует абезек³⁴ с незнакомым молодым мужчиной. Он красив, статен, красноречив. Он давно приметил юную Алакёз. И вот удобный случай: он объясняется девушке в любви, пустив в ход все свое уменье:

Голубка белая моя,
Ты день мой ясный,
Знай, нет без тебя ни дня
У меня, нет и ночи.
Красота твоя, Алакёз,
Похитила мой сон.
Из-за тебя
Поседела моя голова.
На ладонях моих (на руках—*Н. К.*)
Протекут твои дни,
Посмотри ты на меня, послушай,
Луноликая моя...

(Подстрочный перевод—*Н. К.*)

Алакёз соблазнилась. Стала его женой, вернее—его жертвой. Неделю он (зовут его Хамит) был рядом с молодой женой, но все это ему быстро наскучило. Стала скучать и молодая жена. Она попыталась сопротивляться, но Хамит был неумолим. «Что ты хочешь? Слишком много я возился с тобой. Есть у тебя дом—вот он, есть чем питаться, ты еще не испытала ничего страшного!..»

С этими словами он уходит и всего себя отдаст пьяному, разгулу.

Алакёз ждет ребенка. Родственникам мужа она немила. Ей предлагают покинуть их дом. Но однажды вечером в дверь постучалась незнакомая женщина. Алакёз пустила ее в дом. Она с Украины, с ней двухлетняя дочь. Они ищут мужа и отца.

Алакёз возмущается, как мог отец убежать и скрыться от своего родного ребенка, но она еще не знает, что отец этой девочки—ее муж, Хамит. И она начинаст незнакомой женщине рассказывать о своем горе. «Обманулась я. День мой темнее ночи, а жизнь моя подобна могиле. Пьет мой муж, гуляет где-то, ни ночью, ни днем не показывается дома», — жалуется она. В это время в комнату вваливается пьяный Хамит и кричит на жену.

— Энди уа кимге
Тарыгъаса сен?
Къора бу юйден,
Тас бол дейме мен!..

— А теперь кому
Жалуешься ты?
Вон из этого дома,
Сгинь—говорю я.

(Подстрочный перевод—Н. К.)

Его первая жена, увидев это, покидает дом со словами:

«Ты недостойн быть отцом».
Во всем этом автор обвиняет саму Алакёз.

На эту тему в карачаевской литературе много писали. В молодой литературе разворачивалась ожесточенная борьба с феодально-байским укладом жизни. Тема эта была одной из главных в литературе и 20—30 г.г. Она актуальна и сейчас. Почти во всех произведениях наших писателей отстаивались права женщины, данные ей Советской властью. Из всей этой, во многом несовершенной и потому ныне забытой литературы, пережила свое время, пожалуй, известная поэма Азрета Уртенова «Сафият», в которой говорилось о судьбе бедной красавицы Сафият, ставшей одной из многочисленных женок кулака Мекера. Прожив некоторое время в семье ненавистного мужа, Сафият больше не в состоянии оставаться в этой темнице, где она не имела ни одного светлого дня. Она убегает к своим родным. Но родители Сафият бедны, ей нет места и здесь. Богатый Мекер дал за нее большой калым, родители вынуждены будут заставить ее вернуться в дом Мекера, откуда может вырвать ее только смерть. И юная Сафият, зная, что ее вернут и все муки начнутся снова, предпочла смерть...

Осман Хубиев зачитывался поэмой Уртенова, и влияние ее весьма заметно в поэме «Алакёз». И не только в самой теме, структуре и сюжете, а и в той эмоциональной тональности, в какой выражена поэма Османа Хубиева.

Азрет Уртенов предупреждает, что он хочет рассказать читателю о своей подруге, дорогой его сердцу юной Сафият, которую погубили старый мир, старые адаты, старые представления о браке и семье...

Мы были ровесники,
Соседкой она была!..
Эх...

Она была излучающей свет,
Яркой
Звездой.

(Подстрочный перевод—Н. К.)

Почти этими же словами начинает свою поэму и
О. Хубиев.

Татлы тенгими
Хапарын сизге
Айтыргъа менн
Тюшдю эсеме.

Поведать вам
Хапар (рассказ)
О подруге дорогой
Запало в душу мою.

(Подстрочный перевод—Н. К.)

В поэме О. Хубиева сюжет развивается плавно, размеренно. Малочисленность событий в ней компенсируется авторскими рассуждениями. В поэме в основном три действующих лица: Алакёз, Хамит и украинка, первая жена Хамита. У нее даже имени нет, она всего лишь несколько минут присутствует в доме Хамита. Действие происходит вокруг имени Алакёз. А. Уртенев же написал драму, требующую напряженного и динамичного развития действия. Поэтому и характеры у А. Уртенева иные.

Сафият—натура активная, наступательная. Неважно, какими методами, но она ведет борьбу и в финале погибает, побеждая зло своей смертью. Через историю ее жизни поэт раскрывает все лучшее в характере горянки,

а также варварски-бессмысленный деспотизм мужа и его богатых родителей, к которым читатель испытывает чувство негодования и жгучей злобы за их дикое, нечеловеческое отношение к юной Сафият, бедной девушке из бедной семьи.

Герония Османа Хубиева страдает не от сословных, классовых различий. Алакёз—жертва не только собственного легкомыслия, как утверждает автор, нет. Это легкомыслие можно было бы предотвратить, если бы рядом не было морально ничтожной натуры Хамита, воплотившего в себе то мерзкое, что в конечном итоге безжалостно губит женщину во цвете лет.

Алакёз молода, обаятельна, нежна и красива, но вместе с тем слабовольна и легкомысленна, она никак не может понять, что этот Дон-Жуан может посмеяться над ее чувствами, над ее верой в любовь. В народе говорят: «Упавший сам—не плачет». Так и Алакёз. Она опустила руки и вся предалась своему горю, сознавая в глубине души, что она сама во всем виновата. Сразу стала взрослой, рассудительной, но спокойная рассудительность не приводит ее к мысли, что ей надо искать выход из нравственной глухоты. Сафият А. Уртенкова нашла решение, а Алакёз О. Хубиева не может, она молча соглашается с грубым, хамским отношением к себе...

В этом отношении поэма О. Хубиева «Алакёз»—шаг назад по сравнению с поэмой А. Уртенкова «Сафият», созданной еще в 30-х годах. О. Хубиев отделался моралью, но не содрогаясь, не возмущаясь, даже не предлагая героине бежать из мрачного дома мужа, где ей все опостылело, где все ее ненавидят. Автор холодно бросает: «Алакёз, во всем сама виновата. Почему ты бросилась в горящий огонь, скажи? Если будешь ходить с завязанными глазами, помни, дорога твоя всегда будет скольз-

кой». Так эпически бесстрастно заканчивается поэма. И Алакёз остается чужой не только для своего мужа, но и для автора поэмы, который оказался бессильным и принял образ жизни Алакёз как норму.

Поэма не удовлетворила читателей, ибо оказалась перепевом, повторением того, что было сказано до О. Хубиева и самим О. Хубиевым.

Поэма О. Хубиева «Алакёз» — отход от тех проблем и задач, которые всегда стояли в центре внимания поэта, всегда волновали его, призывая к активному отношению к жизни, к судьбе человека, к судьбе матери-горянки.

Неоценимую роль в развитии современной карачаевской литературы в повышении ее идейного и художественного уровня сыграли постановления ЦК КПСС по идеологическим вопросам, подготовка и проведение празднования столетия В. И. Ленина, исторические решения XXIV съезда нашей партии. Литература Карачая, как и вся советская литература, целиком была насыщена этими событиями. Об этом красноречиво говорят и лиро-эпические произведения наших поэтов: Османа Хубиева, Халимат Байрамуковой, Хусея Джаубаева, Назира Хубиева, Магомета Чотчаева, Сослана Байчорова и др. Одной из особенностей этого жанра является то, что центральное место в нем занимает образ положительного героя, наиболее полно представляющего интересы родного народа. «Без героя не бывает поэмы»³⁵, — подчеркивал еще В. Г. Белинский.

В поэмах карачаевские литераторы создали художественный образ своего времени. Проблема высокого, героического в зависимости от времени получает различное наполнение, в результате которого изменяется и само содержание и форма поэмы. Существенной особен-

ностью современной карачаевской поэмы является и то, что она, будучи продуктом младописьменной литературы, не в состоянии была пройти все стадии развития. «...процесс ускоренного развития литератур имеет особый характер... Он связан с духовным раскрепощением народов, созданием материальной базы, общественно-экономических основ для беспрепятственного развертывания национальных сил. Социализм дает выход народной энергии, народной мысли, накапливаемым многими десятилетиями и сдерживаемым подавляемыми условиями феодально-буржуазного общества. Но не только это. Социализм одновременно пробуждает в народах новые потенции, поднимает из глубин все жизнедеятельные, творческие силы. Возможность ускоренного развития младописьменных литератур заложена в самой природе, характере социалистических общественных отношений. Оно не означает того, будто молодые литературы в исторически сжатые сроки проходят все этапы, все стадии, через которые шли старшие по письменной традиции литературы. Ускоренность развития подразумевает «выпадение» ряда звеньев. Неполнота пути, отсутствие ряда исторических ступеней не ущемляет ли полноту реалистического искусства? Опыт советской литературы не подтверждает это. Не секрет, что многие произведения литератур, развившихся ускоренными темпами в советское время, удивили мир своей художественной мощью, получили всеобщее признание»⁶⁰.

Эти слова в полной мере относятся и к истории развития карачаевской литературы. Авторы первых карачаевских поэм широко использовали фольклорные поэтические формы и образы, фольклор был их первым учителем. Богатейшие фольклорные традиции явились

источником создания образа положительного героя карачаевских поэм. Этими же традициями объясняются и те недостатки, которые до сих пор характерны нашей литературе.

В основе лучших поэм Иссы Каракотова «Кулак и батрак», «Открой глаза»³⁷, Азрета Уртеннова «Сафият», «Письмо Сюлемена к Сурат», «Эфенди и смерть»³⁸, Даута Байкулова «Залихат», «Шамай прежде и теперь»³⁹ — идея борьбы против социальной несправедливости. В центре этих произведений — столкновение смелых благородных людей из народа с представителями реакционных классов. Используя краски и мотивы народного творчества, первые поэты Карачая воссоздали картины далекого прошлого, идейным и эстетическим содержанием обращенных к современной авторам действительности.

В названных выше поэмах И. Каракотова ярко выразилась идея борьбы рождающегося нового с омертвевшим старым. За их романтическим сюжетом ощущается реальная жизнь — страдание трудящегося люда и его борьба за лучшую долю. Кратко рассмотрим поэму «Кулак и батрак». Подросток нанимается к баю в батраки. Не вскоре он, подавленный непосильным трудом и жестокостью своего хозяина, заявляет баю о своем уходе от него. Бай лицемерно-слащаво уговаривает его остаться, обещает относиться к нему, как к сыну, а если будет угодно аллаху, то он не прочь и породниться с ним — выдать за него замуж свою дочь. Мальчик, полный радужных надежд, соглашается остаться. Проходят долгих пять лет, и все эти годы батрак остается батраком, не становится ни сыном бая, ни его зятем. И он уходит, получив у хозяина то, что заработал за эти годы обильным потом. Но алчный и жадный бай темной ночью до-

гоняет батрака, убивает его и забирает обратно то, что накануне мальчишка получил у него...

В лирических отступлениях поэт выражает горячее сочувствие мальчику-батраку и в то же время, используя традиционную символику, наполняет свое произведение новым содержанием: он сравнивает кулака с коварной и злой змеей, с кровожадным зверем. В самый напряженный момент повествования И. Каракотов переходит к драматической форме, еще больше подчеркивая этим силу эмоционального воздействия произведения и еще больше наполняя образы исторически конкретным содержанием.

Тяжелое положение девушки в семье своих родителей, ее муки в доме ненавистного мужа, ее мужественный, побеждающий характер, ее способность к большим человеческим чувствам—уметь любить и ненавидеть—показаны в поэме Азрета Уртенова «Сафият». О ней мы подробно говорили выше.

Но события революции, гражданской и Отечественной войн, события наших дней явились неисчерпаемым источником для создания подлинно героической поэмы в карачаевской литературе.

Определяя основные признаки жанра героической поэмы, В. Г. Белинский писал, что ее предметом являются большие, важные для народа события, что она «рисует идеальную действительность»⁴⁰ и «схватывает жизнь в ее высших моментах»⁴¹.

Изображение героического, патриотического—основной признак карачаевской поэмы последних лет.

В 1963 году Х. Байрамуклова создала поэму «Орайда»⁴², написанную в символично-романтической манере. Но символика здесь служит благородной цели раскрытия больших патриотических идей. Революция в этом

произведении олицетворена в образе хрупкой девушки Орайды, которая в единоборстве побеждает ханского богатыря-поработителя. Используя древнюю легенду о борьбе родного народа с иноземными захватчиками, рисуя картину его вторжения в Карачай, утверждая мысль, что лучше умереть в борьбе, чем стать рабами, поэтесса ведет большой разговор на остросовременную тему. Главный конфликт «Орайды», проникнутой духом борьбы и подвига во имя Родины,—столкновение человечности и патриотизма, воплощенных в образе народа, с силой тьмы, жестокостью и алчностью, носителями которых являются хан и его полчища. Юная героиня Орайда во имя своей любви, во имя спасения Родины от порабощения вступает в неравный бой с вражеским силачом. Опасность, угрожающая ее родным горам, придает девушке чудесную силу, и она побеждает.

В результате умелого сочетания традиционно фольклорных и новаторских приемов Х. Байрамукова добивается слияния в единое целое сказочности с современностью звучания, условности—с жизненной достоверностью. В этом именно и состоит главная стилевая особенность поэмы «Орайда».

Тема борьбы за счастье народа, за счастье страны, советский патриотизм глубоко волнует поэтессу. В том же 1963 году в свет вышла новая поэма Х. Байрамуковой—«Залихат»⁴³. В ее основу легла героическая биография партизанки Залихат Эркеновой, казненной фашистскими палачами. Поэтесса рисует свою героиню как бесстрашного, несгибающегося борца. В ее образе автор сумел показать характер коммуниста, советской горянки, своей современницы, в чьем сознании неразделимы любовь к социалистической Отчизне с чувством долга перед ней: защищать ее от врага до последней

канли крови. Проникновенный лиризм пронизывает все повествование. Постоянно чувствуется присутствие и самого автора, ее страстное, активное отношение ко всему происходящему.

Органически усвоив традиции родного фольклора, Халимат Байрамукова создала историко-героическую поэму—повесть о славной дочери народа.

В творчестве молодых карачаевских поэтов проблема героического получает еще более широкий смысл, чем в творчестве их предшественников. Молодые авторы прославляют теперь не только подвиг революционной борьбы, но и героизм мирного труда. Они создают лирический образ любимой Родины, рисуют обобщенный образ народа-созидателя и конкретный образ советского человека. В поэме «Мария»⁴⁴ Магомет Чотчаев воспел красоту труда, здоровый дух в здоровом теле народа. Теплом, лиризмом, глубоким уважением к земле дающей хлеб, пронизана каждая строка поэмы. Воспеваемая моральную и физическую красоту сельской молодежи, поэт сумел показать, как в условиях социализма труд превращается в творчество, украшающее человека, приносящее ему радость, любовь и надежду на человеческое счастье.

Поэма Назира Хубиева «Первый сноп»⁴⁵ посвящается трудному и героическому пути отцов и братьев, которые сквозь бури целеустремленно шли в будущее и сегодня являются достойными учителями советской молодежи.

Среди читателей большой популярностью пользуются баллады Хусея Джаубаева⁴⁶. Художественно осмыслив историю Великой Отечественной войны, поэт сумел глубоко проникнуть во внутренний мир человека, раскрыть процесс формирования героического характера,

увидеть истоки его мужества и стойкости, ощутить тепло его любви к жизни, миру, Родине. В своих произведениях Х. Джаубаев воспекает образ героев, жизнь которых—подвиг во имя Родины.

В историко-революционной поэме «Свет земли» автор обращается к событиям революционной эпохи. Рисую широкие картины жизни, начиная с Радищева, декабристов и до наших дней, поэт создает образ революционной России и ее вождя—В. И. Ленина. «Свет земли» Х. Джаубаева перекликается с поэмами «Хорошо» и «Владимир Ильич Ленин» В. Маяковского. Правда, обилие материала местами превращает лиро-эпическую поэму в историческую хронику, но в целом она написана взволнованно и на хорошем художественном уровне. Напряженное повторение основной мысли поэмы, вполне естественное соединение с этой мыслью показа всех революционных перемен в стране делают произведение остросовременным, близким читателю. Философским раздумьям, органически вошедшим в стихи, автор сумел придать поэтическое звучание. Звон, который слышится над землей,—это призыв к борьбе с реакцией. Этот мотив является рефреном произведения.

Романтически приподнятые, символически обобщенные, обращенные ко всем честным людям планеты слова о событиях в России в октябре 1917 года перемежаются со строками, обращенными к Великой наследнице бессмертного дела Ленина—Коммунистической партии Советского Союза.

В руках у поэта глобус. Он взволнованно говорит с Землей, доверяет ей все свои сокровенные тайны. От имени молодого поколения Страны Советов автор поднимает свой голос в защиту томящихся в застенках капитала борцов, преследуемых современной реакцией за

их передовые убеждения, за их любовь к жизни, Родине. Поэт обращается к людям планеты, призывая их отдать все силы тому, чтобы мир стал прекрасным, цветущим, чтобы голос реакции заглух в звуках революционных песен. Поэма воспринимается, как поэтический монумент бессмертия идей Октября, В. И. Ленина.

Патриотические события, происходящие в нашей стране на современном этапе, нашли свое отражение в стихах и поэмах Османа Хубиева. Писатель, создав роман о Великой Отечественной войне, как бы заново начал осмысливать тему войны. В поэте вспыхнуло желание рассказать современникам и будущему поколению о неисчислимых бедствиях, принесенных людям войной, выразить свою боль, которая и «на мирной квартире» отнимает покой у людей. Война рисуется без всяких прикрас: жертвы, потеря близких и друзей, ратные трудности, мучительная тревога за судьбу страны и ее народов. В эти трудные для страны и для бойцов дни поэт сумел показать правдиво то, что отличало советского воина от солдат гитлеровской армии. Это прежде всего—вера в победу, любовь к Родине, глубокое понимание цели борьбы, справедливого характера войны с фашизмом. В годину суровых испытаний все народы нашей страны еще теснее сплотились вокруг родной партии, все их помыслы и порывы слились в одно единое, святое, имя которому—Дружба. Вот об этой дружбе, о том, как она помогла преодолеть трудности войны, обеспечила нашу победу над жестоким врагом, о том, как советских воинов дома ждут с непреклонной верой в то, что они одержат эту победу, рассказывается в поэме Османа Хубиева «Ты спас».

Красноармеец в бою тяжело ранен в руку. Но он, истекая кровью, из последних сил продолжает поливать

огнем цепи фашистов из автомата, работая левой рукой. Он видел, как горит хлеб в степи, слышал свист бомб над головой, окидывал помутневшим взором родную землю, на которой враг казнил стариков, детей и женщин. И стрелял по врагу. Он защищал Россию. Печально и в то же время жизнеутверждающе звучит внутренний монолог воина:

О, сколько верных сыновей,
Россия-мать,
Уже лежит в земле твоей—
Не сосчитать!
Но больше, больше во сто крат
Идет в строю.
Они не дрогнут, защитят
Страну свою⁴⁷.

События, связанные с судьбой солдат разных национальностей, составляют основу сюжета поэмы. Ее красной нитью пронизывает героическая тема, сливаясь с темой дружбы народов. Патриотическая взволнованность автора становится живой участницей событий, борьбы с фашизмом; натетика эта то служит развитию, углублению темы, связанной с образом русского брата, который спас в бою карачаевца Азамата, истекающего кровью, но не уронившего оружие, то вдруг раздвигает границы стихотворного повествования, когда поэма о Великой Отечественной войне звучит песней о мирных днях, о труде, о жизни.

Поэтический, политический, военный опыт автора вместе с его жизненным опытом помогают ему придать стиху поэмы выразительную силу, слить воедино героическое с повседневностью. Главная черта лирического ге-

роя, образ которого то сливается с образом Азамата, то выступает самостоятельно, состоит в том, что он чувствует себя неотделимым от всего советского народа и не представляет свою судьбу в отрыве от родной земли. Он понимает всю тяжесть положения на первом этапе войны.

Когда над нашею судьбой
Нависла тень,
Беда свела меня с тобой
В тот черный день...

«Беда свела меня с тобой...». Но не только беда. Братья по Родине, братья по убеждению, братья по духу сошлись, чтобы разбить врага, отстоять Родину, спасти человечество от коричневой чумы—фашизма. Картины боевых будней, полные героизма и мужества, в поэме сменяются лирическими отступлениями, в которых поэт с гневом говорит о фашизме как о смерти, о советском солдате—как о доблестном воине, которому самой историей суждена благородная миссия—спасти человечество от черных сил фашизма. Беспримерный героизм советского народа выдерживает все испытания. Война закончилась поражением тех, кто поднял свою грязную руку на свободу чужой страны. Советские воины победили, вернулись домой. Труд, вдохновенный и самоотверженный, лечит раны на теле страны, раны в сердцах ее солдат, сирот и вдов.

Интернациональная дружба советских людей, все-сторонне укрепшая на войне, на израненной земле засияла всеми красками радуги. Освободители Европы теперь восстанавливают родные города и села, пахут, сеют, выращивают скот.

Поэма кончается гимном в честь победы, в честь

труда и грядущих дней советского народа, в честь бес-
смертия героев, тех, кто никогда не умрет для Родины,
в честь тех, кого все еще ждут старые матери у очага,
кому все еще верны невесты, возвращение которых с
надеждой ждут и жены. Ждет русская мать своего Ми-
хаила, горянка—своего Азамата. Они остались живы
и, конечно, после войны вернулись домой. Карачасвец
Азамат и русский парень Миша, защищая просторы
Украины, знали, за что они воюют, из каких источников
рождается их сила, их мужество. На первый взгляд как
будто эти парни боролись в данном случае за свою
собственную жизнь: один спас другого, что мог сделать
солдат любой армии. Но глубинная суть этой большой
солдатской дружбы и ее высший и конечный смысл за-
ключены не только в защите Украины или Кавказа, но
прежде всего — в защите Советской Родины, с именем
которой они шли в атаки, с которой они мысленно всег-
да были тесно и любовно связаны. В их сердцах плач
матерей, голос Родины будил великий гнев, резко обо-
страя чувство патриотизма, заслоняя собой все личное.

В. И. Ленин писал: «Патриотизм—одно из наиболее
глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями
обособленных отечеств»⁴⁸. И это самое сильное, самое
благородное чувство человека, гражданина страны со-
циализма, всего советского народа наиболее полно и
ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны.
Известно, что в мирной обстановке патриотизм не тре-
бует человеческих жертв, но когда Родина в опасности,
человек становится солдатом и, независимо от того,
призван он в действующую армию или нет, он проходит
суровую школу проверки. Отечественная война, став-
шая проверкой глубины патриотизма нашего народа,
унесшая 20 миллионов человеческих жизней, была же-

стоким испытанием духовных и физических сил советских людей, прочности и жизнеспособности социалистического строя.

Советский воин, одухотворенный идеями Великого Октября, руководимый партией Ленина, смог, преодолев все трудности, одержать победу, спасти мир от фашистской эпидемии. История еще не была свидетельницей таких примеров массового героизма, мужества, отваги и стойкости, которые были проявлены советскими людьми в тылу и на фронте. Осман Хубиев в проникновенных строках своей поэмы выразил это чувство. Но поэт мужественно суров и правдив в показе действительности. Он не скрывает трудности времени, трудности боя, откровенно говорит о том, что «и, может, смерть в конце концов возьмет свое». Но дружба доблестных сынов России, их любовь к Родине, непреклонная вера в победу, твердость их духа, мужество и самоотверженность были сильнее фашистского царства смерти, гула их атакских машин, трескотни фашистской пропаганды о том, что Коммунистическая Россия не что иное, как котел на глиняных ножках, который свалится при первом же сильном толчке... Это было одной из роковых ошибок фашистов. Именно в результате такой оценки мощи нашей страны они, натолкнувшись на величайший патриотизм советских людей и на их массовый героизм, нашли свою смерть на просторах России.

В ряды защитников Родины вместе со всем советским народом встали сыны и дочери Карачая. Им, смертью своей поправшим навеки смерть, подвигом своим отстаивавшим Отчизну, посвящена поэма О. Хубиева «Ты спас». Оча полна жизнеутверждающей силы, горячей любви к Родине, ненависти к фашизму.

Желая всемерно упростить стихи и придать им ха-

рактер беседы, рассказа, автор отказывается от про-
странных метафор, сравнений, антитез, делающих стих
тяжелым, громоздким. Этим, очевидно, объясняется то,
что автор, прибегая к традиционной устно-народной
форме, рифмует вторую с четвертой строкой, без вся-
кого насилия над поэтическим строем стиха строит
предложения так, чтобы нужным словам и основной
мысли дать больше свободы, больше простора и в то
же время усилить рифмы

Гокка бла таб джасалгъан
Ийнарчыккыны,
Баш энишге къарагъанлай,
Окъуб чыккыды.

Во второй главе поэмы, как бы обрамленной с двух
сторон интернациональной и патриотической темами,
звучит нежная и тихая грусть девушки, которая ждет
о службы своего возлюбленного, Михаила. Здесь поэт
описывает мирные дни перед войной. Мишу ждут и ро-
дители. Они построили дом, и когда сын вернется, они
сыграют свадьбу. Солдат тоже скучает по дому. В пере-
рывах между ученьями он читает письмо девушки из
Пензы. В трогательно-ласковых строках своего письма
девушка писала о своей любви и верности, о том, что
она ждет его, что ее сватают другие парни, но она на-
всегда отдала свое сердце Мише, которому хочет при-
нести счастье, ибо только любя можно быть счастли-
вым. Девушка тревожно переживает разлуку с люби-
мым и, краснея от смущения, просит, чтобы и он был
верен ей. Проникновенно говорит поэт о душевной чи-
стоте девушки, которая тревожно, ласково предупреж-
дает своего возлюбленного: «Увидев там чужих краса-

виц, здесь меня не забывай...» Затем поэт опять переходит к тому, как готовятся родители Миши к его возвращению домой. Вот-вот кончится срок службы, в дом придет счастье: сын приведет свою невесту. Это большая радость, и ее надо встречать хлебом-солью. Все это есть у родителей Миши. Готов и новый дом для молодоженов. Жизнь в ожидании возвращения сына была щедрой, светлой и радостной...

Третья глава поэмы вновь возвращает нас к трагическим дням войны. Собственно, начало войны описывается именно в этой главе.

Таг атаргъа джер тебениб,
Джюз титиреб,
Ачы-ачы от чартлады,
Кёк кюкюреб.

На рассвете земля задрожала,
Вздрогнула сотни раз,
Горькой молнией сверкнул огонь,
Тревожно затряслось небо...

(Подстрочный перевод—Н. К.)

Надо было отстоять Отчизну. А для этого нужны были не только танки, самолеты, солдаты... Нужна была и беспредельная любовь к Родине, вера в справедливость своей борьбы, стойкость и мужество советских людей и еще—священная ненависть к врагу, ненависть, как писал А. Толстой, «сильная, прочная, смелая ненависть!.. Не черная, которая разрушает душу, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев нашего фронта и утраивает силы

рабочников тыла»⁴⁹. У советского народа все это было, с чем так искренне и мужественно, по-советски сумел сказать ингушский поэт Мугалиев.

И если паровоз, горячее истратив,
Замедлит ход в пути, я брошусь в топку сам,
И он помчится вновь навстречу вражьей рати,
Даруя братьям жизнь и смерть врагам⁵⁰.

(Перевод В. Серых)

В последней главе автор в напряженном и радостном ритме, с большой собранностью и честностью призывает трудиться так же активно, как и на фронте, ибо, говорит он, мы поклялись родному знамени трудиться и бороться всегда с полной отдачей сил, Считая, что в тяжелые годы разрухи поэт должен не только «глаголом жечь сердца людей», но и стать «голосом народа», Хубиев стремится передать чувства и мысли самых широких масс нашего народа после войны. Поэта волнуют раздумья о судьбе Родины и всей планеты, о героическом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, предстоящей борьбе на трудовом фронте, о сплоченности, дружбе и братстве всех народов страны. Наиболее полное представление об особенностях послевоенной поэзии О. Хубиева дает рассмотренная нами поэма «Ты спас». Она была начата еще в годы войны, но свет увидела в пятидесятые годы. На ней можно проследить, как развиваются национальные черты современной карачаевской поэзии. И по времени написания, и по своему содержанию «Ты спас» может быть рассмотрено как произведение, переходное от поэзии военных лет к послевоенному этапу творчества О. Хубиева.

Знакомясь с поэмой «Блей», мы видим возросшее художественное мастерство О. Хубиева, соответствующее глубокому, идейно-насыщенному содержанию произведения. В поэме гармонично сочетаются политические, патриотические и авторские обобщения с показом индивидуальных судеб эмигрантов, людей без родины. Такой мотив характерен для целого ряда других произведений поэта, специально объединенных им в цикл «Араб джоллада» («По арабским дорогам»). В «Блей» О. Хубиев сумел убедительно показать, что человек, потерявший Отчизну, обречен на вечное одиночество. Будучи за рубежом, поэту пришлось встречаться с такими людьми, предки которых еще до революции покинули родной Кавказ. В их высказываниях сквозит безысходная тоска, чувство обреченности. У многих из них есть все необходимое для безбедной, даже роскошной жизни. Но они кажутся какими-то одинокими, обделенными судьбой. Это тоска по родине. Пусть они родились на чужбине, пусть им никогда не пришлось увидеть сверкающих вершин двуглавого Эльбруса, не пришлось испытать глоток студеной воды из Кубани, не любовались легендарными озерами Теберды и Домбая, но все их душу будет терзать тоска, тоска по земле предков, тоска по Кавказу, желание стать самим собой, а не быть в положении перемещенных лиц. Оторванный от родной земли человек кажется беспомощным ребенком, которого насильно и грубо отняли от материнской груди. Такой ребенок не может духовно и физически нормально развиваться, ему необходимо тепло материнской груди, которое никто и ничто не может заменить. Так и взрослому человеку—ничто и никто не может заменить Отчизну.

Известный русский писатель Иван Бунин до конца

своей долгой жизни испытывал острое чувство тоски по России, его, дворянского интеллигента, угнетала образованная Европа... Россия снилась ему по ночам, он видел ее поля, леса, но не смог увидеть и понять ее новых хозяев—советских людей. Глубоко и проникновенно писал И. Бунин о своей оторванности от родной земли, о своем одиночестве:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать «прости» родному дому!
У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей, уж ветхою, котомкой⁵¹.

Далее. «Одинокий везде и всегда», он с горечью писал:

Ту звезду, что качалась в темной воде
Под кривую ракией в заглохшем саду,—
Огонек, до рассвета мерцавший в пруду,—
Я теперь в небесах никогда не найду.
То селенье, где шли молодые года,
В старый дом, где я первые песни слагал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда...⁵²

Это страшное, угнетающее и опустошающее душу чувство оторванности от родной земли Осман Хубиев показал в поэме «Блей»⁵³. Причем он в своем повествовании активно вмешивается в ход событий и, как тако-

вой, выступает творцом истории, создающим собственные идеи, взгляды на явления жизни. «... Активное отношение к действительности очень важно для поэта. Если его нет, поэт гибнет. Его уделом становится иллюстративность, констатация факта, статичность. Он уже не участвует в жизни, уже не борется. Он лишь пассивный наблюдатель. Это самая скверная поэзия. Она совершенно не плодотворна»⁵⁴,—справедливо замечает Эдуардас Межелайтис.

Поэзия О. Хубиева, ведущая борьбу за истинные мысли и чувства общественно активного человека, сама всегда была и остается общественно активной, мужественной.

Руки отдадим свои и жизни
Родине, когда она в беде,—

писал поэт, когда нашей Отчизне грозила опасность. И сегодня не перестает Осман Хубиев призывать к борьбе. Поэт-гражданин, поэт-патриот, поэт-борец всегда активен, жезнеспособен, боепригоден. По словам молодого карачаевского поэта Назира Хубиева, О. Хубиев сказал: «Вечный бой для меня продолжается в мире». Ему не дает покоя судьба человека, судьбы народов. Он с большой сердечной болью чувствует горьких, кому суждено жить вдали от родной земли. Известно, что в 1858—1859 годах было организовано массовое переселение горцев в Турцию. Горские феодалы и царские колонизаторы отнимали у народа все: «Отчизну, свободу. Трудовой народ, как рыба, выброшенная волной на песчаный берег, очутился на чужой земле, где женщин отправляли в Константинополь на продажу уже не единицами, а целыми сотнями...»⁵⁵. Душе-

раздирающую картину представляло переселение горцев, со слезами и плачем прощались они с землей, где родились и росли, где оставались могилы отцов и детей, оставалось все, что было близко и дорого сердцу. «Дети и женщины заголосили, хватались друг за друга, взрослые мужчины зарыдали, старики бросались на землю, стали ее целовать и поливать своими слезами»⁵⁶. «Не лучшим было положение горцев и на местах поселения»⁵⁷. Среди многих переселенцев, испытавших на себе все ужасы переселения, появилось вскоре немало желающих возвратиться на Родину»⁵⁸. «В христианской России нам было лучше во всех отношениях, чем в магометанской Турции»⁵⁹.

Но и по возвращении на Родину горцы испытывали огромные бедствия. Из старого хозяйства их ничего не осталось, иссякли производительные силы. Трудно было и тем, кого пригнал царизм в эти места с равнинных районов. «Опыт горской культуры для них пропал бесследно, и в результате плодородные цветущие местности заглохли, сенокосные поляны заросли, бесчисленные сады пропали, огромное скотоводство горцев погибло, а переселенцы не нашли ничего, кроме леса, который и начали истреблять»⁶⁰.

«Таков был финал Кавказской войны, принесшей горцам неисчислимые страдания, гибель сотен тысяч людей, разрушение экономики, запустение многих районов и последующее массовое выселение в Турцию. Эта война, ненужная русскому народу, потребовала от него больших жертв»⁶¹.

Но к горцам русские трудящиеся относились по-братски, оказывая посильную помощь во всем. По словам декабриста А. А. Бестужева-Марлинского, «казаки отличались от горцев только небритою головою, ору-

Жне, одежда, ухватки, все горское... Почти все говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже родство по хищению жен»⁶².

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой писал, что «казаки перероднились с ними (с горцами— Н. К.) и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев. «Казак» уважает врага-горца... Щегольство в одежде состоит в подражании черкесу... Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски»⁶³.

Великая Октябрьская революция принесла свободу, равенство и братство всем народам бывшей царской России. Горцы, как и все народы многонациональной советской России, стали строить у себя счастливую жизнь. Но тем, кому суждено было остаться на чужбине, не пришлось испытать счастья новой жизни. Об этом говорится в поэме «Блей». Автор размышляет о Родине, о том, что такое Отчизна для человека. С большой гражданской страстностью и поэтической щедростью О. Хубиев противопоставляет страну с белоснежными горами, с бурными реками, где живут свободные счастливые люди, затерянному в песках аулу с печально увядающим названием—«Блей», где в мрачных лачугах ютятся потомки рожденных в горах Кавказа людей, по несчастью покинувших Родину. Поэт мыслит широко исторически, улавливая пульс борьбы арабских народов за независимость своих стран.

О. Хубиев пишет о том, что он лично наблюдал, когда в качестве туриста был в одной из стран Ближнего Востока. Тут он и увидел карачаевский аул Блей. Встретился с его жителями. Их образ жизни, равнодушные и тоска, затаившаяся в их лишенных жизни и блеска глазах, вызвал в душе поэта щемящую боль. Как

беспомощны люди, как бессильны они, когда под ногами чужая земля, над головой чужое небо, в устах чужое слово, а в сердцах—горе свое...

Къайдан кёрдюм мен бу халынгы,
Араб тюзледе аджашхан Блей?
Бюгюн сени талпыб таныдым,
Артдан татырса деб эсгермей.

И зачем я увидел тебя таким,
Блей, затерянный в арабских песках?
Я с жадностью (с интересом) знакомился с тобой,
Не зная, что все это обернется потом
сердечной болью...

(Подстрочный перевод—Н. К.)

Дальше, как бы желая найти ответ всему, что волнует поэта, он углубляет свое миропонимание, расширяя свои связи с историей. Он выносит суровый приговор буржуазному миру, который веками высасывал кровь людей и кровь земли—ее богатства, наживался и жил. В Блее до сих пор нет водопровода, аул похож на заброшенное кладбище, а люди—жители аула—на какие-то безмолвные существа, задавленные нищетой, долготерпением, униженные и оскорбленные мракобесием. Они даже не могут дать ответ на вопрос, что их держит здесь? Только безмолвно кивают в сторону кладбища, где могил в несколько раз больше, чем лагуч в ауле. Невольно создается впечатление, что эти люди прячутся от солнца, от ветра, прячутся от людей, прячутся от всего живого в надежде на то, что

после смерти они приобретут все, о чем бесплодно мечтали, что приобретут то, что было отнято у них при жизни. Поэт клеймит позором, срывает маски с колонизаторов, поработивших народы под флагом их приобщения к современной цивилизации. Где же она, цивилизация?

Кёрюнмейди орам, не бачха,
Джокъду мында къырдыш, не терек,
Джазы джайы да ушайды къачха,
Къауурсунубду бютеу тегерек.
Нет здесь ни улиц, ни огородов,
Нет здесь зеленой травы, нет и дерева.
И весна, и лето здесь похожи на засуш-
ливую осень,
Кругом все выгорело, нет жизни...

(Подстрочный перевод—Н. К.)

Освободительная борьба трудящихся Востока вызывает у советского поэта самые горячие симпатии. Искра этой священной борьбы должна воспламениться в сердцах блейцев. И поэт призывает их к такой борьбе, пробуждает в них чувство единения и товарищества, заставляет их задуматься над своим нищенским, политически и социально несправедливым образом жизни. Искренне недоумевая, выражая глубочайшее сочувствие блейцам и стремясь пробудить их от векового сна, автор поэмы с болью в сердце спрашивает: почему все это не наталкивало их на солидарность, почему жители Блея до сих пор остались равнодушно-покорными, духовно одичалыми и, наконец, где тот рай, в котором хотели поселиться, покидая Родину, предки блейцев? Нет, не такого, не призрачного, а земного рая надо добиваться в

борьбе, не знающей никаких уступок империалистам, никаких полупобед над ними. Но такая борьба требует много сил, моральной и физической организованности и мужества, требует много жертв. Но это не должно остановить угнетенных, ибо в своей борьбе против сил реакции «колониализма они не будут одиноки. Где бы ни велась эта борьба, она будет близка народам всей планеты, и нет в мире таких сил, которые могли бы погасить ее пламя. Ее подхватят все трудящиеся, как это было в России на заре Октября, как это было в странах социализма. Будущее Блея в руках восставшего народа, судьба его теперь—это судьба всех арабских народов, которые должны вести непримиримую борьбу как с израильской агрессией, так и с невежеством и косностью.

Сагъаядыла араб халкъла,
Теблетмезле сени тушманнга,
Къара кечеде, тюзлюкню джакълаб,
Ашыгъадыла джарыкъ тангнга,
Пробуждаются арабские народы,
Не оставят и тебя (Блей—Н. К.) под
ногами врага.
И в черные ночи, защищая правду,
Они идут заре навстречу.

(Подстрочный перевод—Н. К.)

Но сегодня всюду, куда бы не направил свой взор, поэт видит скорбные лица блейцев. Они мало знают о своей настоящей Родине, о Кавказе. Но надежда всегда живет в них. Они теперь называют Кавказ раем. И не прощают своим предкам того, что они покинули этот раѣ. «Пусть в горе, пусть в трудные времена, но муж-

чине разве к лицу бежать? Пусть здесь нас сделают даже ханами, но горечь разлуки с настоящей Родиной не забудется», — объясняют они поэту. В то же время эти люди не в состоянии поверить, что есть на свете такая земля — Кавказ, что там свободно и счастливо живут их земляки. Буржуазная пропаганда годами твердила, что в Советском Союзе малым народам нет места. «Но если это ложь, если в России—Родине вашей—все люди равноправны, то почему вы забыли о нас, и есть ли надежда увидеть и нам Кавказ?» — спрашивают они гостя, приехавшего к ним с далекой, но близкой их сердцу Земли.

Волнение, которое мы испытываем при чтении поэмы, большей частью вызывается чувством жалости к жителям Блея: ведь они могли быть гражданами первого в истории человечества социалистического государства, если бы не роковая ошибка их предков, некогда покинувших родные горы.

В конце поэмы грустная в целом тональность получает оптимистическую окраску, уверенность поэта в том, что есть у Блея светлое завтра, что в один светлый день они вернутся на землю предков. Подобное изменение тональности от минорной к мажорной гамме рождает чувство уверенности в том, что в недрах Блея таятся несметные силы, что Блей готов сражаться в рядах лучших сынов Востока, что блейцы знают, что их лучший друг — советский народ.

Поэзия Османа Хубиева, в отличие от поэзии первого поколения карачаевских поэтов, является одновременно и поэзией интимной, лирической, боевой и публицистической. О. Хубиев приемлет все, чем живет его время, задачи современной поэзии он понимает шире и глубже. Интимный мотив в его стихах окрашен муже-

ственной патетикой. Он сдержанно, но очень нежно и тепло говорит о своих больших чувствах и переживаниях. В простых и человеческих словах-воспоминаниях переходящих на простую разговорную интонацию, на размышления вслух, поэт обращается к любимой женщине, как бы извиняясь перед нею за то, что до сих пор не писал о ней, хотя всегда носил ее имя в душе, хотел посвятить ей самые лучшие строки...

В стихах о любви поэт старается проникнуть в сокровенные глубины любящей души женской, выразить то, что дорого ее сердцу. Он умеет тонко подмечать все побеждающее чувство, приносящее женщине радость и тревогу за любимого человека, за семью, за детей, делающее ее лучше, чище, возвышенней и женственней.

В стихотворении «Сеннге» («Тебе», 1968) поэт проникновенно говорит о любимой и любящей женщине, супруге, которая принесла ему много счастья. Их навсегда соединила большая любовь, в основе их взаимоотношений лежит глубокое взаимное понимание, единство помыслов. Стихотворение покоряет своей нежной, как бы чуть-чуть провинившейся прямоотой, честностью, отсутствием какой бы то ни было рисовки.

Тюшмегенсе бюгюн эсиме,
Эртдеденди джазартга умут.
Айталмайма аны кесинге,
Джюрек кьайдан тохтасын суууб...
«Нек айтмайса --- деб сен --- атымы?»—
Джукъ келтирме аз да кёлюнге.
Отуз джилны сакълаб отунгу,
Тюз болганма айтхан сёзюме...

Не сегодня я вспомнил тебя,
Давно я мечтал написать о тебе.

Не мог я в этом лишь сознаться тебе,
А сердце не давало покоя, не хотело
Не обижайся, говоря, что остыть.
Столько лет не произносил имя твое.
Тридцать лет, сохраняя тепло огня в на-
шем очаге,
Я оставался верным слову, данному тебе.

(Подстрочный перевод—Н. К.)

О. Хубиев говорит о любви постоянной, неизменной и вечной, о любви, не подвластной ни возрасту, ни времени. Наоборот, возраст и связанная с ним начавшаяся седина, еще больше облагораживают истинную любовь. И поэт, обращаясь к женщине, ставшей женой, другом, человеком, отдающим все силы ума и сердца, все тепло души своим и чужим детям (у нее в детстве «не было детства»), с трепетом произносит:

Башлагъанды кюмюш суу джете,
Къундуз къанатча, чачынга.
Ол да артыкъ суююмлю этед,
Къартлыкъ келмесин къатынга...

Серебристой росой окропились
Твои (черные — Н. К.), как мех бобра,
волосы,
От этого ты стала еще милей и нежней,
Старость не посмеет подойти к тебе...

(Подстрочный перевод—Н. К.)

В этом стихотворении поэт говорит, как мудрец, раздвигает рамки чисто любовной темы, придает ей философскую глубину, связав проблему любви с ролью женщины в семье, в обществе, с борьбой за счастье поколений. И этому образу он приносит клятву:

Нёгерлик эте, кёлумдан тутуб,
Барамтада болгъанса билек.
Къойгъан кюнюмде аны унутуб,
Таб, къалсын тохтаб аллай джюрек.

Став другом на жизненном пути, держа
 меня за руку,
В суровые дни ты была мне опорой,
В день, когда я забуду все это,
Пусть перестанет биться мое сердце.

(Подстрочный перевод—Н. К.)

Но О. Хубиев в своей любовной лирике отнюдь не односторонен. Он знает, что не все еще светло в быту людей, что порой их счастье омрачают уродливые явления в жизни нашего общества. И поэт становится неузнаваемо гневным, его речь достигает высокой обличительной тональности, когда он говорит об этих явлениях. Он сурово осуждает безразличие как к своей собственной судьбе, так и к судьбе других людей, к судьбе детей, оставшихся сиротами при живом отце, клеймит позором тех женщин и мужчин, которые вступают в брак, разрушая благополучие и счастье других, глубоко

раня хрупкие детские души. Как правило, подчеркивает поэт, такой союз не бывает долговечным и крылатым, в конечном итоге приводит к печальному исходу: ссорам, ругани, измене, которые кончаются неизбежным скандальным разрывом. «Такой «союз» не должен иметь место в нашем обществе!» — с гневом заключает поэт.

Поэзия О.Хубиева рассматриваемого периода многогранна, многолика, разнообразна по тематике и образному воплощению. Но одно неизменно — в ней на первое место всегда выдвигается мысль о жизни, о человеке, о Родине, о борьбе и труде.

“Творить—значит убивать смерть...”

Ту Россию, которая освободилась
которая выстрадала свою советскую
революцию, эту Россию мы будем
защищать до последней капли кро-
ви!

В. И. Ленин

В художественном творчестве Османа Хубиева проза занимает ведущее место. По глубине изображения общественной жизни, богатству проблематики, по реалистическому воспроизведению действительности, раскрытию духа эпохи и характера народа, по силе художественного синтеза она не имеет себе равных в родной литературе.

Усваивая и развивая прогрессивные традиции родного фольклора, совершенствуя лучшие традиции кара-чаевской литературы, проза Османа Хубиева впитала и достижения лучших образцов советской литературы и общественно-политической мысли. Произведения его проникнуты передовыми идеями современности, в них тепло и живуче сплетены национальное и общечеловеческое.

Пафос утверждения героического, радость бытия, борьба за передовое, коммунистическое, за расцвет человеческой личности, становление новых людей, служение родному народу, родной партии, преданность идеям коммунизма, любовь к социалистическому Отечеству — вот основное, что характеризует прозу О. Хубиева. Ес-

тественно, это далеко не полное перечисление тех проблем, которые составляют содержание многостороннего творчества писателя.

Прозаические произведения О. Хубиева — это новый этап в истории развития всей карачаевской литературы, краеугольный камень становления и развития социалистического реализма в младописьменной литературе. Обогащенная и поднятая на новую ступень самой социалистической действительностью, проза О. Хубиева вобрала в себя все передовое, прогрессивное в жизни советского общества.

Устремляясь мечтой в будущее, Осман Хубиев представляет неузнаваемо изменившийся лик земли, новые человеческие отношения и нового человека. Показывая причастность к этому прекрасному будущему каждого честного труженика — своего современника — он утверждает, что в чудесном грядущем есть доля всякого, кто провел хотя бы одну борозду на земле⁶⁴.

Эпиграфом ко всему творчеству писателя можно поставить его же слова:

Руки отдадим свои
и жизни
Родине, когда она в беде.

Основная суть этих слов, призывающих отдать руки свои и жизни Родине, когда она в беде, является характерной чертой для всего творчества писателя. Но с наибольшей эмоциональной силой эта мысль звучит в его очерках, рассказах, в трилогии «Аманат», в романах «Бессонные ночи», «Мечь», в повести «Люди».

В прозе О. Хубиева карачаевская литература обрела нового героя, который, с одной стороны, продолжил галерею положительных образов литературы 30—40 го-

дов, с другой—отличен от них тем, что свидетельствовал уже не только о неиссякаемых духовных силах народа, о его готовности вести борьбу с черными силами реакции, но и стал борцом, участником всех побед советского народа, творцом новой жизни.

В таком широком охвате общественных явлений, художественном и философском осмыслении вопросов современной жизни раскрывается сила и новаторство произведений Хубиева...

Еще в повести «Абрек» писателю удалось с большой художественной правдой показать освободительный характер Великой Октябрьской социалистической революции, ее роль в жизни малых народов России, несших веками двойной гнет, роль партии Ленина для дальнейшей судьбы этих народов.

Повесть «Абрек», написанная свыше двадцати лет до появления трилогии «Аманат», в какой-то степени была подступом к широкому полотну, как бы этюдом, хотя в романе нет никакого внешнего экскурса в прошлое. Тем не менее все корни патриотизма народов Страны Советов свое начало берут оттуда, берут там, где впервые блеснула искра свободы, где народ впервые понял вкус борьбы за свободу и социалистическое Отечество, за советскую Родину. Это началось в годы гражданской войны.

«Прозанки, поэты, драматурги, вместе с народом прошедшие по дорогам войны, рассказали о кровавых и героических событиях, ничего не обходя и не лакируя. Жестокая и величественная правда озаряет страницы книг, посвященных героическим дням великой битвы за Родину. Она помогла художникам раскрыть эти события во всей их конкретности и всемирно-историческом значении, определили характер художничес-

кого видения, эстетический смысл изображаемого. Советские писатели осмыслили победу нашего оружия как победу нашего строя, жизни, нашей морали, они показали, что в горниле страшной войны с честью прошли проверку те идейные и нравственные качества, которые воспитаны в советских людях эпохой социализма. Они увидели и большее: на поле боя кристаллизировались не только боевые качества воинов, но и их высокая человечность, богатство душевного мира»⁶⁵, — пишет В. Озеров в своей книге «Полвека советской литературы», подчеркивая, что «фронт был для советских писателей подлинной школой мужества, источником новых тем»⁶⁶.

«Давным-давно отгремели последние залпы Великой Отечественной войны, а интерес к этой поистине неиссякаемой теме не угасает. Писатели словно прикованы к событиям 1941—1945 годов, кажется, дня не проходит, чтобы не появилось новое произведение о войне в стихах или прозе. Каждая книга встречается с доброжелательным и требовательным вниманием. И по этой неутоленной жажде читателя также можно судить, что изображение Отечественной войны и сегодня остается важнейшим эстетическим заказом эпохи»⁶⁷.

О событиях второй мировой войны создана огромная литература почти на всех языках народов мира, даже на языке тех стран, которые не принимали участия в этой войне. Особый характер носит литература страны, народ которой перенес на своих плечах все тяжести и невзгоды, выдержал величайшее испытание, одержал блестящую победу над жестоким и коварным врагом и водрузил знамя Победы над Рейхстагом...

Всему миру известны такие произведения советской литературы о Великой Отечественной войне, как «Васи-

лий Теркин» А. Твардовского, «Дни и ночи» К. Симонова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Они сражались за Родину» М. Шолохова и многие другие.

Принципы поэтизации героического, разрабатываемые в выдающихся произведениях крупных советских писателей, нашли свое дальнейшее развитие в послевоенных произведениях о Великой Отечественной войне. Война кончилась победой советского народа, победой социалистического строя над капиталистическим. Но кровавый день 22 июня 1941 года никогда не изгладится из памяти тех, на чьи мирно спящие города и села ранней зарей налетела фашистская саранча, тех, кто пережил ужасы фашистских концлагерей, тех, на чьей земле ковалась грядущая победа, тех, чей карающий меч потом отрубил звериную голову германских милитаристов. Времени не подвластно это событие.

Вторая мировая война, развязанная гитлеровской Германией, унесла около пятидесяти миллионов человеческих жизней. Люди планеты никогда не забудут этой трагедии, они поэтому всегда будут зорко стоять на страже мира, помня, что чудовищное пламя новой войны в век атома в один миг может слизнуть с лица земли все, что создано их трудовыми руками, помня, что при потере бдительности с их стороны может повториться трагедия Хиросимы и Нагасаки. Они также не забудут и с благодарностью будут помнить беспримерный героизм советского народа, сыгравшего решающую роль в разгроме фашистской военной машины, принесшего народам Европы освобождение. И в карачаевской литературе первый роман о героической борьбе родного народа против фашистских захватчиков создал О. Хубиев—это трилогия «Аманат». Следует сказать, что «Аманат» — первое крупное многоплановое произведе-

ние не только о войне, но и вообще в литературе карачаевского народа. В нем автор реалистически воспроизвел действительность, раскрыл дух эпохи и духовные качества карачаевского народа в тяжелые годы Отечественной войны. Это и понятно, потому что книга создавалась под влиянием увиденного писателем, участником войны, лично пережитого им. Реалистический принцип изображения, взятый в основу трилогии, с наибольшей полнотой наследует лучшие традиции русской советской литературы. Никто из карачаевских писателей до О. Хубиева не показал с такой художественной и психологической достоверностью героизм народа, дружбу советских людей в годы войны и беспредельную преданность Родине, никто не рисовал так ярко и выпукло образы советских людей, как это сделано в эпосе «Аманат».

Трилогия О. Хубиева, ознаменовав собой резкий поворот от поэзии к прозе, по сути дела положила начало бурного развития этого жанра в карачаевской литературе. Под непосредственным влиянием этого романа в послевоенной литературе создаются произведения, посвященные борьбе карачаевского народа с немецко-фашистскими оккупантами. Халимат Байрамукова издает повесть в стихах — «Залихат»⁶⁸, Сеит Лайпанов пишет книгу о легендарном командире 121-го партизанского полка, Герое Советского Союза Османе Касаеве — «Сын Карачая — Герой Белоруссии»⁶⁹, прославленный танкист, Герой Советского Союза Харун Богатырев выпускает свои военные мемуары — «За Родину»⁷⁰, Дагир Кубанов публикует трилогию «Два времени»⁷¹, которая во многом напоминает трилогию О. Хубиева. Она посвящена той же теме, что и книга О. Хубиева, описывается в основном тот же период, который отображен в «Ама-

пате». Участник Отечественной войны Ханафий Эбзеев пишет об увиденном и пережитом в повестях «Мунир» и «На лезвии ножа»⁷², Мусса Батчаев в книге «Мои земляки»⁷³ повествует о жизни людей одного из горных аулов в годы войны, рассказывает о том, как отнесся к войне этот маленький аул, как война повлияла на судьбы его жителей.

И все же в этой массе произведений о войне «Аманат» О. Хубиева по сей день остается самым крупным явлением в карачаевской литературе о минувшей войне. Это закономерно, потому что роман был создан, когда за плечами писателя уже было около тридцати лет работы в литературе, когда он обогатился жизненным и творческим опытом, когда его имя было широко известно карачаевскому читателю. Но все же мы имеем полное основание утверждать, что с появлением трилогии О. Хубиев родился во второй раз писателем.

В «Аманате» выразились лучшие черты дарования писателя. Но прежде всего — это качественно новая ступень в развитии таланта автора. И на эту ступень его подняла сама жизнь, богатая событиями огненных лет и грандиозного послевоенного строительства. Через все три книги романа ярко очерченной линией проходит непоколебимая вера в силу человека Страны Социализма, в его победу, вера в силу и мощь советского общественного строя. Эта вера в разные периоды литературной биографии писателя обретала новое содержание. Создавая произведения о первых годах советской власти («Могила партизана», «Абрек», «Наш полковник» и др.), О. Хубиев тогда уже художественно воплотил эту веру в образах горцев, рассказав о драматических судьбах людей, самоотверженно боровшихся за новую жизнь. Надо сказать, что этот образ волновал писателя

еще в его ранних стихах и рисунках. Но все это было тем, что создавалось исключительно силой воображения начинающего писателя, который не был непосредственным участником описываемых событий и, естественно, не могло удовлетворить художественную пытливость О. Хубиева. Он обращается к современной ему действительности и в ней находит то, что было дорого и близко его сердцу — образ героя битв за человеческое счастье. Тем не менее первые юношеские стихи и рисунки, а затем — статьи, очерки, рассказы, стихи и поэмы О. Хубиева, в которых он еще и еще раз возвращается к излюбленной теме о любви и преданности к Родине, о готовности беззаветно защищать ее от врагов, отстаивать ее свободу и независимость, являлись как бы наметками тех образов, которые потом будут выведены писателем в трилогии «Аманат».

Карачаевскому писателю О. Хубиеву тематически сродни выдающиеся литераторы, как Д. Фурманов, А. Фадеев, А. Серафимович и другие, которые писали о героизме и патриотизме советских людей. Он преклоняется перед ними, высоко ценит их произведения, настойчиво учится у них. О. Хубиев восхищался талантом гиганта советской литературы — Алексея Толстого, сумевшего колоссальный фактический материал бурной эпохи организовать композиционно, связать в едином и стойком сюжете-сплетении, реалистически отражающем ход истории, талантливо и правдиво показать многогранную борьбу народа за утверждение нового, социалистического государства. Мы говорим о трилогии «Хождение по мукам», в основе которой лежит поворотное историческое событие, вовлекшее в себя всю страну, все слои ее населения. «Хождение по мукам», как известно, в советской литературе явилось первой монумент-

тальной формой эпопеи для показа жизни целой исторической эпохи.

В. Г. Белинский неоднократно подчеркивал, что «у всякого народа своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа, и, разумеется, чем выше народ, чем грандиознее царственное достоинство его истории, тем поразительнее трагическое величие его критических моментов и выхода из них с честью и славою победы»¹⁴.

Именно о силе и величии духа, о борьбе народа в тяжелые годы гитлеровского нашествия говорится и в трилогии Османа Хубиева «Аманат».

В основу романа легло крупное событие, оно совершено при активном участии всего советского народа, ясно сознающего историческую необходимость своего подвига. И это делает роман О. Хубиева эпопеей. Народ в эпопее показан как активная и сознательная сила. Будучи воином, Осман Хубиев находится на поле боя, наблюдая борьбу, любовь и ненависть народа, он одновременно чувствует себя активным участником великого сопротивления, великой битвы за Родину. Его интересует все: поведение солдата в бою, первые стихи подраста брата, которому пишет с фронта теплые письма, советуя серьезно заниматься стихами и т. д.

В просторном зале Микоян-Шахарского техникума студенты собрались на свой выпускной бал. Радость и веселье царит здесь, молодые люди делятся планами на будущее. Но кто знал, что эти парни, не ведавшие еще томительной радости первого поцелуя, скоро возьмут в свои руки оружие, кто знал, что одни из них, сражаясь, дойдут до Берлина, другие погибнут, свято храня честь и достоинство советского солдата, третьи будут сражаться в партизанских отрядах, четвертые—дейст-

воват в тылу врага. Но где бы они ни были, везде будут помнить напутственные слова директора техникума на выпускном вечере. Он говорил:

« В вашей жизни самое необходимое — это три вещи: знание, дружба, труд. Не забудьте об этом. Друг с другом живите красиво, берегите дружбу... Если бы не было идей Ленина об интернациональной дружбе народов, не было бы помощи со стороны русских трудящихся, справедливость была бы все еще вдали от наших гор. Мы все еще не в состоянии были бы легко расставаться с постелью из соломы, с засохшими чабурами, домоткаными грубыми шароварами, с дымным очагом, с арауном⁷⁵. Разве карачаевские юноши и девушки могли бы получить знания в школах в родных аулах?.. Могли бы они знать Пушкина, Лермонтова, Чернышевского, Толстого, Чайковского, Белинского, Репина, Шишкина? Сколько времени ушло бы, пока мы собственными силами изобрели бы самолеты, корабли, поезда, радио, телефон, электростанции? Свободу, свет, знания нам дала Советская власть. А эту власть впервые установили русские трудящиеся. Так подумайте, как же мы можем забыть это добро?»⁷⁶—говорил Ахмаг собравшимся выпускникам — карачаевцам, черкесам, абазинам, осетинам, грекам. Так, в самом начале романа автор четко подчеркивает нерушимость дружбы и братства всех народов Советского Союза.

Мысли и чувства героев произведения сосредоточены в одном фокусе — это непреклонная воля к победе, возвращение к мирному очагу со славной победой над врагом. Когда грянула война, один из выпускников, обращаясь к своим товарищам, говорит: «Мы были детьми чабанов. Государство обучило и дало нам знание, оно сделало нас людьми. Теперь мы все до единого должны

отправиться на фронт, чтобы защитить честь и свободу Родины. Разумеется, здесь, в тылу, тоже много работы. Армии нашей нужна большая помощь. Ее окажут, не жалея сил, наши девушки». Его устами писатель утверждает уверенность в мужестве советских людей, призывает к сплоченности в дни народного бедствия.

Война явилась величайшим испытанием физических и духовных сил советского народа. И он с честью выдержал его, показав невиданный в истории человечества такой ратный подвиг, что люди до сих пор не перестают восхищаться величиим духа нашего народа, вновь и вновь ищут истоки героического, обращаясь к военному периоду. И сколько бы времени ни прошло, тема Великой Отечественной войны будет одной из самых близких тем для советских писателей. Сейчас, когда еще живы старые матери, чьи сыновья не вернулись с поля боя, когда все еще вздыхают женщины, в двадцать лет ставшие вдовами, когда вчерашние юноши, не помнящие своих отцов, сами стали отцами, правдивые книги о великом сражении советских людей против гитлеровских полчищ воспринимаются с особенно глубоким интересом. А для читателя, у которого по существу не было еще прозы на родном языке, произведения о героическом подвиге народа в минувшей войне являются вдвойне близкими.

«Война открыла новый этап, новый период советской литературы. Казалось бы, грохот войны должен заглушить голос поэта, должен огрублять, укрощать литературу укладывать ее в узкую щель окопа. Но воюющий народ, находя в себе все больше и больше нравственных сил в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, все настоятельней требует от своей литературы больших слов. И советская литера-

тура в дни войны стала истинно народным искусством, голосом героической души народа»⁷⁷,—писал Алексей Толстой, подчеркивая этим, что передовой литературе всегда было присуще вмешиваться в жизнь, бороться за интересы народа. Известно, что с первых же дней Отечественной войны советские художники слова подняли свой гневный, зовущий к борьбе и победе над ненавистным врагом голос в защиту священной Родины. С самого начала войны в центральной и фронтовой печати стали выступать Алексей Толстой, Илья Эренбург, Михаил Шолохов, Самед Вургун, Николай Тихонов, Константин Симонов, Аркадий Гайдар, Эффенди Капиев, Ольга Берггольц, Вера Инбер, Расул Рза и многие, многие другие, ведя большую политическую и агитационную работу среди солдат и офицеров.

О большом патристическом значении слова писателей красноречиво говорит такой факт. Шестнадцать бойцов, которые слушали выступление по радио азербайджанского поэта Самеда Вургун, обратились к нему с письмом, в котором говорилось: «Уважаемый и любимый поэт Самед Вургун! Когда Вы читали свои стихи, мы были в окопе. Когда мы слушали Ваш голос и пламенные строки, нам казалось, будто на нас подул освежающий ветер весны. Руки наши обрели новую силу, ярче засветились глаза. Все наши фронтовые товарищи—азербайджанцы, русские, армяне, грузины, лезгинцы—с одинаковым восторгом приветствовали Вас, думали о Вас... Мы уверяем Вас, что в скором времени очистим родную советскую землю от врага. Мы глубоко убеждены в том, что в скором времени встретимся с Вами как бойцы армии-победительницы.

Слово писателя становится не только боевым оружием, но и наказом отца. Когда летом 1942 года фашис-

ты прорвались к предгорьям Северного Кавказа, старейший поэт Дагестана Гамзат Цадаса обратился с призывом ко всем горцам: «Точите острее кинжалы, заряжайте ружья и седлайте коней, горцы! Враг у Дагестана. Вставайте на защиту родных гор и ущелий!»⁷⁸.

В великой битве народов Советского Союза за Родину, в разгроме фашизма есть доля и карачаевских писателей. С первых же дней войны добровольцем ушел на фронт один из основоположников карачаевской советской поэзии Исса Каракотов, ушли также поэты Магомед Урусов, Даут Байкулов, Тохтар Борлаков, Хасан Бостанов, А.-К. Байкулов и др. Писатель Осман Хубиев войну встретил в рядах Красной Армии в звании офицера. Выполняя свой священный долг перед Родиной как воин, он одновременно создавал высокохудожественные произведения, в которых отражал великое многообразие событий и явлений тех пламенных лет, создавал правдивые образы борцов с фашистскими захватчиками, «чтобы все знали, что не было безымянных героев, что были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои надежды...»⁷⁹.

Выше мы говорили, что среди множества произведений разных жанров о войне, написанных карачаевскими писателями, «Аманат» О. Хубиева по своей документальности и широте охвата событий занимает особое место, что этот роман положил начало новому этапу в истории развития карачаевской литературы.

Замысел написать роман о подвиге советских людей возник у О. Хубиева еще в первые годы войны. Касаясь того периода, автор вспоминает: «1941 год. Под городом Дубно шли тяжелые оборонительные бои. После нескольких горячих схваток с фашистами мы получили приказ оставить этот рубеж. Бойцы недоумевали. А стан-

ковый пулемет Тобчука Аджиева продолжал косить гитлеровцев, в бешенстве бросавшихся в атаки. Вот его (Аджиева—Н. К.) ранило в голову. Заметив друга, истекающего кровью, автоматчик Фролов быстро пополз к нему и под градом вражеских пуль перевязал ему рану. В сторону врага теперь полетели ручные гранаты. Но погибли и сами смельчаки. Они лежали в одном окопе—русский из далекой Сибири и карачаевец из горного аула Каменноост. В эти тяжелые дни русские и украинцы, осетины и балкарцы, карачаевцы и черкесы, ногайцы и абазинцы — все были спаяны великой дружбой, преданы друг другу, как сыновья одной матери, а матерью их была Советская Россия. О подвигах этих людей в годы войны, их беззаветной преданности Родине и братской дружбе, скрепленной кровью, пытался я рассказать в своей трилогии «Аманат», что в переводе означает — «Особое поручение».

Героем романа является не отдельная личность, какой бы подвиг он ни совершал, а весь советский народ, и поэтому его насквозь пронизывает мысль о народных массах как о движущей силе истории, о народности армии советской страны, о монолитном единстве партии и народа, которое является источником победы над фашизмом, источником всех трудовых успехов советских людей в тылу. Главная идея трилогии — это идея не только победы над врагом в поле боя, но и идея победы нашего общественного и государственного строя, победы социализма над капитализмом. Этой идее подчинен весь круг проблем, вся система образов, все приемы психологического анализа образа советского человека.

Коммунистическая партия Советского Союза с первого же дня войны выступила вдохновителем и боевым организатором всенародной борьбы против фашистских

оккупантов. Правительственное сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну заканчивалось словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Советское «правительство выражало глубокую уверенность, что советские люди проникнутся чувством высокой ответственности за судьбу своей Родины, еще теснее сплотятся вокруг партии и правительства, отстоят завоевания социализма»⁸⁰.

Эту мысль и реализует художественно О. Хубиев в своей трилогии, призывая к грозной ненависти к фашистским громилам, разрушающим города и села нашей мирной страны, истребляющим мирных советских граждан.

Вскрывая человеконенавистническую сущность фашизма, разоблачая фашистских захватчиков как империалистических хищников, срывая маску мнимой непобедимости гитлеровской армии, О. Хубиев убедительно показал неизмеримое превосходство советских людей над врагом, их гражданское мужество, глубину их моральных принципов, сумел раскрыть превосходство социалистической идеологии над фашистской тухлой идеологией. Но чтобы убить змею, прежде всего надо раздавить ей голову. Так и с фашизмом: чтобы уничтожить на земле зарвавшегося варвара, надо прежде всего иссушить его истоки, развенчать его звериную идеологию и, наконец, выбить из его рук оружие в открытой схватке на поле боя. Для этого советским людям нужно было еще теснее сплотиться вокруг родной партии, стать непреступной стеной на пути врага и беспощадно бить его, бить до полного уничтожения. И это мог сделать только тот народ, который любит мир, любит жизнь, любит свою Родину и горячо предан ей. Таким и выступил советский народ, и его борьба стала всена-

родной, беспощадной, уничтожающей зло и утверждающей жизнь на земле.

Вероломное нападение Германии на Советский Союз, героизм советских людей как на фронте, так и в тылу, крушение германского фашизма, освобождение Германии от Гитлера и гитлеризма, послевоенное строительство — таковы в основном этапы последовательно развивающихся событий, которые развертываются в первых двух книгах трилогии. В центре третьей книги стоит судьба женщины, семью которой разрушила война, ее конфликт со вторым мужем — стяжателем, лишенным моральных устоев, общественных стремлений и больших интересов, человеком волчьей души.

Но основной стержень «Аманат», в той или иной степени имеющий побочные ответвления, — это непримиримое столкновение двух миров, двух идеологий, столкновение, разрешающееся победой коммунистической морали, блестящей победой советского народа над гитлеровской Германией.

Жизнь — это самая мудрая книга, она неисчерпаема, никому не суждено перелистать все ее страницы. Нет никого, кто б хотел расстаться с нею, кто прочел бы ее до конца. Но суметь найти в ней свою страницу, суметь ее прочитать — это значит прожить жизнь так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Дело любого человека полноценно лишь тогда, когда оно питается живительными соками самой жизни, когда оно целенаправленно и опирается на конкретные жизненные явления. В этом смысле огромную роль в создании книги сыграли образы соплеменников, которых автор близко знал. Это командир партизанского отряда в Белоруссии — Аскербий Бархозов, легендарный командир 121-го партизанского полка 6-ой парти-

занской бригады Могилевского соединения Белорусской ССР Герой Советского Союза Осман Касаев, славная партизанка Залихат Эркенова, разведчик Абдуллах Хапаев, партизаны Исмаил Акбаев, Михаил Исаков. Обладая удивительной способностью разбираться в сложнейших явлениях жизни, писатель чутко улавливает все ее импульсы. Это живое и трепетное чувство дня помогло ему создать глубоко актуальный роман, отразивший жизнь и борьбу родного народа.

Фабула книги приблизительно следующая: канун Великой Отечественной войны. Карачаевский народ, не имевший до революции своей письменности, к этому времени уже не отличается от других народов страны, имевших свои вековые культурные традиции. В Микоян-Шахаре (ныне г. Карачаевск) до войны уже были педагогический институт, педучилище, медшкола и другие учебные заведения.

В начале романа, как мы указывали выше, Хубиев изображает выпускной вечер студентов педучилища, службу в рядах вооруженных сил страны. Там и здесь, т. е. в техникуме и в армии, дети трудящихся Карачая счастливы от сознания своего права на ученье, отдых и на подвиги. Они уверенно, по-юношески задорно идут в свое завтра. Но громы фашистских пушек вынуждают их оставить мечты о мирной жизни. После собрания, проведенного в училище, юноши и девушки разъезжаются по домам, чтобы оттуда отправиться на фронт. Приезжает к родителям и центральный герой романа — Хасан. Дома он сообщает им о своем решении идти туда, где его старший брат Азрет, — на фронт. Родители одобряют его горячее желание, хотя чувствуют, что он еще совсем мальчик и рано ему воевать. Решение его не одобрил один лишь Хаджибекир, брат матери. Он

скептически бросил: «Тот, кто ходит по росе, не боится воды, наша страна после Финляндии (финской войны — Н. К.) не очень-то сторонится войны. Головы наши подверглись опасности. Народу будет горе. Но надежда на аллаха. Если среди мусульман есть хоть один счастливый, дорога врага будет тесной, чтобы и воробей не смог пролететь».

— Это в руках народа. Если каждый человек встанет против этого дела (против войны — Н. К.), то враг не сможет устоять, — резко бросил ему Хасан.

— По-твоему, все мы должны подставить себя дулам пулеметов, пушек? В народе говорят: «От большой болезни и от большой воды береги голову». Это (война — Н. К.) хуже, чем вода и болезнь. Это стремительно горящий пожар. А мое слово: не бросайся в огонь, брошишься — сгоришь, как бабочка», — обиделся тот.

Старый Мусса, отец Хасана, примирительно, но с гордостью за сына сказал:

— Сейчас дети смышленные. Мы в молодости, если живот был сыт, тело прикрыто, не заботились о государстве. А если бы и заботились, об этом нас не спрашивали. Мы тогда думали, что на земле, кроме Кавказа, России и Турции, ничего не существует. Правильно говорят, что неуч слепцу подобен. Все это с нами творила темнота.

Но Хаджибекир всячески старается уговорить старого Муссу и его жену Джандет, чтобы те не разрешили несовершеннолетнему сыну Хасану уехать на фронт. Но ему не удается уговорить стариков. Хасан уходит в Моздокское военное училище, оттуда на фронт, штурмует Берлин, пройдя всю войну, возвращается домой офицером славной Советской Армии.

Война прервала мирную жизнь советских людей, вор-

валась в каждый дом, в каждую семью, неся с собой неисчислимые бедствия стране, людям. И народ, обретший силы в своем священном гневе, в своей сильной, прочной, смелой ненависти, встал на защиту Отчизны. Старики и женщины, даже подростки и дети заменили ушедших на фронт. Всех их объединила единая цель — разгром врага. Но вот враг подходит к родным горам. В железных касках, кованых сапогах, с лицами холодно-кровавых убийц он топчет родную землю, разрушает все, что создано заботливыми руками советского человека, отбирает у населения продукты, скот, теплую одежду, а при малейшем сопротивлении — расстреливает. Горы не знали еще такого, и они как бы грозно сомкнулись, желая в своем могучем объятии задушить смертоносцев. И народ отвечает непрошеному гостю смертью за смерть. В горах возникают партизанские отряды, в них сражаются мужественные сыны и дочери советского Карачая — Михаил Исаков, Исмаил Акбаев, Залихат Эркенова и другие. Жители горных аулов держат с народными мстителями тесную связь, оказывают им сильную помощь. Об этом говорится в двенадцатой главе второй книги романа: «Сына Джанболата, того, который в Учкулане в милиции работал, стройного, красивого парня, вывели из дома. Он приходил в аул за «новостями» и кто-то его выдал немцам...» Речь идет о Халите Кагиеве, партизанском разведчике, казненном фашистами. Халит Джанботович Кагиев за проявленную отвагу дважды награжден посмертно.

Партизаны, кроме непосредственных боевых действий в горах, по аулам и селам расклеивали листовки, подкарауливали и уничтожали оккупантов и местных холоуев. А Байдымат Батчаеву, советскую патриотку, немцы называли «матерью красных лейтенантов». Ее

вместе с другими «провинившимися» женщинами хотели отправить в рабство в Германию. Но она была спасена партизанами и подпольщиками. Смелая горянка вместе со своим братом по ночам ходила за аул и рыла там яму, где были зарыты расстрелянные партизаны, чтобы затем по-человечески предать их земле. По словам очевидцев, немцы не раз стреляли в нее, но пули, словно щадя ее, пролетали мимо...

Какую бы тяжелую картину ни рисовал писатель в своем романе — картину ли страшных дней временных поражений и вынужденных отступлений, картину ли зверских надругательств фашистов над советскими людьми или картину охваченных огнем нив и разрушенных городов и сел, он всегда остается жизнелюбцем и оптимистом, непоколебимо верующим в силу народа, знающего, за что он воюет, в неизбежное торжество его светлой победы над кровавым врагом. И действительно, над Рейхстагом, фашистским логовом, будто прощаясь с теми, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость Родины, колышется алое Знамя Победы. Те, кого Гитлер хотел покорить и превратить в рабов, разбили последнюю цитадель фашизма. Позорно ушел из жизни фюрер фашистов. И если сегодня кое-кто на Западе пытается распусть слух, что Гитлер жив, то это делается только ради своих корыстных целей, а не из уважения к памяти бесноватого главаря нацистов...

В последних боях погибает Азрет, старший брат Хасана. Соколов, русский солдат, молча, по-мужски переживает смерть своего друга.

Перед взором Хасана, скорбно склонившегося над убитым братом, реет алое знамя, ему видится, как вновь засияло над землей ясное солнце. Хасан, превозмогая боль утраты, произносит:

«Пусть наше солнце всегда сияет!».

Так заканчивается вторая книга романа.

После выхода в свет второй книги «Аманат» читатели буквально засыпали вопросами О. Хубиева и издательство письмами, выступали на страницах газет, просили, требовали рассказать о дальнейшей судьбе героев романа. Вот одно из них, датированное 27 января 1962 года. Оно хранится в личном архиве писателя.

«Мы, колхозники из колхоза им. Красных партизан, с большой любовью и радостью прочитали вторую книгу Вашего романа «Аманат».

Дорогой Осман! Большое тебе спасибо, желаем тебе достичь своих желаний в твоей любимой, высоко честной работе. Спасибо тебе за то, что ты верно отобразил героизм карачаевских парней на фронтах Великой Отечественной войны и в партизанах. В тяжелые дни для Отечества карачаевские парни показали высокий героизм и отвагу. Это честь для нашего народа. Мы никогда не забудем этих героев.

Осман! Мы Вас просим ответить на наши вопросы на страницах газеты «Ленинни Байрагы».

Этих вопросов очень много, и перечислить их здесь не представляется возможным. Но для них одно характерно: в большинстве своем обобщенные герои книги читателями принимаются за реальных людей. В этом сказалась сила художественной правды и писательского мастерства О. Хубиева.

Короче говоря, реакция читателей на вторую книгу трилогии была настолько велика, что автор не мог, не имел права затягивать финал эпопеи. И вот О. Хубиев выпустил третью книгу. В ней он ответил на многие вопросы читателей, разрешил многие их сомнения. Од-

Итак в последней части автор ставит новые проблемы, новые вопросы...

С первых же страниц книга вызывает живой интерес и читается с возрастающим напряжением. Через энергичное развитие сюжета, через жизненный путь героя, через его индивидуальное стремление к расширению круга бытия проходит общечеловеческий процесс высвобождения от патриархальной узости.

Если в первых двух книгах романа автор описывал героизм советского народа в минувшей войне, показывал его моральную силу, сплоченность вокруг родной партии, его дела и думы, направленные на скорейший разгром фашистов, то в третьей части он больше анализирует поступки героев, вторгается во внутренний мир человека. Осман Хубиев рисует трудный, порою мучительный процесс налаживания мирной жизни, перевоспитания человека.

Главы в книге расположены одна за другой по принципу нарастания в них жизнеутверждающего позитивного начала. Если в первых главах образу главной героини Сафият словно противостоит патетически утверждаемое пробуждение природы, прекрасное в своем вечно первозданном естестве, то в следующих главах рисуется стремление героини к выпрямлению, в ней просыпается сознание личной ответственности за судьбы детей, соседей, за свою личную судьбу, за судьбу аула, государства. Если раньше она молча переносила все, что творил ее муж, то теперь Сафият начинает настойчиво требовать от него покончить со спекуляцией, воровством и т. д. Раньше ложное понятие о чести женщины, семьи, чести мужа и вообще культ мужа мешали ей открыть глаза, теперь она поняла, что война отняла у нее счастье, разрушила семью, осиротила ее сына, но не от-

няла права быть человеком, приносить обществу пользу своим трудом, любить и ценить жизнь, найти свою точку опоры в ней.

Писатель стремится сделать внутреннюю эволюцию своей героини психологически убедительной и оправданной. Человека, стремящегося к правде, не соблазнить никаким богатством. Только сама жизнь может перевоспитать его. Мучительный процесс перевоспитания Сафият прослеживается О. Хубиевым кропотливо и обстоятельно. Окончательный разрыв с прошлым наступает для нее в тот момент, когда она ясно поняла, что первый муж ее, Мурат, к которому она вернулась, не тот, каким был до войны. Плен и долгое пребывание за границей сделали его в духовном отношении калекой.

Образ человека, начавшего новую жизнь, мы встречаем и в других произведениях Османа Хубиева. Но с таким глубоким изображением характера мы сталкиваемся у него впервые. Огромные противоречия процесса перевоспитания человека, все трудности этого процесса, тяжелые переживания героини — все это отражено достоверно, психологически оправдано.

Третья книга «Аманат» построена по типу довольно распространенного в русской литературе жанра семейной хроники, стержнем которой становится внутренняя связь одной семьи с историей общества, с его движением и борьбой.

В этой книге в большей мере, чем в других, чувствуется реалистическое мастерство писателя, появление новых черт в методе, связанных не столько с новизной тем, сколько с передовыми взглядами писателя, его умением дать глубокий социально-психологический анализ взаимоотношений своих героев, их связи с общественными явлениями своего времени.

Писателю чужда прямолинейность в обрисовке характеров. Он правдиво показывает колебания, сомнения, внутреннюю борьбу в человеке и как итог — принятие окончательного решения. Это хорошо видно на образах Сафият, Тауджан, ее свекрови Берхан, носительницы домостроевских обрядов, женщины, для которой «доброе старое время», когда и сыновья, и снохи жили рядом, во всем соглашались со стариками, без их совета ничего не делали, дороже родных детей. Большую достоверность произведению придает и то, что автор изображает жизнь рядового партийного работника, его сложную и многогранную работу.

В романе много действующих лиц. Некоторые из них нам уже знакомы по первым двум книгам: Хасан, Соколов, Балдан, Сафият, Мусса, Джандет, Умар и др. А доряка Тауджан, учительница Любовь Петровна, ветврач Таусолтан, врач Эсен и его жена Герой Социалистического Труда Науруз, Таубий и другие—это новые герои в третьей книге.

Без маскировки, по-партийному честно показаны трудности, связанные с выполнением государственного плана, острые ситуации, созданные в результате неправильного подхода к специалистам со стороны некоторых руководителей. Так, старый коммунист, опытный работник Мусса, которому доверили руководство МТФ, незаслуженно наказывается. Дело в том, что без учета реальных возможностей МТФ был составлен план, автором которого по сути являлся председатель райисполкома Джанду. В результате он не был выполнен. Муссу снимают с работы. Джанду этого мало, и он поднимает вопрос о пребывании Муссы в рядах партии. Но коммунисты колхоза, хорошо знающие Муссу, не дали его в оби-

ду и, начисто отвергнув необоснованные обвинения, доказали его невиновность

Роман изобилует и другими сценами, показывающими рост самосознания людей, успешную борьбу нового со старым, с остатками пережитков прошлого в сознании людей.

Одной из самых больших удач автора, пожалуй, является то, что в центре повествования находятся судьбы простых тружеников, которым присущи большая сила духа, честность, преданность своему делу. О. Хубиев всем содержанием своей третьей книги, мастерским анализом душевных движений и переживаний героев, показом их в разных сложных и драматических обстоятельствах заставляет читателя глубоко задуматься над эстетическими, моральными и нравственными проблемами жизни и задаваться вопросами: как найти себя; как, найдя, потом не потерять себя; как достойно сохранить в себе все ценности, которые связаны с высоким словом Намыс⁸¹, как сохранить в чистоте это слово, чтобы его груз, испачканный налетом старого, не давил, а наоборот, оставаясь, как признак душевной красоты, облагораживал человека, делал его честным и прямым, справедливым и правдивым, подводил его к пониманию своего человеческого достоинства, своей роли и места в жизни общества?

Естественно, читатель, задав себе эти нелегкие вопросы, тут же настораживается: что нового могла дать книга после того, как над разрешением этих проблем бились такие гиганты мысли и слова, как Шекспир, Гете, Л. Толстой, М. Шолохов? Но надо помнить, что коренные вопросы человеческого бытия роман О. Хубиева освещает в особой, качественно новой атмосфере, в эпоху, когда происходит основательная ломка всего старо-

го, когда люди воспитываются в духе новых идей, новых моральных принципов, когда формируется новый человек, человек совершенно иного склада мышления, иного мироощущения. И если О. Хубиев, представитель младописьменной литературы, поднимает общечеловеческие проблемы, то это объясняется ускоренным историческим и культурным развитием самого народа, обретшего свободу благодаря советской власти.

Характерным, что особенно четко проступает в творческой манере О. Хубиева в последние годы, является то, что он пейзаж использует как средство психологического анализа явлений, тесно переплетая это с той эволюцией, которая происходит во внутреннем мире героев его произведений. Так, для раскрытия образа Сафият, для более полного показа ее духовного обновления он во всей чарующей красе рисует картину наступления весны. Это пробуждение природы, таящее в себе много загадочного, прекрасного и сильного, пробуждает в душе героини светлые мысли и благородные порывы. Впоследствии эти мысли помогают Сафият найти свое место в жизни. Она решительно и вполне сознательно отвергает патриархальное понятие смысла слова «намыс—честь», порывает с отравляющей средой власти денег, уничтожающей ее человеческое достоинство, оскверняющей ее настоящую честь.

Заканчивая общую характеристику идейно-художественных достоинств третьей книги трилогии, хотелось бы сказать, что она написана уже по-настоящему созревшим профессиональным мастером. Почерк автора в своей основе не меняется, но здесь намного четче, чем прежде, проявляется один из его оттенков: легкий и доброжелательный юмор в изображении людей и событий.

Автор уже редко прибегает к гротеску, что бросалось в глаза в первых двух книгах «Аманата».

Богатый душевный мир родного народа, его негибаемая воля к свободе, любовь к Родине, готовность горцев до последней капли крови сражаться за честь своей страны воплощены в образах положительных героев романа: Хасана, Аскера Бархозова, Османа Касаева, Азрета, Абдуллы, Джандет, Муссы, Сафият, Залихат Эркеповой, Исмаила Акбаева, Ханий, Умара, Таусолтана, Тауджан и других.

Кратко остановимся на некоторых образах трилогии. Хасан—это один из сквозных героев трилогии. С ним мы знакомимся на первых же страницах романа и не расстаемся до самого конца повествования. Вникая в суть этого образа, прослеживая его характер, порывы и движения его души, мы обнаруживаем, что в нем есть что-то от образов Пети Ростова, Павки Корчагина, молодого гвардейцев. Он то, как юноша, горяч и нетерпелив, то, как зрелый муж, не по возрасту степенен, рассудителен и деловит. Воспитанный в советской действительности, на идеалах человеколюбия, традициях уважительного отношения ко всем ценностям всех народов, он беспрдельно любит свою Родину, беззаветно предан ей, ненавидит ее врагов священной ненавистью истинного патриота. Поэтому он, выпускник педагогического техникума, добровольно спешит на фронт, туда, где уже воюет его старший брат — Азрет, как и все советские молодые люди тех лет, искренне думая, что стоит ему встретиться лицом к лицу с врагом, и победа будет обеспечена. Попав же в действующую армию, он убежденно рассуждает: «Страну непобедимой сделают лишь ее сплоченные народы. Если каждый человек встанет на защиту Родины, то врагу не одолеть нас...» А когда политрук

части в одной из своих бесед с солдатами, приводя историческую параллель, говорит о силе русского оружия в войне с Наполеоном, Хасан, не сдержавшись, восклицает: «Так тогда солдаты защищали царскую Россию, а мы, советские воины, защищаем свою родную страну, страну рабочих и крестьян. И это делает нас во всех отношениях сильнее солдат 1812 года!» Эти слова как нельзя лучше показывают не только духовные качества Хасана, но и его политическую зрелость.

Чистому, светлому и благородному образу воина советской армии Хасана, целью которого является вместе со всем советским народом спасти человечество от коричневой чумы и принести свободу людям земли, О. Хубиев противопоставляет образ обер-лейтенанта гитлеровской армии Ганса, идеалом которого является господство над миром, а средством — истребление «неполноценных» народов, чтобы обеспечить себе пресловутое «жизненное пространство». Ганс — это типичный представитель тех, кто называет себя «сверхчеловеком», он напичкан бредовыми идеями, почерпнутыми им из столь же бредовой библии фашизма — книги Гитлера «Моя борьба». На этом идейном и нравственном контрасте писатель сумел с большой силой жизненной и художественной правды не только обнажить чудовищное убожество фашистской идеологии, превратившей живого человека в деталь своей разрушительной военной машины, но и показать все величие духа советского человека.

В день, когда над Рейхстагом, как апофеоз великой битвы советского народа, заалело знамя Победы, погиб брат Хасана — Азрет. Хасан тяжело переживает его гибель, но воспринимает ее не только как свое личное горе, оно в нем сливается с сознанием того, что погиб советский воин, в течение долгих лет мужественно за-

щипавший Отчизну, погиб сын народа, солдат Родины. Сила писательского мастерства О. Хубиева не оставляет у читателя сомнения в достоверности этой ситуации, так как она психологически подготовлена всем ходом предыдущих событий, связанных с поступками и действиями Хасана, естественно вытекает из сути самого его характера.

Образ Хасана вобрал в себя лучшие черты характера и душевного склада человека эпохи социализма. Это — твердость духа, несгибаемость воли, непоколебимая вера в победу справедливого и правого дела народа, готовность всего себя отдать служению этому делу.

Вторая книга трилогии кончается тем, что Хасан вместе со своими боевыми друзьями бросается в последний, завершающий бой в великой победе над гитлеризмом, увековечивая память тех, кто отдал свою жизнь за честь, свободу и независимость Родины...

Перед читателем проходит также хорошо запоминающийся образ комиссара полка Малыченко. Этот умный, отлично знающий свое воинское дело, умеющий пламенным словом коммуниста зажигать огонь в солдатских сердцах человек бывает суровым, когда этого требуют обстоятельства, интересы дела. Но солдаты любят его, видят в нем не только старшего по чину, но и своего заботливого, справедливого отца, теплое, ободряющее слово которого всегда приходит им на помощь в трудные минуты фронтовой жизни.

Среди рядовых тружеников войны — русских Фролова и Шепталова, черкеса Дугужева, татарина Абдуллина, карачаевцев Пауруза, Тобчука, Шакмана и многих других представителей единой семьи народов Советского Союза, которых автор всегда держит рядом, подчеркивая этим монолитность советского народа, не-

рушимую дружбу солдат разных национальностей, привлекает к себе внимание читателя колоритный образ азербайджанца Бабаева, балагура, весельчака, любимца солдат, который «шутя» прошел путь от Кавказа до Берлина. В его характере ярко проявились самобытные национальные черты: искрометный врожденный юмор, доброта и отзывчивость, верность дружбе, нетерпимость к лицемерию и ханжеству. В самых сложных обстоятельствах он никогда не теряет присутствия духа, чувство юмора, своими шутками, метким словом, сказанным к месту и времени, поддерживает в своих товарищах боевой дух.

Рельефен образ Соколова, друга Азрета, а позже и его брата — Хасана. Оба они, Азрет и Соколов, раненые, попали в госпиталь. Тут они близко познакомились и поклялись никогда не расставаться. После госпиталя Азрет, отличный снайпер, верный своей клятве, переходит к артиллеристам, где Соколов является командиром батареи. Соколов с любовью передает Азрету все свои знания. Потом, видя старания и необыкновенные способности в военном деле Азрета, он уговаривает его после войны пойти в военное училище и посвятить себя военной науке.

— Командиров много, — возражает Азрет, — а когда кончится война, они не очень будут нужны армии.

— Подумай хорошенько, — настаивает на своем Соколов. — Знай, нет ничего почетнее звания офицера Советской Армии.

Соколов — прекрасный семьянин. Он нежно любит своих детей, жену. Но счастье его разрушено войной: жену и ее отца убили немцы. Соколову об этом не сообщают, хотя с этой печальной вестью прибыл к нему старшина, брат жены Соколова. Соколов продолжает

воевать. И в одном из боев тяжело раненный Азрет вручает ему свою табакерку, вложив в нее записку, в которой просит, чтобы тот стал и для Хасана братом.

Санитарам, которые уносят Азрета, Соколов наказывает: «Он должен жить. Это мой брат!..»

Как видим, развязка внешне выглядит несколько эффектной. Но глубинная ее суть закономерно вытекает из всего образа событий в романе, является одной из основных психологических характеристик персонажей, что и делает ее, развязку, убедительной. Ведь судьбы Азрета, Соколова и Хасана то и дело скрещиваются на военных дорогах, превращаясь как бы в судьбу всего советского народа. Вот Соколов братается в госпитале с Азретом, потом переманивает его в свою часть, а через некоторое время провожает его, раненого, в тыл, получив от него в подарок табакерку с запиской. Вот в конце первой книги раненый Хасан попадает в госпиталь, где лежит тот же Соколов. Здесь Соколов знакомится с Хасаном, сообщает ему о том, что Азрет жив. Хасан, как когда-то и Азрет, братается с Соколовым. А в начале второй книги Хасан снова встречается с Соколовым. Разве все это не является той психологической основой, делающей естественной развязку, о которой мы говорили выше.

В образе Соколова О. Хубиев создал обобщенный тип советского офицера, в котором воплотились черты бесстрашного героя, самоотверженного борца, отдающего все свои силы Родине.

Близко стоят к образам солдат и офицеров Советской Армии образы народных мстителей—партизан, которые сражаются в лесах Карачая, Белоруссии и Украины. Одним из них является легендарный командир 121 партизанского полка Осман Касаев, который «провел

свыше ста крупных боевых операций по разгрому врага»⁸². Его имя приобрело широкую популярность среди населения оккупированных городов и сел Белоруссии. Османа Касаева знали все. И свои, и враги. Люди обращались к нему за советом и помощью, как представителю Советской власти. А могилевчане постоянно ощущали его присутствие, хотя сам Осман не бывал в Могилеве. Османовцы же, как говорится, «не вылезали» из города. Они взорвали железнодорожную водопроводную трубу, устроили диверсию на электростанции, по ночам то и дело выкрадывали немецких офицеров. Фашисты беспрерывно меняли формы «аусвайса» и пропусков, дневных и ночных. Меняли свои «аусвайсы» и партизаны...

Гитлеровцы, встревоженные дерзкими действиями партизан, в своем донесении в вышестоящий штаб писали: «Всюду агенты партизан. Особенно много их в Могилеве. В Хрипелёве, Угольщине, Песчанке и в других деревнях западнее Могилёва обосновался 121 краснопартизанский полк, о котором мы ранее доносили. Полком командует некий кавказец Осман—коварный, опытный в военном деле большевистский комиссар. В сущности, мы контролируем только районные центры, а в селах укрепились партизаны... Против них необходимы крупные силы»⁸³.

Помнит Османа партизанский край: в городе Могилеве есть улица Османа Касаева. Бесстрашный командир живет в сердцах боевых друзей—сынов и дочерей Белоруссии, за которую отдал жизнь этот пламенный сын горного Карачая⁸⁴.

Не забыли Османа и земляки. О нем написана документальная книга «Сын Карачая — Герой Белоруссии»⁸⁵, в народе поют песни, в горах и селах нашей области улицы носят его имя, школа, где учился

герой, названа его именем, в его родном ауле Герою Советского Союза Осману Касаеву установлен памятник. Осман Касаев, друг студенческих лет О. Хубиева, стал и героем его романа.

Образ Османа Касаева дополняет в романе героический образ Аскера Бархозова. Это опытный офицер, бесстрашный разведчик, сумевший сразу найти свое место среди партизан Белоруссии. Его любят солдаты, ценит командование как скромного и простого товарища, как опытного и умного партизанского командира. Кстати, Бархозов — тоже историческое лицо. К партизанам он попадает после побега из плена. Его спас старший Иван Иванович, отец советского майора и комсомолки. Дочь Ивана Ивановича — фельдшер. Она, перевязав раны советскому юноше, вместе с отцом прячет его в подвале. Иван Иванович в свое время бил Петлюру, сейчас он с готовностью уходит в партизаны, захватив с собой и Марию. Подвиг во имя Родины — в этом видит Аскер смысл своей жизни.

В романе имеется эпизод, где Азрет приводит плененного им фашистского генерала. Этот факт взят из биографии самого Аскера Бархозова, уроженца аула Мара Карачаевского района. За подвиг Аскер Бархозов был награжден орденом Красного Знамени и получил звание майора. В образе Аскера есть штрихи из биографии прославленного полковника танковых войск Героя Советского Союза Харуна Умаровича Богатырсева.

Выше мы говорили о многочисленных вопросах читателей к автору трилогии. Они, в частности, интересовались дальнейшей судьбой Аскера Бархозова. Он действительно был женат на белорусской девушке. У него от Марии есть сын — Анатолий Аскерович Бархозов, музыкант. Отца он не помнит, но любит его горный край.

приезжал в Карачай. В беседе с Османом Хубиевым он говорил о своем намерении переехать на Родину отца.

А вот что пишет пенсионер Х. Джубуев из с. Пристань в редакцию газеты «Ленинское знамя»: «Короткой, но яркой была жизнь Аскера Бархозова. Его имя вошло в славную летопись белорусского партизанского движения. Гордятся своим земляком жители Карачаево-Черкесии».

В партизанский отряд, которым командовал лейтенант Бархозов, за короткий срок влились около двух тысяч человек. Это были люди, полные жгучей ненависти к врагу, готовые ради интересов Родины пойти на любые жертвы. Это они под руководством своего прославленного командира поднимали в воздух вражеские эшелоны, машины, склады с боеприпасами, железнодорожные мосты... Одно только слово «партизан» наводило на фашистов ужас. За голову Аскера они сулили большое вознаграждение. Некоторые полицейские предлагались крупной суммой, но их усилия отыскать народного героя кончались для них плачевно: множество полицейских гарнизонов разгромил отряд Аскера Бархозова.

В грозные годы А. Бархозов возглавил сбор средств в фонд обороны. Эта работа велась партизанами в окрестных селах и городах под самым носом у полицаев. На деньги, собранные ими, были построены десятки танков, пулеметов и другие виды оружия.

Свадьбу Аскера с Марией Макоенок справляли всей дружной партизанской семьей. Ночью у костра звучали украинские, русские и белорусские песни. А жених покориł всех стремительным и темпераментным кавказским танцем — лезгинкой.

В 1944 году отряд Аскера Бархозова соединился с

частями регулярной Советской Армии и прошел славный боевой путь до самого Берлина.

После войны Бархозову предложили работу в столице. Но он отказался и попросил направить его в Белоруссию. Просьбу Аскера удовлетворили, и вскоре он был избран председателем горсовета города Могилева.

Первое после войны мирное лето 1945 года принесло Аскеру много горя: умерла Мария, оставив ему сына. Скончались отец, мать и брат. Дали знать о себе раны, и здоровье Аскера сильно пошатнулось. По настоянию врачей, Бархозов был направлен в госпиталь. Здесь он, чувствуя приближение конца, написал завещание: «Прошу сохранить мои ордена и планшет для сына Толика. Мундир и сапоги оставляю племяннику Алику... А как не хочется умирать накануне своего тридцатилетия».

Ему так и не исполнилось тридцать: он умер на рассвете, когда восток начал алеть. «Какое чистое небо», — это были последние его слова.

Аскер завещал сыну беречь то, что было завоевано его дедом, то, что в кровавых боях отстоял отец, завещал ему мир и землю, свободную и богатую жизнь. Но Анатолий не стал ни земледельцем, как дед, ни офицером, как отец. Он окончил Минскую консерваторию. «В звонких и призывных песнях прославляет и отстаивает он мир, ради которого боролся и умер в расцвете лет его отец...»⁸⁶.

Отважный и невымысленный партизан Абдуллах Хапаев, выведенный в романе под именем Абдуллы, тоже является сыном карачаевского народа. Он до щепетильности правдив и принципиален, стремителен и порывист, быстр и точен в осуществлении задуманного. Однако все эти качества несколько не создают впечатления, что его храбрость является показной, бесшабашной

и неразумной. Мы принимаем этот образ с любовью и пониманием, верим в его жизненность, верим в то, что им руководит сознание величия своего долга перед народом и Родиной. Но война, как известно, полна неожиданных трагических поворотов в судьбах людей. Во время выполнения одного из очередных боевых заданий командования Абдулла попадает в руки к немецким палачам. Они подвергают его нечеловеческим пыткам, применяя самые изощренные методы. Но Абдулла и здесь остается самим собой, верным своему долгу советского патриота, верным своим идеалам советского человека, воспитанного партией Ленина: враги не смогли сломить его волю, сделать его предателем Родины. Он предпочел смерть измене. И его смерть еще раз доказала фашистам непобедимость советского воина, показала им его духовную силу и моральное превосходство.

Советская действительность, Коммунистическая партия воспитали новый тип горянки. Это равноправная, общественно активная личность, которая личное счастье понимает в неразрывной связи с благополучием и расцветом своей Родины и поэтому до последнего дыхания готова защищать ее интересы, ее честь, свободу и независимость. Эти качества советской горянки О. Хубнев воплотил в образе Залихат Эркеновой.

Когда над Родиной нависла смертельная опасность, Залихат с оружием в руках встала в ряды ее защитников. Муж ее уже воевал на фронте. Залихат, истинная советская патриотка, не могла стоять в стороне от великой битвы народа за Отчизну. Она, не задумываясь, уходит в партизаны, оставив дома даже четырехлетнюю дочку—Зариму, героически сражается вместе с партизанами в лесах Карачая. В статье Р. Джанибековой «В. И. Ленин и судьба горянки», опубликованной

в сборнике «По ленинским заветам», мы читаем: «Без нее (Залихат Эркеновой—Н. К.) не проходило ни одной дерзкой операции партизан против оккупантов. А когда случилась необходимость отходить отряду под натиском фашистов, Залихат Эркенова настояла, чтобы ей доверили прикрытие отхода партизан. Одна, с автоматом в руках, она сдерживала натиск врагов до тех пор, пока партизаны благополучно не вышли и не ушли из окружений. Залихат была схвачена фашистами. Не дрогнула мужественная Залихат перед лицом смерти. Смело и гордо заявила:

«Да, я партизанка! Мне дорога Родина. Родина меня воспитала. Я должна ее защищать!»⁸⁷.

Находясь в застенках гестапо, Залихат знала, что фашисты убьют ее, но она не теряла присутствия духа, не утратила веру в победу. В своей предсмертной записке она завещает народу Родину и свою маленькую дочурку, просит людей, чтобы они не считали ее погибшей и не плакали по ней, как об умершей. В записке она дальше пишет: «Я, горянка, с оружием в руках встала на защиту Отчизны, воевала за идеалы партии, возрастившей меня. За них я без колебания отдам и жизнь».

Народ свято хранит в памяти образ своей героини. Родина воздала должное ее мужеству: Залихат Эркенова посмертно награждена орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды и другими боевыми наградами.

Также были расстреляны гитлеровцами верные и мужественные сыны и дочери гор Исмаил Акбаев, Ханий и ее сын Аскер, бывший секретарь обкома партии Зекерья, проходящий в романе под именем Джанболат Халит Кагнев⁸⁸, Михаил Исаков и др. Сцена их казни полна высокого мужества, проявленного совет-

Автору романа ясно, что фашизм являлся источником национальной катастрофы, национального несчастья немецкого народа. Приход фашистов к власти означал собой тяжелое поражение немецкой свободной мысли, демократии. Черная реакция фашизма деморализовала силы прогресса в стране, ослабила волю ее народа к борьбе.

Тупым дубицам, истязателям, потерявшим всякое понятие о «правственности законов, о виновности или невинности человека, которого они убивают», фашизм вручил оружие и натравил их на страну Советов. Обобщенный тип фашистов писатель дает в образах обер-лейтенанта Ганса, коменданта Вебера и ефрейтора Шеера. Говоря словами Алексея Толстого: «Господи боже мой, какая же сволочь эти трое... эти холодные мучители! Хоть бы лица у них были, что ли, сатанинские, а то так, дрянь, плюнуть не на что»⁹⁰.

Обер-лейтенант Ганс под воздействием бредовых идей, изложенных в книге «Моя борьба», чувствует себя действительно сверхчеловеком, призванным самой историей править миром, решать судьбы целых народов, не относящихся к избранной нордической расе. Он даже представляет себя частью фюрера, мало того — ему кажется, что именно так он и думал, как написано в книге, что это не что иное, как плод его собственного труда, воплощение его собственных идей и целей. Под стать Гансу и офицер Вебер, организатор еврейских погромов. Это он казнил партизан, безжалостно расстреливал мирных жителей — стариков, женщин и детей.

Однако автора романа следует кое в чем и упрекнуть. Книга создавалась после победы над гитлеровской Германией, когда миру стали известны имена луч-

ших сынов и дочерей немецкого народа, которые в мрачные годы гитлеровского засилия вели тяжелую и мужественную борьбу против фашизма, гибли в концентрационных лагерях, расстреливались в гестаповских застенках. К сожалению, это не нашло своего отражения в трилогии О. Хубиева. Ничего не сказано в ней и о новом типе немецкого солдата, о тех, кто сумел понять, что гитлеровская война против Советского Союза является прежде всего войной Гитлера против самой Германии, что после первых же военных поражений фашистских войск на советско-германском фронте понял, что война не принесет победы немецкому оружию, что она кончится позорным поражением гитлеровской Германии, что тяжелым бременем ляжет на плечи немецкого народа. Об этом свидетельствует письмо немецкого солдата-фронтовика, озаглавленное «Я вижу Советскую Россию» и опубликованное в газете «Дер аусберг» в ноябре 1941 года. В нем он перед всем миром разоблачал клеветнические измышления фашистской пропаганды о советском строе, говорил о том, что эта война направлена в первую очередь против жизненных интересов самих немцев, против самой Германии, где под властью нацистов «камни кричали, истекая кровью...»

Как мы говорили выше, О. Хубиев рядом с нашими прямыми врагами — фашистскими захватчиками — рисует и омерзительные образы предателей и изменников из числа «советских» людей. Вот один из таких типов — Эмма, немка русского происхождения. Эта женщина, лишенная каких бы то ни было моральных устоев, далека от политики, ей непонятны и чужды такие высокие понятия, как Родина, долг, патриотизм, она живет, бездумно предаваясь богеме и эротическим

течениям. Правда, ее роль в романе эпизодична. Эмма нужна автору для иллюстрации нравственного облика фашистского генерала-развратника. Партизанские разведчики, умело используя ее слабости, пробираются к генералу и захватывают его в плен.

Много места отводится в романе образу Хаджибекира. Это хитрый, изворотливый враг, умеющий скрывать свои истинные мысли за витиеватыми фразами, за народными пословицами и поговорками. Может быть, это несколько прямолинейно, но О. Хубиев, вводя образ Хаджибекира в книгу, с первых же ее страниц сосредотачивает внимание читателя на его отрицательных чертах. В силу этого, он, читатель, сразу же видит моральную нечистоплотность и политическую неблагонадежность Хаджибекира. Вспомним хотя бы его поведение в доме Хасана, когда тот приехал к своим родителям, чтобы сообщить им, что решил ехать на фронт. В этой сцене Хаджибекир выглядит заботливым родственником, желающим близким только добра, печущимся об их благополучии. Но с другой стороны... Впрочем, предоставим слово автору:

«Хаджибекир никогда себя не утруждает,— говорит он о нем.— Во всем ищет выгоду себе, обычно любит ходить по готовой и безопасной тропе. Если ему хорошо, об остальных он не станет беспокоиться...» (Перевод подстрочный—Н. К.)

Если старый Аслан, отец Хасана, всем своим существом понял, что, защищая Россию, горцы защищают и родной Кавказ, а защищая Карачай, они защищают и свой дом; если этот умудренный жизненным опытом старец говорит, что война—это смерть, а смерти никто себе не ищет, но если врагу не стать врагом, он наглет, что если сегодня враг придет на Украину, в

Ленинград, то завтра он, как разбойник, ворвется в Карачай, в наш дом; если он победу над врагом считает возможной только в том случае, если карачаевцы, черкесы, осетины и все народности страны, объединившись в единую семью, пойдут в бой за Родину, то Хаджибекир рассуждает иначе. Он, возражая старику, говорит: «Я не враг государству, но не одобряю, когда детей посылают в ад (он имеет в виду Хасана—Н. К.). Может, враг и не дойдет до нас, остановится там... », то есть вдали от Карачая — на Украине, в Ленинграде. Как мы отмечали, Хаджибекир, всегда и во всем верный своей лицемерной привычке маскировать свои коварные мысли, то и дело употребляет в речи народные пословицы и поговорки. Но так или иначе в конце концов все сводится к основному кредо его жизни. «Моя хата с краю, я ничего не знаю», или «После моей смерти пусть и трава не растет», или «Змея, которая меня не укусит, пусть сто лет проживет...». В этом весь индивидуализм и мещанский эгоизм Хаджибекира.

Все эти черты в Хаджибекире не случайны. Они своими корнями уходят в его далекое социальное прошлое. В первые годы советской власти он был достаточно крепким хозяином, пользовался наемным трудом. Потом его раскулачили, лишили права голоса. И Хаджибекир затаил злобу.

Когда немцы оккупировали Карачай, Хаджибекир спокойно остался дома, надеясь на милость врага. Своей сестре Джендет он говорит, что никуда не собирается уехать, напротив, думает, что немцы возвратят таким, как он (бывшим кулакам—Н. К.), конфискованные советской властью дома, скот, землю. И действительно, немцы вернули ему дом. Он вновь почувст-

вовал себя хозяйчиком, имеющим право повелевать. И, естественно, в знак благодарности оккупантам верно служил им.

Аульчане обходят его стороной, избегают вступать с ним в разговор, этим выражая свою молчаливую ненависть к нему. Но иногда эта ненависть, вырвавшись наружу, принимает форму открытого столкновения аульчан с Хаджибекиром. Так, однажды Хаджибекир, увидев возле здания комендатуры группу односельчан, вызванных сюда Вебером, обращается к ним с вопросом:

«— Почему вы здесь?»

«— Откуда нам это знать, вызвали—вот мы и пришли,— недружелюбно отвечает ему один из аульчан и, чуть помолчав, ядовито добавляет: Может, и тебя вызвали, так ты иди, ждут, наверное».

«— И пойду, мне нечего бояться немцев,— раздраженно бросает Хаджибекир».

«— Правильно говоришь, Хаджибекир, — с плохо скрываемой иронией говорит другой аульчанин,— может, тебя пригласили, чтобы вручить медаль за усердие...»

Из разговоров некоторых сердобольных действующих лиц нам становится известно, что Хаджибекир по сути дела оказывал оккупантам только мелкие услуги, и то ради спасения своей жизни. Но разве есть мелочи в предательстве? Предательству, в каких бы масштабах оно ни совершалось, одна цена — презрение народа.

Читая в романе те места, где действует Хаджибекир, порой приходишь в негодование: почему автор щадит негодая, почему он оберегает его от заслуженного возмездия? Ведь много было случаев, когда его можно было тихо убрать.

О дальнейшей судьбе Хаджибекира мы узнаем из разговора Тохтара и его сестры. После разгрома советскими войсками армии Паулюса под Сталинградом немцы, оккупировавшие Северный Кавказ, пустились в паническое бегство, боясь попасть во второй, более грандиозный мешок. Вместе с ними ушел в неизвестное и Хаджибекир. Тут-то и доходит до нас весь смысл того, почему автор сохранил жизнь предателю. Лишившись Родины, Хаджибекир превратился в человека без рода и племени, в живой труп. Он просто исчез, даже не заслужив права иметь могилу на своей земле, оставив после себя лишь народное презрение к себе. Это страшнее любой кары!

Можно было бы говорить еще о Кате, о Джарашты, тоже наделенных отрицательными качествами. Но нам думается, что достаточно и сказанного о двух изменниках, чтобы представить себе всю глубину падения людей, предавших интересы Родины, и на этом фоне еще яснее увидеть благородство советских людей, чистоту их помыслов, твердость их духа и их моральное превосходство над врагом.

Разумеется, автор, создавая образы отрицательных типов, не обособливает их, не отрывает от общего хода повествования. Они на всем протяжении трилогии то появляются, то исчезают, чтобы через какое-то время снова появиться, и всегда приносят с собой или оставляют после себя что-то отвратительное и омерзительное.

На первый, поверхностный взгляд может показаться, что третья книга «Аманата» не является логическим продолжением развития тех событий, которые были описаны в первых двух книгах, что в ней нет того духа борьбы, который можно было ожидать от произведения,

описывающего период, столь богатый бурными послевоенными событиями. Но это лишь поверхностное наблюдение. В первых двух книгах речь шла о борьбе советского народа за Родину. В третьей же книге автор сосредотачивает свое внимание на внутренней борьбе человека, на процессе его духовного возрождения. Здесь все подчинено этому основному авторскому замыслу, все явления рассматриваются и все образы разрабатываются им с точки зрения этой установки. Только в ней не все сказано столь прямо и непосредственно, как в первых двух книгах. Это и понятно, потому что в третьей книге на первое место выступает психологический мотив.

В третьей книге тоже идет острая борьба, но она не столь явна и ведется не мечом, а перенесена в сферу внутреннего мира персонажей. И в центре этой борьбы стоит Сафият. Книга открывается и заканчивается действиями, в большей или меньшей степени связанными с именем Сафият, с ее жизнью.

В начале романа автор сознательно старается вытеснить мещанские, индивидуалистические настроения Сафият. По своей натуре она в какой-то степени экстравагантна, человек крутого нрава, по-своему прямо и справедлива. Но все это в ней эгоистически подчинено одной цели: борьбе за свое маленькое личное счастье, свое мещанское благополучие. В ней есть что-то от кулацкой натуры Хаджибекира. Хаджибекир проповедовал, что та власть хороша, при которой хорошо живет народу, имея при этом, конечно себя, свое личное благополучие. Эту нехитрую, но явно кулацкую истину хорошо усвоила и Сафият. Поэтому-то она, хотя почти не работает в колхозе и в эти трудные для страны дни, за шесть месяцев не имеет даже сорока трудов дней,

упрекает аульчан в том, что ей, как солдатке, они мало оказывают помощи, что ей единственную корову-кормилицу пришлось отправить в горы, так как дома нечем было кормить ее. А что касается того, что сейчас все должно делаться для фронта, где воюет и ее муж, для победы, то это до ее сознания пока что не доходит. На все она смотрит с колокольной собственной семьи, с точки зрения собственных интересов. И как бы в подтверждение этих своих качеств, Сафият, не дождавшись возвращения мужа с войны, сходится с Базарбием. Но вторичное замужество не принесло ей счастья, которого она с трепетом ожидала. Базарбий оказался стяжателем, пьяницей, болезненно ревнивым человеком. Он издевается над Сафият, постоянно унижает ее человеческое достоинство. Однажды, когда Сафият вернулась домой, муж-деспот встретил ее словами:

«А-а, вернулась, бездомная! Где ты шаталась? В каком аду задержалась, скотина? Молчишь? Или, может, ты соскучилась по доброй палке, собакой от собаки рожденная?..»

Вконец разочаровавшись в жизни, Сафият уходит в себя, становится затворницей, она быстро стареет, на висках у нее появляется седина, лицо покрывают морщинки, глаза тускнеют...

Но она, хотя и медленно, трудно, находит в себе силы прийти к мысли, что жить с Базарбием ей нельзя. И вот она уходит к первому мужу, от которого имеет сына. Но там ей стало не лучше. Долгое пребывание на чужбине (Мурат, попав во время войны в плен, несколько лет был в числе перемещенных лиц), старость, жизнь вдали от Родины без семьи и цели совершенно изменили Мурата. Он стал набожным, подозрительным и навязчиво мнительным, ворчливым и

мелочным. Мурат не может простить женщине, которая, как ему кажется, забыла о чести и верности и, имея живого мужа, вышла за другого.

Короче говоря, Сафият не нашла в Мурате того человека, с которым рассталась в начале войны. Он был для нее чужим, далеким и непонятым. И в женщине исподволь зреет протест против несправедливости, накапливаются здоровые силы, которые постепенно пробуждают ее сознание, вырабатывают в ней волю к борьбе за свое человеческое достоинство. В то же время она понимает, как ей будет трудно воспитывать детей без отца, знает, что ее будут осуждать, называть пошлой и бесчестной. Но ничто уже не может остановить ее: ни старые понятия намыса—честь, ни угрозы мужей, ни сплетни недобрых людей. И Сафият решительно порывает с Муратом, а следовательно—и со всем тем прошлым, что жило в ней и что затоптало в ней человека.

Сафият—наиболее богатый и наиболее сложный характер в романе. Поэтому она временами не укладывается в наши привычные представления о человеке. И это, конечно, не потому, что автор плохо вылепил ее образ. Напротив, Сафият, пожалуй, самый совершенный и пластически законченный среди женских образов книги. А не укладывается она в наши обычные представления потому, что это формирующийся характер, который проходит пору перехода от одного качественного состояния в другое качественное состояние. А такому характеру свойственны поступки, на первый взгляд кажущиеся непонятными и неестественными.

В третьей книге О. Хубиев добивается более яркого художественного воплощения передовых идей времени, рассматривает действительность в перспективе исто-

рического развития, глубже и многограннее изображает жизнь народа, создает более яркие, типические образы, в которых находят свое отражение социальные проблемы, остро поставленные писателем в третьей книге.

Нам думается, что не совсем удались автору характеры персонажей, которые связаны с производством. Речь идет о Таулане, Умаре, Таусолтане, Эсене, Джигерхан и др. Они в своей сути схематичны, обеднены как современники и потому неубедительны. Зато яркими получились бытовые картины, эпизоды, где автор ведет непримиримую борьбу с пережитками прошлого в сознании некоторых людей: Базарбия, Чубура, Берхан и др.

Старуха Берхан, мать зоотехника Таусолтана, ревностно стоит на страже законов гор, созданных седой стариной, на страже старых порядков, узаконенных в быту горцев реакционным адатом. Все ее поступки основываются на этих изживших себя нравственных принципах. Берхан постоянно терзает свою сноху Тауджан, упрекая ее то за то, что она без разрешения тратит деньги, то за то, что она, горянка, поправ все законы гор, работает где-то в учреждении. Но она считает себя мягким, сердобольным и добрым человеком, заботящимся о благополучии людей. «Да померкнет тот, кто разговаривает с тобой в надежде на что-то хорошее,— укоряет она сноху.— Боже, что мне от вас ждать? Вам бы только работа, служба, люди, а отец, братья, сестры — они вам ни к чему. Но не забудьте, у кого железная крепость, тому и игла нужна железная. Вам не нужна такая мать, как я, в заботах о вас тающая, как сахар, а нужна такая, которая одним взглядом заставила бы небо посылать на землю снег...» Так она

вносит раздор в семью родного сына. Она постоянно требует от снохи берне, зарплату, ревнует ее к Тау-солтану.

Однако суть образа Берхан не исчерпывается тем, что она вздорная и сварливая старуха, типичный мракобес. Кроме того, она завистлива, злопамятна. Вспомним ее разговор со своей соседкой Джандет. Берхан как-то пришла к ней в гости, и Джандет стала рассказывать ей о том, как она с материнской радостью и ласковой встретила русскую сноху, которую ввел в дом ее сын. Берхан презрительно назвала сноху соседки «Марушкой» и брезгливо покинула ее дом. Но это было только наигранной брезгливостью, а на самом деле ее снедали зависть и злоба. Покидая дом Джандет, она думала о том, как и чем бы нагадить этой дружной семье, где во всем чувствуется уважение, уют и покой.

Но вот О. Хубиев знакомит читателя с образом Тауджан. Сразу же создается впечатление, что в темной, с затхлым воздухом комнате вдруг зажегся яркий свет и в раскрытое окно сюда ворвался свежий, живительный воздух. Писатель наделяет свою героиню искренностью, чистотой и благородством чувств, современным воспитанием, волей, любовью к труду, семье, общественному добру. На этом светлом фоне Берхан выглядит старой, одряхлевшей каргой, которая от бессилья не может взлететь и только беспомощно и хрипло каркает, жадно косясь на кусок мяса, свисающий с ветки высокого дерева. Вообще, контраст, сопоставление — излюбленный художественный прием О. Хубиева, с помощью которого он добивается предельной яркости изображаемых событий.

В образе Берхан О. Хубиев попытался реализовать мысль, что в жизни горцев до сих пор бытуют остатки феодально-байских пережитков, которые особенно ярко

проявляются в семейных отношениях. Именно пытался, но эта попытка не нашла своего художественного убедительного завершения. Под воспитательным воздействием Таусолтана и Тауджан несколько шаблонно и искусственно завершается благополучное перерождение старой Берхан, этой закоренелой посылительницы старого: в конце книги она становится любящей матерью, доброй и сознательной свекровью. О. Хубиеву, писателю активному, ищущему, умеющему находить ключ к решению поставленных проблем, образ Берхан явно не удался. Он предпочел легко «вылечить» ее.

На третью книгу приходится свыше пятидесяти действующих лиц. У каждого из них свои дела, судьбы, интересы, мысли, цели, прошлое, настоящее и будущее. Автор по-разному раскрывает их характеры, используя для этого все известные художественные приемы: прямая речь персонажей, непосредственные действия героев, сопоставление мыслей персонажей с их делами, контрасты, авторские отступления и т. д. Все это вместе с побочными ветвями в книге составляет одно целое, ибо все построено на одной завязке.

* * *

Выше мы говорили, что «Аманат» О. Хубиева открыл, в буквальном смысле этого слова, новые возможности осмысления героизма горцев в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, что его трилогия вызвала к жизни повесть в стихах Х. Байрамкуевой, документальную повесть Сеита Лайпанова, мемуары Х. Богатырева, трилогию Д. Кубанова, две повести Х. Эбзеева, мы также отмечали, что даже композиционно-сюжетное строение трилогии Д. Кубанова, проблемы, которые он поставил перед собой, манера письма, язык и стиль очень близки к трилогии О. Хубиева.

«Теснейшая связь художника с новым, его стремление понять в свете нового те изменения, которые происходят в жизни, оказывают сильнейшее влияние как на его мировоззрение, так и на его художественное творчество. Меняется отношение писателя к жизни, меняется его концепция произведения и сами проблемы типизации. Огромную роль в связи с этим приобретает глубина исторического мышления писателя»⁹¹, справедливо пишет В. Новиков, подчеркивая этим важнейшие эстетические требования века.

О. Хубиев стремится осуществить художественный синтез современности, дать правдивую картину эпохи, показать жизнь советских людей в разные исторические периоды: предвоенные годы, финская война, годы Великой Отечественной войны, разгром немецко-фашистских захватчиков, освобождение Европы, возвращение домой советских солдат, последствия опустошительной войны, навязанной нам фашистами, восстановление разрушенного ею народного хозяйства и наши дни. Если действие первого карачаевского романа «Черный сундук» Х. Аппаева происходит лишь в узких ущельях Карачая, то широта замысла «Аманат» заставляет автора вывести действие не только за пределы гор Карачая, но и за пределы всей страны: Карачай — Украина; Карачай — Белоруссия; СССР — Европа, Европа — СССР; Берлин — Карачай и возвращение советских воинов на Родину с победой... Так трилогия охватывает почти полмира, что определяет и характер романа-эпопеи. О. Хубиева не смогли удовлетворить и те рамки художественного повествования, которые взяты в основу «Черного сундука». Да это и понятно. Другая эпоха, другие обстоятельства, другая тематика. В романе Хубиева в основном происходят процессы, характерные для романа

двадцатого века. Повествование расширяется, изменяется сама форма историей, политикой, решительно ворвавшимся в мир, в судьбы, в дом героев.

И читателю кажется, что автор вполне сознательно широко открывает двери своего повествования и уступает в нем самое почетное место истории, ибо она, вмешиваясь буквально во все, меняет лицо не только времени, но и характеры людей, с чем и должен считаться автор и в соответствии с чем должен подходить к событиям, к их оценке и осмыслению. Известно, что события в «Черном сундуке» изложены с газетной достоверностью и рассчитаны на читателя, который ориентировался лишь в черно-белой гамме жизни. Конечно, для О. Хубиева, живущего в другое время, эти рамки были тесны, и он, разорвав их, пошел по пути широкого охвата событий и эпического их изображения. Между тем, и это не секрет, некоторые наши писатели, как бы не доверяя своим возможностям, сторонятся эпического изображения больших событий, больших дел, стараясь создать какой-то эталон в литературе путем канонизирования рекламных признаков «Черного сундука».

«Черный сундук», бесспорно, является крупным произведением для своего времени. И в нашей литературе создан ряд «исторических романов, авторы которых шли по стопам «Черного сундука» Х. Аппаева. Но эти произведения, как и следовало ожидать, являются чрезмерно пухлыми и растянутыми, поверхностно-описательными, они глубоко страдают абстрактностью и иллюстративностью, односторонностью и прямолинейностью, отсутствием психологической мотивировки поступков героев, в них авторы больше рассказывают, но не показывают. В этом смысле трилогия О. Хубиева в нашей литературе не имеет равных себе. Начиная еще с повести «Абрек»,

в центре внимания писателя всегда стоит образ современника, образ борца, выделяющегося не внешностью, не чином, не тем, что редко встречается у других, а своей верностью ленинским идеям, слитностью с массой, руководимой Коммунистической партией, священной ненавистью к врагу и беспредельной преданностью социалистической Родине.

Абдулла, Иван Иванович, его дочь Мария, Аскер, советский офицер, которого они спасли от преследовавших его гитлеровцев, Залихат, смело вставшая на защиту Родины, старый Аслан, живым словом вдохновляющий молодежь на борьбу с гитлеровцами, Хасан, Соколов, Бабаев, Малыченко и многие другие герои книги, отдавшие себя борьбе за честь Отчизны, являются лучшими образами советских патриотов в карачаевской литературе.

Абдулла, рядовой, ничем не приметный воин, ненавидящий, как и все советские люди, навязанную фашистами войну, в трагическую минуту превращается в героя. Он без тени страха принимает смерть, сознавая, что умирает за Родину. Автор достиг высокого эмоционального эффекта в сценах казни Абдуллы, выдержавшего прометеевские муки без единого вздоха, встречи Хасана с предавшим Родину Джарашты, казни Залихат Эркеновой... Читателю широко раскрывается внутренний мир советского человека-борца, сумевшего в трудные минуты проявить героизм, самоотверженность. Для персонажей трилогии характерна еще отчаянность. Но это не отчаянность отчаявшихся, а аккумуляция отваги, храбрости, героизма и мужества. Именно в этом смысле отчаянны Хасан и Соколов, Бабаев и Сарджон, Залихат и Аскер, Абдулла и Мария и даже люди преклонных лет: Иван Иванович, Мусса и Аслан. Разве не об этой

отчаянности говорят операции патриотов, когда они буквально на глазах гестаповцев спасают жизнь пленному, уводят фашистского генерала, взрывают мосты, пускают под откос вражеские эшелоны с боеприпасами и т. д. Разве не о ней свидетельствуют обстоятельства, когда мальчики превращаются в зрелых мужей, смело идущих в бой с врагом, женщины — в стойких и верных товарищей своих мужей, братьев и отцов в их борьбе с захватчиками?..

Известно, что горцам не подобает бурно проявлять свои чувства, им присущи мудрая сдержанность, неприязнь к внешнему блеску, громкому слову. Все это умело используется автором при создании национального характера героизма народа, при показе индивидуальных черт своих персонажей, при психологических характеристиках их. И в таком эпическом освоении действительности учителями О. Хубиева были прежде всего великие мастера русского слова Л. Толстой, М. Горький, А. Фадеев и М. Шолохов.

Через диалоги персонажей автор высказывает свою точку зрения на то или иное явление, и этот прием занимает важное место в идейно-художественной концепции романа. Но наряду с этим в трилогии применяется излюбленный толстовский метод — внутренние монологи. Толстовское чувствуется и в умении писателя находить тонкие психологические детали в создании характеров персонажей, в умении изображать повседневную жизнь народа, глубоко проникать в «диалектику души».

При чтении романа «Аманат» невольно вспоминаются слова из письма Льва Толстого к А. А. Толстой: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокой-

стве — душевная подлость». Герои «Аманат» тоже рвутся, путаются, ищут, бьются, чего-то лишаются, в чем-то ошибаются, начинают, бросают, опять начинают. Но в одном они никогда не ошибаются и всегда постоянны — в любви к Родине, верности коммунистическим идеалам.

Писатель сумел правдиво показать, что люди даже в трудные обстоятельства умеют переживать и свои личные радости, и свои личные горести. Как и в жизни, в романе они живут повседневной, естественной жизнью. Так же естественно ведут они себя и в сфере общественной жизни, в сфере героической битвы с фашизмом, в сфере подвигов в тылу. Сафият, к примеру, переживает, что ей пришлось на время лишиться коровы из-за отсутствия корма, партизанка Залихат в предсмертном письме просит людей, чтобы они заботились о ее маленькой дочурке, Хасан с фронта пишет сердитое письмо своей любимой Балдан, Мария в огне войны влюбляется и становится женой спасенного ею красного офицера Аскера и т. д. В этом и заключается правдивый и убедительный мотив романа.

Тонкий знаток родного языка, богатого фольклорного наследия своего народа, страстный публицист О. Хубиев создает неповторимые картины, пронизанные высокой поэтичностью. Лучшим страницам романа свойственна особая лиричность, свободная от элементов дидактики и риторики, что характерно многим стихам и поэмам О. Хубиева. Писатель сумел найти в романе разнообразные формы для наиболее полного самовыражения. И лучше всего это у него получилось в сплаве эпического и лирического начал. Элемент самовыражения проявляется и в обрисовке ряда действующих лиц, близких автору по духу. В образе Хасана, в его искани-

ях и переживаниях много лично пережитого. Образ Хасана глубоко автобиографичен, близок и дорог автору. Немало своего, родного вложил писатель в образы Соколова, Аскера, Азрета, Сарджона, Бабаева и других героев.

В художественной ткани романа часто встречаются красочные и поэтичные описания, раздумья, отступления, метафорические обороты, оригинальные сопоставления, связанные с тем, что герои умеют любить, умеют дорожить любовью.

Любовь для многих героев — это чувство, без которого немислимо противостоять трудностям военного времени. С тончайшим художественным мастерством изобразил писатель отношения между Аскером и Марией. И все это представляется без примеси мелодраматического сентиментализма, а правдиво, убедительно и поэтично.

Вот небольшая сценка:

«--- Если я тебя теперь буду называть Марьям, станешь возражать? — спрашивает Азрет у девушки.

— А что означает Марьям?

— Это, как и у вас, имя девушки.

— Тогда называй меня по имени, так будет правильнее.

— И Марьям правильно. Только Марьям означает — моя Мария, Мария принадлежит только мне.

— А твое имя в этом смысле как звучит? — засмеялась Мария.

— Аскерим, — нежно произнес Аскер».

Писатель воспроизводит ритм родного языка, передает его структуру. Обороты, метафоры, возникающие в тексте повествования, свежи и удивительно конкретны, сопоставления всегда метки и остры.

«Бир талай тишируу, Муссаладан чыгыб, юйлери-не тебретиле. Аланы бири — къартлыкъ суу агъашча бюкген къатын — белине беллигин эки къат кыысыб, шибижича кызыл, чана джаякыгъа ушаш бурну бла, къолларын силкиб, кесин тыялмай сѣлешди:

— Оу, келининглей оу болгъун, бир кыркъмабаш Марушкогъа «келиним» зат деб... Джарлы Джандетни эки эшиги джабылыб да къалгъанды... Джап ѓсдюремел... аны игилигин кѳреме де да тур... Чубурѳтекле бo-луб, кеслерин джылтыратыб чыкъсала, уялмазла, на-сыбсыз джашланы чырмайдыла да къоядыла...»

«Группа женщин, выйдя со двора Муссы, направилась по своим домам. Одна из них, согнутая, как коромысло, старостью, туго перехваченная в талии поясом, с красным, перцеобразным, крючковатым, как полоз саней, носом, размахивая руками, горячо начала: «Когда они, с блеском принарядившись, в коротких, выше колен, юбках выходят на улицу, так сразу же опутывают, бесстыжие, несчастных парней, да сгнуть тебе вместе со своей снохой, тоже мне, пашла, кого снохой называть — стриженую Марушку (искаженное — Маруся — И. К.). Несчастливая Джандет, захлопнулись обе двери. Сына вырастила... Ждала, когда он радость в дом принесет».

Экономия художественных средств, умение продуманно сочетать факты, умелое сближение внутреннего и внешнего мира персонажей ведут к широкому использованию приемов лейтмотивов. Все большую смысловую выразительность приобретают и все более эмоционально насыщаются детали пейзажа, обстановки, внешности героя, его поступка, речи и т. д. Конкретная деталь, не утрачивая своего реального содержания, может приобрести особую смысловую ёмкость, многозначительность.

Детали пейзажа у Хубиева всегда символичны, они отражают внутренний мир героя. Такова картина весеннего утра в начале первой книги, картина пробуждения весны в начале третьей и цветения деревьев в конце этой же книги и др. В его описаниях природы всегда присутствует подводная струя, дающая читателю особое настроение чистоты и беспредельной любви к Родине, ее горам и лесам, ее морям и рекам, ее камням у дорог, широким полям и бескрайним степям Великой Отчизны, которая коротко «зывается Россией».

«Аманат» — произведение многоплановое, в нем много сюжетных ответвлений, которые, как многочисленные горные тропинки, то и дело перекрещиваются, затем расходятся и снова сходятся. Но столь сложное переплетение событий нисколько не затрудняет их последовательное восприятие, не лишает роман динамичности, напротив, делает его остросюжетным, читающимся со все возрастающим напряжением.

Как отмечалось выше, «Аманат» ознаменовал собой начало и основу большой прозы в карачаевской литературе. О достоинствах романа говорилось много. Остановимся еще раз на недостатках его. Но прежде надо сказать: трудности, которые не сумел преодолеть писатель в своей трилогии, на наш взгляд, связаны с тем, что О. Хубиев был единственным писателем в истории карачаевской литературы, кто взялся за тему, которая до него никем не разрабатывалась и которая была не по силам никому из карачаевских писателей. Но, разумеется, это не дает нам никакого права делать какие-то снисхождения автору, как это не делается любому крупному писателю, каким в нашей литературе является О. Хубиев.

В романе есть совершенно неуместная сцена: фашис-

ты едут на бричке, запряженной пленными. Немцы сидят на мешках с картофелем, развлекаясь, закатываются громким смехом, издеваются над советскими пленными, как издевались варвары над рабами в древнем Риме. Беспомощность, скотская покорность пленных усугубляется и тем, что Тохтар и Сослан, свидетели всего этого, вместо того, чтобы спасти своих боевых друзей, пусть даже ценой собственной жизни, лишь возводят руки к небу, как богомольные старухи.

Возможно, такой случай и был. Но его не следовало столь натуралистично выпячивать в романе, посвященном преимущественно героизму советских людей. Писатель даже в самых мельчайших деталях должен был оставаться на высоте, верным той линии, в которой ему прекрасно удалось показать моральное и физическое превосходство наших людей над фашистами.

Эта сцена вызывает лишь щемящую жалость в груди. Обидно за парней, сынов великого советского народа, лучше бы они погибли, убив в открытой схватке и тех, кто уподобил их рабочему скоту, и досадно за автора, не понявшего, что этот эпизод выглядит кляксой на светлой странице героической истории советского народа, о которой, собственно, и повествует автор в своем романе.

Местный комендант Вебер — это типичный фашист, зверь в облике человека, убийство — его профессия и призвание. И вот между этим Вебером и советским юношей Сосланом возникает обычная драка: Сослан берет коменданта за пояс и трясет его. Тот бьет Сослана по лицу, в ответ на это он ударяет Вебера в грудь. Тогда Вебер беспомощно кричит, вызывая солдат на помощь и т. д. Можно ли поверить в достоверность этого случая, если Вебер вооружен, молод и силен, облечен неогра-

ниченной властью над людьми, а Сослан хил и бес-
силен, болен туберкулезом? Вебер мог бы запросто при-
стрелить Сослана, не дав ему даже коснуться себя. Но
автор, вопреки всякой логике и правде, не позволяет
ему сделать это, очевидно, намереваясь поразить чита-
теля еще одним примером «героизма» советского чело-
века. Но читатель не поражается, а недоуменно пожи-
мает плечами, выражая недоверие автору, ибо ситуа-
ция эта надумана, искусственно притянута в ткань по-
вестования за уши. Также надумано поведение солдат,
прибывавших на крик своего коменданта. Казалось бы,
что солдаты должны были стереть Сослана в порошок.
Но они, по воле автора, не только не трогают его, но
даже пьются от него, так как увидели побледневшие
лица Тохтара, Мурата, Николая и других, прибывавших
вместе с солдатами (?!) в комендатуру.

Все это, конечно, наивно и неубедительно, говорит
отнюдь не в пользу автора и его романа.

Или вот еще эпизод. Тот же комендант Вебер раз-
говаривает в своем кабинете с Муссой. Веберу извест-
но, что сыновья Муссы воюют на фронте и в лесах Бе-
лоруссии. Больше того, он знает, что Мусса подпольщик,
что он в горах бывает не только потому, что оберегает
от немцев (!) колхозный скот, но и потому, что поддер-
живает связь с партизанами, являясь их связным. В
разговоре старый горец дерзит немцу, не скрывая своей
ненависти к оккупантам, он даже бросает в лицо комен-
данту, что его сыновья воюют, защищая Родину от гит-
леровцев. И тем не менее Вебер, не теряя самооблада-
ния, долго разговаривает с ним и под конец передает
солдатам, а те для порядка избивают старика и с ми-
ром отпускают домой. Можно ли принять все это за
правду, если мы хорошо знаем, что немцы без промед-

ления расстреливали не только подпольщиков, но и всех тех, кто вызывал у них малейшее подозрение в сочувствии к партизанам?

Нам кажется, что в данном эпизоде писатель, увлеченный сочувственным отношением к советским патриотам и опять-таки стремясь показать их непреклонную волю к победе над врагом, незаметно для себя наделил фашистов гуманными качествами. Вера в гуманизм фашистских извергов — противостоит естеству и потому не укладывается в нашем сознании. Нет, здесь тоже явно не повезло автору, ибо он сильно погрешил против правды жизни.

В третьей книге из разговора, состоявшегося между Джандет и Берхан, мы узнаем, что Джандет очень довольна своей снохой Балдан, женой ее сына Хасана. Она работает в школе учительницей, хорошая хозяйка, к родителям мужа внимательна и ласкова. Еще лучше была, продолжает рассказывать Джандет, жена ее старшего сына Азрета, украинка Нина. Она настолько сильно любила мужа, что при ней целовала его, даже садилась на его колени...

У каждого народа наряду с античеловечными и реакционными, ныне уже изжившими или изживающими себя, есть и хорошие, вечные, общечеловеческие обычаи, которые строго регламентируют норму поведения людей в быту и в общественной жизни. Эти обычаи не только несколько не противоречат, а, наоборот, закрепляют моральный кодекс советского общества. Горцы отличаются, например, прославленным гостеприимством, почтительным отношением к старшим, умением сдерживать свои чувства, стремлением сохранить в чистоте свою честь, свой моральный и нравственный облик. У них считается, и это общечеловечно, предосудительным, ког-

та люди при посторонних изливают свои интимные чувства. Если подходить к оценке поведения Нины с этих позиций, то она выглядит эгоисткой, легкомысленной, даже безнравственной и вульгарной. А ведь в романе она выведена положительным типом. В данном случае О. Хубиев не только дает повод Берхан для ее очередного злословия, но вступает в противоречие с собственным замыслом, раздваивает личность Нины, а точнее — разрушает цельность ее характера.

О. Хубиев не сумел создать запоминающиеся колоритные художественные образы партизан. Он ограничился лишь характеристикой их общих качеств, не раскрыл индивидуальные черты каждого в отдельности. Поэтому получилось так, что и опытный командир легендарного 121-го партизанского полка Осман Касаев, и отважный разведчик, командир отряда Аскер Бархозов, и рядовые мало чем отличаются друг от друга. Они схематичны, и этот схематизм тем более заметен, что они не эпизодические персонажи. Не всегда удается О. Хубиеву достаточно ярко показать образы и некоторых других героев своего романа. Мы имеем в виду прежде всего образы Муссы, Джандет, Балдан, изображению которых в книге отводится значительное место, поскольку они являются сквозными персонажами трилогии. Особенно сух и анемичен образ Балдан. А его присутствие во второй и третьей книгах настолько бледно и условно, что образ просто теряется в узко семейном, частном плане.

Обилие исторических событий и фактического материала, использованных в романе, придает ему большую познавательную ценность. Но все это нередко преподносится в виде сухой информации, лишенной эмоционального накала.

Для «Аманата», как и для произведений многих карачаевских писателей, посвященных историко-патристической теме, к сожалению, характерна и известная выпренность речей персонажей, употребление ими ходячих, штампованных, лишенных больших смысловых нагрузок слов и выражений. Так, Хасан, у которого в день взятия нашими войсками Берлина погибает старший брат, обращаясь к своим боевым друзьям, говорит: «Правильно говорите. Спасибо вам! Тысячами и миллионами исчисляются те, кто потерял в этой войне братьев, отцов и сыновей. Чтобы народам вновь не пришлось испытать эту горе, мы должны разрушить логово фашизма». Чистый ура-патристический лозунгизм.

На страницах романа часто встречаются выражения, нехарактерные для языка того народа, представителем которого является данный персонаж. Например, немецкий солдат говорит белорусской девушке Марин, показывая на автомат: «Пока вы не увидите вот это, не узнаете своего аллаха». Вебер: «Если ты и в самом деле безгрешен, то как ты мог столько времени вытерпеть, чтобы не побывать в своем ауле, не повидаться со своей семьей?» Никакой немец не мог говорить подобным образом, ибо эти выражения характерны только людям карачаево-балкарского происхождения.

Катя при обращении к Марин (заметьте—обе белоруски) говорит: «А кыз»—«А девушка». Так обращаются к женщине только карачаевцы и балкарцы, в устах белоруски это звучит противоестественно. И совсем неестественно, когда люди в отряде — представители самых разных национальностей — обращаются друг к другу, употребляя только карачаево-балкарскую форму — «алан», что означает «единоплеменник», «друг»

«сын», «воин», «молодец», а отчасти—само название народа.

Не свободен от досадных неуклюжестей язык и самого автора. Он, например, передавая настроение одного из героев пишет: «Глаза его расширились, брови насупились и между ними обозначился бугорок». Трудно при насупленных бровях расширить глаза!

В манере письма О. Хубиева мы наблюдаем склонность к длинным и скучным описаниям обстановки, к излишним авторским пояснениям, к комментариям тех или иных событий, будто автор временами не доверяет способностям своего читателя. И все это не имеет прямого отношения к развитию основной мысли автора, вводит читателя в сторону от стержневой идеи произведения.

Совершенно ясно, что никакое художественное произведение, тем более крупное, каким является «Аманат», да еще написанное представителем младописьменной литературы, не может быть идеально безупречным. Безупречен и роман О. Хубиева, о чем мы и говорили выше. Но, несмотря на эти недостатки, «Аманат» остается крупнейшим и непревзойденным произведением карачаевской литературы. Он поражает читателя как богатством своего идейного содержания, широтой проблематики и силой общественно-политического звучания, так и своей художественной новизной, неповторимой оригинальностью и профессиональным мастерством автора.

О. Хубиев, автор первой карачаевской трилогии, выступил и как смелый новатор в области языкового строительства. Своим романом он по сути дела создал литературный язык карачаевского народа, обогатив его

элементами устного народного творчества, подвергшимся им глубокой художественной обработке.

Как мы уже отмечали, «Аманат» О. Хубиева ознаменовал собой начало бурного расцвета карачаевской прозы, и все те наши молодые литераторы, которые стремятся создать произведения, достойные нашей героической, созидательной эпохи, учатся на его образцах.

„Как дойти до сердца каждого человека?“

Нет на свете дела труднее,
чем писать простую,
честную прозу о человеке...

Эрнест Хемингуэй

Гитлеровские орды, продолжая свое продвижение вглубь нашей страны, уже рвались к предгорьям Кавказа. Горцы, те, кто, по тем или иным причинам—возраст, пол, болезнь, неотложные нужды тыла и т. д.,—не могли с оружием в руках встать на защиту Отчизны, покидали родные аулы. Среди них была и многочисленная семья старого колхозного табунщика Ибрая. Она выехала на одной из последних машин, увозивших аульчан, когда «уже высохла утренняя роса и начинался ясный и солнечный день, но люди не радовались ему. Поднятая сотнями колес черная удушливая пыль заволокла все вокруг. И так же было черно в душах урбунцев, которые в это роковое утро лишились крова, отчего края, покоя и направились в неизвестность...».

В голубом небе с ревом кружились фашистские стервятники, сбрасывая на мирных жителей тяжелые бомбы. Вот один из них спикировал на машину, где ехала семья табунщика. Оглушительный взрыв. Водителя убило, и машина вместе с людьми, потеряв управление,

стремительно понеслась к пропасти. Гибель была неизбежной. И в самую последнюю минуту жена Ибрая, Айшат, оторвала от груди завернутого в пеленки крошечного мальчика и со словами «да спасет тебя аллах» в отчаянии выбросила его в кусты над пропастью. Машина с грохотом полетела вниз, унося всех, кто в ней сидел, и никто ничего не успел сообразить. А мальчик... он остался жив.

Дальнейшей судьбе мальчика, драматической и в то же время удивительной, и посвятил свою повесть «Адамла»⁹² («Люди») О. Хубиев. Заметим тут же, что название книги носит в себе большое смысловое значение и точно отражает, как мы это заметим дальше, содержание повести, потому что в дальнейшем судьба осиротевшего мальчика сливается с нелегкой судьбой советских людей в те военные годы.

...Мальчика нашли и подобрали русские женщины из ближайшей станицы Мария и Катерина. Мария усыновила его и назвала Борисом. Вскоре после жестокого избиения фашистскими карателями она погибла, спасая партизан. Она была обвинена в связях с партизанами. Бориса забрала к себе Катерина. Но и она через некоторое время погибла при крушении поезда. Судьба в третий раз сохранила жизнь малышу, трижды осиротив его. Мальчик попадает в детский дом. Здесь его усыновляет седая ленинградка, некогда эвакуированная сюда и сейчас работающая в детдоме нянкой. Надежда Петровна, так звали ленинградку, дает мальчонке свою фамилию, и он становится Борисом Никитиным. Так, безымянный мальчик, которого Мария назвала Борисом, имел четыре фамилии: Ельмезов (собственная), Кокубенко (фамилия Марии), Копытков (фамилия Катерины) и Никитин.

В Карачай Борис приезжает уже взрослым человеком в форме советского морского офицера. Он ищет родных, так как Надежда Петровна, умирая, раскрыла ему тайну его жизни. Будучи на родине предков, он звонит в детский дом, где когда-то воспитывался. В переговорной он случайно знакомится со старой Апуаджан. Внучка Апуаджан тоже сирота, но при живых родителях. Это делает Бориса ей близким, родным человеком. Она старается помочь Борису найти своих родных...

Поиски родных приводят Бориса к тому, что он влюбляется во внучку Апуаджан. Судьба сближает молодых людей, и Борис дарит Алимат единственную вещь, что сохранилась у него от четвертой матери — перстень. Молодые люди полюбили друг друга и вместе уехали в Ленинград.

«Не знаю, с чего начинать, — говорит Борис девушке. — Я так долго готовился к этому разговору, что сейчас забыл все слова...»

«Они медленно шли по пустынному скверу с унылыми, засыхающими акациями. В воздухе плавно кружились оранжевые листья, слетавшие с деревьев, и опускались на головы, плечи, мягко шуршали под ногами...»

«Мне трудно произнести то слово, — вздохнув, продолжает Борис. — Может быть, я скажу тебе его, когда научусь говорить на своем родном ... карачаевском языке. А сейчас — возьми вот это...»

«И Борис, вынув из внутреннего кармана кителя небольшую коробочку, протягивает ее Алимат».

«Возьми, Алимат, — говорит он, — это перстень доброй русской женщины, ставшей мне матерью, — Надежды Петровны Никитиной. Это то единственное, что осталось у меня в память о ней. Перстень и на нем ее фамилия. И все...»

Такова вкратце фабула драматической повести «Люди». В карачаевской прозе она выделяется теплотой, искренностью, большой эмоциональной насыщенностью и глубоким гуманизмом.

В образах старой горянки Апуаджан, русских женщин Марии, Катерины, Надежды Павловны, ее брата, полковника Советской Армии в отставке, его дочери Зои писатель обобщил лучшие черты характера советских людей, их душевную красоту, богатство их внутреннего мира, их человечность. Во имя высоких целей каждый из них, как и любой гражданин Страны Советов, готов совершить подвиг, пойти на любые жертвы. Мария, например, погибает, спасая партизан — боевых товарищей своего погибшего мужа. Но перед своей гибелью, она, уходя от преследовавшего ее предателя, спасает приемного сына, успев передать его верным людям. В это время Мария не думала об опасности, угрожавшей ее собственной жизни. Катерина, имея на иждивении четырех своих детей, голодных и раздетых, принимает в семью пятого — Бориса. Умиравшая Надежда Петровна не забывает проявить заботу о карачаевском мальчонке: поручает его своему брату, просит его быть к нему внимательным и ласковым. С особой любовью выписан образ Апуаджан. Это светлая, честная натура, полная веры и любви к людям, готовая сделать все, чтобы они не чувствовали себя одинокими, не знали горя и жили счастливо.

Плеяду положительных героев повести, отмеченных высокими душевными, моральными и патриотическими качествами, в известной мере дополняют образы Ашота, раненого советского воина, Зарият и других, хотя они и являются промежуточными персонажами, необходимыми автору как элемент композиции.

По ту сторону этих образов, как бы в мрачной и смрадной темени, стоят отрицательные типы, столь ярко выведенные О. Хубиевым в своей повести. Их нищенский моральный кодекс — все для себя, и ничего — людям. Поэтому они эгоистичны, злы, завистливы, мстительны. Их ничтожную жизнь омрачает счастье других, они тем только и занимаются, что причиняют боль «близким». Среди них особенно отвратителен облик Ханымсат. Она сама не знает, почему причиняет людям горе и страдание, которым и без того живется нелегко, но в этом она находит какое-то нечеловеческое, противестественное удовлетворение. Ее образ воспринимается нами как воплощение зла. Однако следует сказать, что автору не всегда удается психологически убедительно мотивировать ее поступки.

И все же ни омерзительный образ Ханымсат, ни образы других отрицательных типов не пятнают общий светлый фон повествования, не застилают оптимистический, жизнеутверждающий и глубоко гуманный дух повести. Когда мы переворачиваем последнюю страницу этой замечательной книги, нас охватывает чувство какой-то грусти, словно мы прощаемся с бесконечно дорогими и близкими нам людьми, с которыми проделали в жизни трудный и славный путь, деля с ними и горечь неудач, и радость побед. В этом сила писательского мастерства О. Хубиева и сила эмоционально-эстетического воздействия его повести «Люди».

Семидесятые годы были насыщены выдающимися событиями современности: XXIII и XXIV съезды партии, съезды писателей СССР и Российской Федерации, беспрецедентные успехи советской науки и техники, блестящие успехи советского человека в космосе, достижения литературы и искусства и т. д.

Невиданно активизировалась в этот период и творческая деятельность карачаевских писателей, которые создали целый ряд произведений большой прозы. Написали исторические романы: Магомет Байчоров («Уллы Къарачайда» — «В большом Карачае», 1967), Халимат Байрамукова («Чолпан» — «Полярная звезда», 1970), Кёркез Коркмазов («Горда бычакъ» — «Нож мести», 1970), выпустили повести: Мусса Батчаев («Быть человеком», «Мои земляки», 1966, 1972), Ханафий Эбзеев («На лезвии ножа», «Мушр», 1966, «Наши земляки», 1970), Азамат Суюнчев («Адамлыкъ» — «Человечность», 1968), Ахмат Кубанов («Лучи солнца», 1972), Хыйса Дотдуев («Крылья молодости», 1972) и др.

Как всегда во всей своей литературной деятельности, активно вторгается в жизнь и много, плодотворно работает и О. Хубиев. Он пишет стихи и поэмы, рассказы и очерки. Кроме названной выше повести «Адамла», он выпускает новые книги: «Мурат» («Мечта», 1968), романы «Дерт» («Местъ», 1971), «Джукъусуз кечеле» («Бессонные ночи», 1968). К слову сказать, названия книг у О. Хубиева всегда удивительно емки и точны. Взять хотя бы тот же роман «Бессонные ночи». Бессонные ночи... Это сочетание слов сразу ассоциирует в нашем сознании с образом учителя, который днем учит детей, а ночами сидит над тетрадями, с усталой и нежной улыбкой на лице думая о грядущем этих пытливых, любознательных маленьких граждан советской страны. О них, людях бессонных ночей, об учителях, а в широком смысле — о национальной интеллигенции, которая своим рождением обязана советской власти, и идет речь в романе. Эта тема в карачаевской литературе впервые разрабатывается О. Хубиевым.

В своих произведениях карачаевские писатели пыта-

отся всесторонне отражать жизнь родного народа, запечатлеть его тяжелое прошлое и героическое настоящее, ставят проблемы большой социальной значимости и непосредственно подводят читателя к выводу, что советский общественный строй является самым гуманным, самым справедливым строем, лишь в котором возможен подлинный всесторонний расцвет человеческой личности.

В отличие от многих писателей того времени О. Хубиев пришел в карачаевскую литературу после окончания полного курса рабфака. К тому времени он уже имел книгу стихов, был автором многочисленных рассказов, первой повести на родном языке. И с тех пор вся его жизнь неразрывно связана с литературой, она стала его призванием и любимой профессией. Как уже много раз говорилось, сила произведений О. Хубиева заключается в актуальности проблем, которые решаются в них автором, в их неотразимой художественной и жизненной правде. Поэтому в его уже ранних литературных опытах читатели узнали себя и своих близких или же во многом похожих на себя людей, которых они не находили в произведениях первых карачаевских писателей: Исмаила Акбаева, Иссы Каракотова, Асхата Биджиева, Абидат Боташевой, Азрета Уртеннова, Геммы, Гебеннова, Хасана Аппаева, Абдул-Керима Батчаева, Даута Байкулова и других. Из произведений названных литераторов люди знакомились большей частью лишь с тяжелым и беспросветным прошлым своего народа, и их эмоции заканчивались на том, что они вновь переживали безрадостные события, свидетелями которых были их предки. А с тем новым, что хотел поведать миру молодой О. Хубиев, читатель встречался впервые. Он верил и не верил в то, о чем рассказывал писатель, радовался и удивлялся, словно ребенок, который пер-

вый раз увидел свое изображение в зеркале. Почему? Да потому, что О. Хубиев умело показывал жизнь своих современников. И надо сказать, образ горца-карачаевца советского периода во всех сферах его жизни всегда занимал центральное место в произведениях Хубиева.

Тема о современниках с наибольшей полнотой раскрыта в романе «Бессонные ночи». В нем писатель в ярких убедительных картинах показал судьбу карачевской интеллигенции в революционном движении, показал сложный путь, по которому она шла в годы острых классовых битв в стране.

Правда, с темой о школе, о воспитании молодого поколения мы встречались и в книгах Х. Байрамуковой («Карчаны юдегиси» — «Семья Карчи» и «Таула бла джылла» («Годы и горы»), М. Чотчаева («Студентле» — «Студенты»). Но в них эта тема была побочной, эпизодичной. А «Бессонные ночи» О. Хубиева целиком посвящаются школьным делам первых лет советской власти.

В романе «Бессонные ночи» нас подкупают колоритные образы Суфият, Дыммай, Салимат и других. Они получились интересными, полнокровными и живыми.

Суфият — это типизированный представитель рождающейся национальной интеллигенции со всеми характерными чертами, которые были присущи интеллигенту тех лет. Она горяча, стремительна, глубоко предана идеалам новой жизни, бескомпромиссна и справедлива. Окончив высшее учебное заведение в столице, она вернулась в родной аул и снова стала работать в школе учительницей. Но для ее активной и беспокойной натуры рамки школы оказались тесными. Она не может стоять в стороне от бурных политических и социальных событий. Она принимает живейшее участие в общественной жизни, печется о судьбах горняков, помо-

гает им добрым словом. Член ВКП (б), она по-партийному принципиально решает сложные вопросы о семье и браке, об отношениях к женщине, ведет непримиримую борьбу против байско-феодалных пережитков в быту горцев. Вскоре коммунисты аула избирают ее секретарем своей ячейки. Это высокое доверие удваивает ее усилие в борьбе за новую жизнь. Все ее поступки и дела, психологически хорошо мотивированные автором, логичны и естественны, и потому мы верим ей, вместе с ней радуемся и огорчаемся.

Столь же жизнен и убедителен образ Салимат. Индивидуализация героев художественного произведения достигается, как известно, путем столкновения их идей, мыслей, взглядов, целей и воли, то есть, их характеры ярче, четче проявляются в конфликтных обстоятельствах. О. Хубнев так именно и поступает. В описываемый период среди отсталой части горцев еще существовали старые мерки в оценке достоинств человека: богат — значит, и красив, и умен, и достоин уважения и доверия. А Салимат была дочерью бедной женщины — Гинджи. К Гинджи аульчане проявляли лишь жалостливое сочувствие, но никак не уважение как к человеку. И вот однажды старый Харун, придя в школу, узнает, что учительницей его внуки является дочь Гинджи. Естественно, это его, человека старых взглядов, оскорбило: как же так, дочь бедной женщины, и вдруг — учительница! Это непостижимо. Харун не может поверить этому. И он жалуется школьной уборщице Захрет:

«Тоба,—гоба⁹³, кто бы мог подумать, что эта незавиденькая босоногая девчушка когда-то окончит школу, а потом будет обучать наших детей, а? В странном мире мы родились, Захрет: подумать только, дочь нищей женщины стала настоящим человеком! Кто пове-

лит, если ему скажут, что на терновнике может вырастать виноград? Нет, тут что-то не то. Несомненно, ей помогла какая-то рука. Теперь я понимаю, почему она выставила из класса мою внучку. Нет, мне надо поговорить с Хаширом. Он меня поймет, а эта...»

В это время возле Харуна и Захрет появляется высокая, статная и красивая девушка в хорошо подогнанном синем костюме. Она обеими руками, в знак уважения к старшим, пожимает руку старика и говорит ему:

— Не осуждайте меня, пожалуйста, за мой поступок. Вы, кажется, дедушка Зоечки?

— Правильно, сестра, я дедушка Зон,—удивленно и как-то смиренно произносит Харун, — но я не узнаю тебя.

— Меня многие не узнают, — улыбается девушка. — Меня зовут Салимат, я—дочь Гинджи. Но ничего, пойдемте, пожалуйста, в учительскую. Вы, наверно, долго ждали меня. Простите.

Старик, невольно подчиняясь какой-то силе, исходившей от девушки, последовал за ней. В учительской Салимат заботливо усадила Харуна в кресло и повела обстоятельный разговор по существу дела».

Как видно, все просто и естественно. Но этой сценой писатель добивается более рельефной индивидуализации характера человека новой формации — Салимат, в то же время подчеркивает, что старый мир ощупью ходит в темноте, что некоторые представители этого мира под воздействием нового находят выход к свету, как это случается со старым Харуном. Ведь он, только столкнувшись с Салимат, впервые понял, что мир, в котором он родился, не является странным, он стал просто справедливым.

Роман «Бессонные ночи» состоит из девятнадцати глав, в которых в основном разрабатываются две темы — тема просвещения и тема становления национальной интеллигенции. Они развиваются правильно, дополняя и обогащая друг друга. Сюжетную основу книги, ее движущую силу составляют столкновения двух, взаимно исключающих друг друга, миров: патриархального, что еще сохранилось в быту горцев, и нового, рожденного советской действительностью. Разрабатывая эту тему, писатель включается в решение актуальнейших проблем времени: что сохранить от старого как прогрессивное и что решительно отсеять как реакционное. Мысль автора, его позицию в этом плане отчетливо доносит до читателя финальная сцена романа. Нам думается, что, не будь этой сцены, роман остался бы непонятным и все его неровности трактовались бы как отсутствие у автора писательского мастерства, как противоречивость его взглядов на явления.

В заключительных главах «Бессонных ночей» все акценты расставлены верно и четко, в них автор отошел от манеры, по которой многие наши писатели просто оглуляют отрицательных персонажей в своих произведениях, особенно, если они являются представителями враждебных классов. Подходя к разработке той или иной темы конъюнктурно, они упрощенчески истолковывают историю. По их мнению, человек из другого социального лагеря может быть положительным лишь в том случае, если он полностью порвет со своим лагерем и перейдет на сторону противоположного класса. Видимо, это идет от фольклора. Как известно, в произведениях устного народного творчества (в сказках, легендах и т. д.) враги народа всегда рисовались внутренне и внеш-

не безобразными, коварными и глупыми, лишенными человеческих качеств, а положительные персонажи являлись идеализированными героями. Ясно, в этом сказывались думы, мечты и чаяния народа о светлом будущем. Но в период, когда это светлое стало реальностью, закономерно оглулять врагов. Это в какой-то мере допустимо в отношении к первым прозаическим произведениям карачаевской литературы, в частности, в отношении «Черного сундука», который «еще находится в стихии народного творчества, в котором» фольклорный способ создания характеров и обстоятельств⁹⁴ совершенно не преодолен. Многие из последующих поколений карачаевских прозаиков, следуя традициям «Черного сундука» и создавая картину жизни народа в определенный исторический период, остерегаются отойти от эстетического сознания народа, в течение многих веков воспитанного на традициях фольклора, забывая при этом, что «эстетического арсенала фольклора не всегда было достаточно для создания прозы, стоящей на уровне современного реалистического искусства», что «проза требует обстоятельности исследования жизненных явлений и характеров, анализа формирования чувства, поступка» и потому «основной слабостью многих произведений прозы... остаются донные описательность, статичность, неумение представить жизненный поток во всем его многообразии и единстве⁹⁵. Эти писатели упускают из виду, что наш век — это век людей, глубоко и всесторонне мыслящих, прекрасно понимающих и трезво представляющих себе, что поколению революционеров, боровшихся за наше сегодня, приходилось насмерть биться не с глупцами и простаками, какими они выводятся в некоторых романах, а с целеустремленным, энергичным и коварным врагом.

О. Хубиев, как зрелый литератор, хорошо понимает

эти истины. Потому отрицательные типы его произведений по-своему умны, сильны, хитры и изворотливы. Это Ханымсат («Люди»), Базарбий («Аманат»), Чомур («Месть»). Их голыми руками не возьмешь, как глупых щенят, с ними надо вести острую борьбу как с носителями зла, омрачающими жизнь советских людей, знающих великим делом — ломкой всего старого и созданием нового общества.

В произведениях О. Хубиева встречаются и такие персонажи, о которых карачаевская проза еще ничего или почти ничего не сказала. Мы имеем в виду тех, которые мечутся между положительными и отрицательными типами, имея доступ как к тем, так и к другим. Они, как говорится в народе, пальцем не касаясь холодной воды, хотят вкусно есть, красиво одеваться. Это они рассуждают, выдавая убогую суть своего мещанского мирка: «Змея, которая не укусит меня, пусть проживет сто лет...» Подобное отщепенческо-эгоистическое кредо нашло свое яркое выражение в образах Кати, Хаджибекира («Аманат»), Нанык («Месть»), Солтана («Люди») и др. Эти люди ради своего личного благополучия готовы торговать своей честью, попрасть моральные устои общества.

«Бессонные ночи» — значительное явление в карачаевской литературе и по праву занимает в ней видное место.

Однако следует сказать, что роман, несмотря на все свои несомненные достоинства, не свободен и от серьезных недостатков, от ряда художественных просчетов автора. Попытаемся разобраться в них.

Действие в «Бессонных ночах» начинается со звонка, возвещающего начало занятий. Флегматичный мальчик Аллий опаздывает на урок. Его невозмутимость, хладно-

кровие раздражают учителя Касыма, человека старой закалки, еще не совсем освободившегося от старого понятия, что учитель не друг, не терпеливый воспитатель детей, а администратор, в педагогическом арсенале которого должны быть право повелевать и грубо одергивать. И он зло высмеивает ученика: «Ты что, цыплят, что ли выводил? Марш на место! Или ты сделался кадекой и не можешь двигаться?»

После такой выходки Касыма читатель уже догадывается, что он будет иметь дело с отрицательным типом. И как бы в подтверждение этой догадки, писатель сразу же, как только вводит Касыма в повесть, наделяет его отрицательными чертами: грубая речь, отталкивающая внешность, нелюдимость, ненависть к молодым специалистам. А вот послушать директора школы, так Касым умный, знающий и любящий свое дело: учитель, он строг, требователен к себе и к детям. Может быть, директор, давая ему такую лестную характеристику, из личной симпатии к нему был необъективным? Пожалуй—нет. Потому что, как мы это увидим дальше, в Касыме пока что дремлют положительные качества, которые при благоприятных условиях могут развиваться и изменить его характер. Поэтому директор в какой-то мере прав. Но по замыслу автора, Касым начисто отрицательный персонаж, и он как таковой должен совершать поступки, подлежащие осуждению. Он заставляет его быть в действиях грубым, злым, бестактным человеком, который добивается, чтобы дети трепетали перед ним. Но временами Касым, художественный образ, вызванный к жизни писательским вымыслом, вступает в противоречие со своим создателем, не желая укладываться в схему, уготованную ему писателем. Литературный парадокс, но факт. В подтвержде-

ние этого приведем такой пример. Назбий — сын аульного кулака. Отец хочет воспитать его по своему подобию: жадным, склонным к наживательству, безучастным к страданиям других, помня лишь свои личные интересы. Но у Назбия есть свои взгляды на жизнь, свои планы: он хочет учиться и стать человеком, однако он не может послушаться жестокого отца. И единственным человеком, кто своим чутким сердцем почувствовал, что парень стоит на распутье, явился...Касым. Он решает сделать из Назбия грамотного, честного, полезного обществу человека. На этой почве между учителем и отцом Назбия происходят острые столкновения, которые, выходя за рамки личных ссор, становятся столкновениями классовых интересов людей, стоящих на разных социальных полюсах. Но Касым непреклонен в своем намерении, он продолжает упорно работать над перевоспитанием Назбия. Проходят годы, и Назбий, продолжив учебу в другом месте, становится специалистом, возвращается в родной аул. Это был уже совершенно другой человек. И только теперь он понял труд Касыма. Касым полон гордости, что его труд не пропал даром. Разве это не подвиг со стороны Касыма?

На наш взгляд, интересно задуманный образ Касыма автором не доведен до конца, скомкан, он не сумел проникнуть во внутренний мир своего героя, не сумел разобраться в его сложном и противоречивом характере. Так в чем же причина просчета автора? Думается, она заключается в том, что О. Хубиев, наскоро вылепив образ отрицательного персонажа и не в меру увлекшись описанием его предосудительных поступков, совершенно упустил из виду то основное, что Касым в сущности является человеком передовых взглядов: он одобрительно встретил Октябрьскую революцию, был одним из тех редких

в те годы грамотных горцев, кто создавал первые горские школы, организовывал обучение в них детей трудящихся. Но у него были свои недостатки, которые на первый взгляд казались проявлением его косности, его старых взглядов и т. д. На поводу этого и идет автор повести. Поэтому в событиях, связанных с именем Касыма, не чувствуется борьбы за него, борьбы за то, чтобы перетянуть его на сторону лучших советских специалистов.

Между тем, как известно, Коммунистическая партия в первые же годы Октября выработала основные принципы строительства новой пролетарской культуры. Они сводились к тому, что культура нового социалистического общества должна и может возникнуть только на базе великих завоеваний, культуры прошлого, на основе критического освоения этих завоеваний, что новые кадры социалистического строительства будут вербоваться по двум путям: путем воспитания и образования советской интеллигенции и путем перевоспитания, перевода старой интеллигенции на позиции социализма. Владимир Ильич Ленин неоднократно подчеркивал, «что без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи»⁹⁶.

Он настоятельно требовал «взять всю науку, технику, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем»⁹⁷.

Все это, сыгравшее в свое время огромную роль в укреплении советской власти, не нашло своего должного отражения в романе «Бессонные ночи». Несколько анемичными выглядят в этом плане образы общественно активных героев книги — Суфият, Дыммай и Салимат,

которые прошли мимо Касыма, не нашли в себе живого слова, чтобы помочь ему понять свои ошибки, недостойные советского педагога. Самое непонятное в романе то, что автор, игнорируя логику становления человеческой личности, заставляет Касыма даже сыграть гнусную роль: по воле автора он становится доносчиком на своих коллег по работе. Все это надумано, искусственно сконструировано, и потому читатель не верит в достоверность подобных ситуаций.

Хотелось бы коротко остановиться еще и на образе Хашира. Он в какой-то мере повторяет образ Касыма в той интерпретации, в какой он представлен автором читателю: та же грубость, невыдержанность и бестактность, то же честолюбие, тщеславие и стремление властвовать и плюс ко всему этому — неприкрытый карьеризм. Но в нем больше темперамента, энергии и огня. Он весь в каком-то суетливо-беспокойном движении, в каких-то заботах, в бесконечных столкновениях и спорах со своими коллегами, он читает аульчанам лекции, проводит с ними беседы, посещает дома родителей учащихся и т. д. Можно подумать, что это большой общественник, для которого нет выше интересов, чем интересы народа. Он любит к месту и не к месту повторять, что радость аула—его радость, а его радость—это радость аула. Мы бы могли приветствовать автора романа, если бы образ Хашира им был задуман именно в таком плане, ибо Хашир, как раздвоенная личность, очень колоритен и неповторим. Но О. Хубиев все время старается убедить читателя, что Хашир—это неутомимый энтузиаст, что он бескорыстно всего себя отдает делу просвещения, что он, преданный новым идеалам, просто горит на работе. А читатель—ныне ведь его культурный и интеллектуальный уровень довольно высок—не соглаша-

ется с автором и видит в лице Хашира пустозвонкого резонера и демагога, за видимой бурной общественной деятельностью и пышной фразой которого скрывается стремление показать себя, выдвинуть на передний план свое «Я», стремление пробить себе дорогу к карьере. Мы здесь снова имеем дело все с тем же парадоксальным явлением, когда образ вступает в конфликт с авторским замыслом. Писатель говорит о своем герое одно, а он делает другое, прямо противопоставляя свои действия той характеристике, которую дает ему автор. В самом деле, мог ли допустить поступок Хашир, этот бескорыстный энтузиаст, который он позволил себе в доме родителей девушки, которая бросила школу? Разъяренному Хаширу те объясняют, что их дочь уже взрослый человек, что она даже сосватана и скоро выйдет замуж. Но это его не удовлетворяет, и он, вместо того, чтобы по душам поговорить с этими людьми, вспыхивает пуще прежнего, извлекает из кармана какую-то бумажку и с угрозой кричит: «Видите вот это? Это жалоба на вас на имя председателя аулсовета. Она заставит вас слушать меня!»

Или вот вспомним другую сцену, когда Хашир посещает дом забытого «богом» и людьми, влачащего жалкое существование старика-инвалида. Он пришел сюда, чтобы узнать, почему сын старика Гончар плохо учился, а теперь вот и вовсе бросил школу. И тут только он, этот активный общественник, все время «заботящийся» об улучшении условий жизни аульчан, лицом к лицу столкнувшись с вопиющим нищенством одного из своих односельчан, понял, что Гончар учился плохо и бросил школу из-за тяжелых материальных условий. Кстати, совершенно не верится в столь высокую эрудированность согнутого жизненными невзгодами старика, который сво-

бодно разбирается в сложных вопросах внутренней и международной обстановки. Как же так, недоумевает читатель, старик ведь не слушает радио (его тогда не было), не читает газет (он был неграмотным), не посещает лекции и беседы, не бывает на собраниях аульчан (он был немошен и больше думал о своем близком конце, чем о высокой политике), и вдруг... блестящий эрудит.

Следя за действиями и поступками Хашира, читатель, вопреки утверждениям автора, видит, что он дерзок, но не мужествен, грубо прям, но не честен и беспринципен, в нем есть заинтересованность, но она просыпается в нем лишь в тех случаях, когда он может показать свое «я», есть ненависть, но ее он распространяет без исключения на все старое, в том числе и на то, что досталось нам как бесценный дар; в нем есть вера в жизнь, в строй, но нет веры и уважения к людям. Словом, Хашир — это какая-то раздвоенная личность с явными склонностями к эгоистическому приспособленчеству.

Нам думается, что образ Хашира, как и образ Касыма, писателю явно не удался: он написан торопливо, неубедительно, и самое главное — без достаточной мотивировки его поступков.

И последнее. В романе «Бессонные ночи» почерк О. Хубиева, против нашего ожидания, отмечен известной неровностью. Если последние главы и особенно финал книги написаны мастерски, то на первых главах лежит печать торопливости, в художественном отношении они недоработаны, жизнь в них изображается конспективно, где все события фиксируются с протокольной точностью, и в результате того, что главы здесь как-то наползают друг на друга, композиция про-

изведения становится несколько рыхлой, а развитие сюжета — скачкообразным.

Вот, собственно, все, что мы хотели сказать о недостатках романа «Бессонные ночи». Может быть, мы были несколько резковаты в своих суждениях о них.

Но как говорится, большому кораблю положено большое плавание, а большому писателю следует предъявлять большой счет и большое требование.

* * *

Почему два брата, дети одних и тех же родителей, учащиеся одной и той же школы и, наконец, члены одного и того же общества вырастают разными, не в физическом, разумеется, а в моральном и нравственном отношении? Почему один из них становится передовым рабочим или колхозником, квалифицированным инженером или видным писателем, ученым, то есть, достойным гражданином своей великой страны, а другой превращается в отщепенца, кончающего тем, что в конце концов садится на скамью подсудимых? Какова природа причин, которые порождают уродливые явления в нашей жизни? В чем заключается суть той силы, которая должна вести борьбу с подобного рода отклонениями, силы, призванной воспитать настоящего гражданина, для которого интересы общества превыше всех других интересов?

На эти и многие другие вопросы морально-этического аспекта и пытается ответить О. Хубиев в своей повести «Дерт» («Месть»). Они рассматриваются автором в широком плане и с разных эстетических и художественных позиций, но главное сводится к тому, что он пристальное внимание уделяет духовному об-

лику своих героев, стремясь к целостному и всестороннему раскрытию внутреннего мира современника, раскрытию его личности как в общественной, так и в личной сфере жизни.

В «Мести» О. Хубиев, как и в других своих произведениях, сумел избежать излюбленной некоторыми нашими писателями прием, когда современность изображается на резком контрасте положительного и отрицательного, когда в положительном все идеально положительно, а в отрицательном — все без исключения отрицательно. О. Хубиев как писатель-реалист хорошо понимает, что он имеет дело не с бездушными вещами, а со сложным и противоречивым живым человеческим материалом, и поэтому он ничего не дает в идеализированном изображении. Его положительные персонажи не лишены чисто человеческих слабостей, так же, как отрицательные носят в себе какие-то добрые, пока что дремлющие, качества. За пробуждение и развитие этих качеств и надо бороться — как бы говорит писатель своим произведением, ибо наш социалистический строй создал все необходимые политические и экономические предпосылки для воспитания общественно-сознательного и активного строителя коммунизма. В этом и сила нашего строя.

Война — это противоестественное, античеловеческое явление, она приносит людям неисчислимые бедствия, слезы, голод, разрушение, смерть. Но рубцы, оставшиеся на месте ран, нанесенных ею сердцу человечества, будут вечно напоминать не только о пережитых людьми страданиях, но и о том, что и героические народы Советского Союза, спасая свою Отчизну от гитлеровских погромщиков, спасли и мировую цивилизацию от гибели. Эту истину утверждает О. Хубиев в своей кни-

ге. События в ней развиваются на фоне минувшей войны и отчасти на фоне послевоенной жизни советских людей. Попытаемся это конкретизировать на анализе непосредственных событий, описываемых в повести.

«Главными героями произведения, пишет автор в краткой аннотации к своей книге, являются два брата—Чомур и Хорлам. Старший из них, Чомур, при определенных обстоятельствах, изменил Родине. Не только Хорлам и его друзья, но и весь аул оказался для Чомура чужим. От него отвернулись товарищи, близкие. В произведении прослеживается длинный путь, приведший его к измене. Автор видит главное назначение этой книги в попытке помочь военно-патристическому воспитанию молодежи, воспитанию чести и преданности Родине»⁹⁸.

Личное и общественное, долг и чувство, острые столкновения этих нравственных и моральных категорий — вот что составляет конфликтную основу повести «Мечь». События в ней развиваются в двух направлениях: в личном — это отношения между одним из сквозных героев повести, Чомуром, директором аульской школы и учителем физики той же школы Домалаем. Вторая линия — это отношения между Хорламом и Даум, отношения, которые в книге приобретают общественное значение.

Тяжелые личные переживания Чомура приводят к трагической развязке — он случайно кончает жизнь самоубийством, убив при этом и жену своего старшего брата — Даум. Но последующие большие события как бы заслоняют остроту и трагичность этого случая, он отходит на второй план и воспринимается читателем как нечто тяжелое, но не трагическое. Чтобы показать это, проследим фабулу повести.

У старого колхозника Сапара два сына — Чомур и Хорлам, дочь Нанык. Старик рано овдовел и поэтому сам воспитывает детей. Дочь стала взрослой и вышла замуж, а сыновья еще учатся в школе. К началу войны Чомур учится в восьмом классе. Юноша красив, строен, чистоплотен и считается одним из лучших учеников в классе. Он по-юношески горячо любит юную Даум, единственную дочь учителя физики Домалая, пишет ей записки, встречается с ней, провожает домой. Однажды отец Даум находит в ее сумке три записки, написанные девушке Чомуром, Домалай приходит в ярость, немедленно сообщает о случившемся директору школы. А тот, по натуре бюрократ и бездушный чиновник, вместо того, чтобы с педагогическим тактом помочь молодым людям хорошенько разобраться в своих первых чувствах, безобразно накричал на Чомура, наговорил ему много жестоких и несправедливых слов. Мало этого, он исключил его из школы. Юношу это глубоко оскорбило. Разуверенный в людях, вконец подавленный тем, что в нем грубо растоптаны самые чистые и светлые чувства, он потерянно бродит по аулу. Отец его на кошу в горах, матери, как мы уже знаем, у него нет, а сестра замужем, и парень полностью предоставлен самому себе со своими тяжелыми думами.

Дикий поступок директора школы вызывает в читателе негодование, он также сурово осуждает учителя Домалая, который в угоду старым представлениям о чести семьи искалечил судьбу юноши. Поэтому все симпатии читателя пока на стороне Чомура. Но события развиваются дальше, и читатель горько сожалеет, узнав, что Чомур оказался на скамье подсудимых. За что? По утверждению злоязычной молвы, пу-

щенной, надо догадаться, не без участия Домалая, Чомур пытался обесчестить Даум, за что и привлечен к уголовной ответственности. Тут же хочется мимоходом сказать, что автор, прибегнув к использованию этого банального элемента (сплетни), несколько упрощенно подошел к объяснению драматической ситуации, в которой оказался Чомур, «замаял» ее социальный мотив, связанный с борьбой светлого и нового со старым и косным. Поэтому читатель не верит этому, да и автор, наверное, понимает искусственность этого элемента. Но факт остается фактом: Чомур попадает в тюрьму. Вот здесь и кроется та причина, которая объясняет дальнейшее падение Чомура.

Вскоре после этих событий началась Великая Отечественная война советского народа против гитлеровской Германии. Через четырнадцать месяцев немцы оккупировали аул. Вместе с ними в родные края вернулся и ... Чомур. Гитлеровцы заставили его быть своим проводником. А когда фашисты под натиском советских войск вынуждены были отступать, Чомур вместе с ними ушел на Запад. Только после этого у учителя появляется презрение к Чомуру как к предателю и изменнику. Правда, в пути он попытался отстать от немцев, но это было уже за пределами советской страны. На этой пассивной попытке и прекратилось его сопротивление. Значит, он внутренне был уже подготовлен к измене. За границей Чомур устроился работать, но, как и всякий человек, оказавшийся на чужбине, он вел нищенский образ жизни. Дальше обстоятельства складываются следующим образом. Война кончилась. Советские люди вернулись к мирной жизни. Хорлам, младший брат Чомура, служит в одной из зарубежных частей Советской Армии. И вот здесь он случайно встречает младшего брата. Он убеждает Чомура вер-

чуться на Родину. Но он вернулся домой уже другим человеком: духовно опустошенным, ожесточившимся, беспощадным к себе и к окружающим. Кстати, образ Чомира явно перекликается с образом Мурата из романа «Аманат», но дан в более обнаженном, четко выписанном и драматизированном плане. Дома Чомур узнает, что Даум, из-за которой он по сути дела очутился в стане врагов, стала женой Хорлама. Чомур все еще любит ее. Но это были уже не те чувства, не та искрящаяся привязанность, а скорее — неуёмное желание отомстить. Это и понятно, потому что чужбина привила ему те нравственные качества, которые характерны для капиталистического Запада: индивидуализм, стяжательство, мораль, что человек человеку — волк. Чужой в собственной стране, он видит, что общество мстит ему презрением. Но этому обществу характерен глубокий гуманизм. Чомиру дают возможность искупить свою вину честным трудом. Но он не видит своей вины перед народом и вместо того, чтобы стать на путь честной жизни, он совершает тяжкое преступление: бросает в пропасть машину, в кабине которой рядом с ним сидела Даум. Нет, он не хотел умереть, а планировал отомстить женщине, которая, как он понимал, изменила ему. Поэтому Чомур в самую последнюю минуту хотел выпрыгнуть из машины, но Даум схватила его за пояс, и они погибли вместе.

На примере жизни Чомира читатель убеждается в том, что человек, оторвавшийся от родины и лишенный патриотических чувств, отступивший от моральных принципов своих соотечественников, приходит в конце концов к своему неизбежному позорному концу. Но вместе с тем он понимает, что такие, как Чомур, не саморождаются, а являются продуктом определенных

драматических обстоятельств. В данном случае изначальными носителями зла явились директор школы и учитель физики. Это с их бесчеловечных поступков началось падение Чогура, и образы их в читателях оставляют чувство омерзения, зовя к беспощадной борьбе со всякого рода Домалаями как с чужеродным телом в здоровом организме советского общества. Однако из этого всего не вытекает вывод, что Чогур должен быть прощен. Нет и нет, потому что изменник есть изменник, и единственное, что он заслуживает, — это вечное презрение народа. Чтобы более убедительно подкрепить эту мысль, вернемся еще раз к его образу. Вся его звериная сущность хорошо раскрыта писателем в прологе романа, когда Чогур разговаривает в кабине быстро несущейся машины с Даум.

«— Даум, ради бога, рядом нет ни души, скажи мне, почему разошлись наши пути?— спрашивает он Даум. — Я поклялся выяснить это. Вижу, ты даже ленишься говорить со мной, но рано или поздно ты заговоришь!»

— Как тебе только не стыдно, — возмущается Даум в ответ на его домогания, — я ведь жена твоего родного брата! Разве ты не знаешь этого?

— Не знаю и знать не хочу!—резко отвечает Чогур.—Но те, кто шутят со мной, плохо кончают. Это я твердо знаю».

В последней фразе — весь Чогур и мир, который стоит за ним, мир, непонятный и чуждый советским людям. В приведенной сцене О. Хубиев с великолепным мастерством раскрывает личные качества персонажей в конфликте, который носит глубоко общественный характер. Чогур мстит за себя, за свои неудачи, но за этим личным, как мы говорили, стоит тот растлевающий человеческую личность мир, тот чуждый нам со-

циальный строй, которые, вытравив в Чомуре все человеческое, сделали его соперником родного брата, толкнули на подлое убийство. Правда, при этом гибнет и он сам, но тем не менее его гибель не становится трагедийной, поскольку она была случайной, результатом роковой ошибки самого Чомура, который боролся не ради каких-то высоких целей, а за удовлетворение своего ничтожного и мелочного чувства мести.

В кинофильме «Сорок первый», как мы знаем, Марюта убивает человека, которого она полюбила. Но она, убив его, убивает классового врага во имя идеалов революции. А Чомур? Он убивает Даум во имя своих личных интересов. Поэтому смерть Чомура читатель воспринимает как заслуженную им кару, и этот поступок вызывает в нем лишь чувство омерзения.

Совсем в ином плане вылеплен писателем образ Хорлама. Если можно так выразиться, Хорлам представляет собой как бы обратную сторону медали, но совершенно с другими рисунками. Он, как и Даум, умеет владеть собой, «властвовать над собой», подчинять свои чувства разуму. Любовь для него является не только проявлением естественных чувств, но и той могучей силой, которая облагораживает человека, делает его сильным и добрым, мужественным и нежным. За нее он умеет и бороться, но совсем не такими средствами, какими пользовался его эгоистичный старший брат, а красивыми и возвышающими человека поступками во имя больших целей, скромным поведением, уважением человеческих достоинств в других, верой в людей. Образ Хорлама писатель трактует в лирико-патриотическом плане. Но он, пожалуй, немного традиционен, стилизован, такой, каким обычно некоторые писатели стараются показать положительного персонажа —

непосредственный, обаятельный, мужественный, преданный идеалам новой жизни, честный и неизменный в любви и т. д. Нам кажутся несколько неправдоподобными обстоятельства встречи Хорлама с братом на чужбине. Но в этой сцене автор пытается подчеркнуть то традиционное, о чем мы только что говорили: идейная убежденность, глубокий патриотизм Хорлама, цельность его личности. Когда Чомур спрашивает его, как бы он поступил на его месте, Хорлам твердо и убежденно, но несколько напыщенно отвечает:

«Ни за что бы я не поменял родной аул на чужую страну. Если бы меня здесь даже носили на руках, выстроили для меня сказочный дворец и платили каждый месяц по тысяче рублей жалованья, и тогда бы я не прожил на чужбине ни одного дня! А ты? Ты прячешься от своего народа, от всей страны, у тебя здесь честь собачья, а твои чувства ниже травы. А я на чужбине тоже служу Отчизне, хожу свободно и гордо, ни от кого не таясь, потому что у меня есть Родина...»

Так Осман Хубиев, сталкивая лицом к лицу двух братьев, стоящих на разных политических и моральных полюсах, детализирует духовные качества каждого из них.

Но, к сожалению, образу Хорлама писатель уделяет гораздо меньше внимания, чем образу его брата. В этом, может быть, и кроется причина того, что Хорлам получился бледноватым и сухим, так сказать — «нефотогеничным».

Тепло, с большой любовью выписан О. Хубиевым образ Даум. Правда, она медлительна, немногословна, малотемпераментна. Но эти качества отнюдь не являются признаками ее инертности и индифферентности. Она просто умеет сдерживать до поры до времени свои чув-

ства, умеет все таить в себе: любовь, радость, надежду, страх. Все это делает ее внутренне красивой и душевно богатой. Она знает, что Чомур попал в тюрьму из-за нее. Но она по-прежнему любит его, любит пылко, чисто и честно. Потом она увидела, что Чомур в дни немецкой оккупации стал изменником, а позже узнает, что он же выдал фашистам ее отца. У нее даже сохранилось предсмертное письмо отца, в котором он прямо называет имя предателя — Чомира. И сильная, волевая Даум находит в себе достаточно решимости, чтобы навсегда вычеркнуть из своего сердца человека, которого так любила. И этот шаг ею совершается не потому, что Чомур стал личным врагом, врагом ее рода. В противном случае она не полюбила бы Хорлама, тем более законы предков запрещают родственное и всякое другое сближение семей кровников. Чомур — виновник гибели отца Даум, следовательно, они, члены его семьи — кровные враги семьи девушки. Но Даум — человек новой формации, она — советский человек. И это явилось решающим в том, что она без колебаний выбирает другом своего сердца Хорлама, хотя хорошо знает, что против этого возражают и ее родная мать, и сестра Хорлама — Нанык. Мать говорит ей: «Эта семья (семья Чомира — Н. К.) принесла нам горе. Как же ты не можешь понять, что теперь она — твой кровный враг?» Еще резче говорит об этом Нанык: «Разве девушка, посадившая в тюрьму одного брата, может стать женой другого брата? Да не войдет в наш дом беда, как не войти в нашу семью Даум!» Но Даум верна своему высокому и чистому чувству, хотя и отдает себе отчет в том, как ей будет трудно в семье Хорлама, как ее будут презирать и унижать там, знает, какие сплетни плетут вокруг ее имени аульные кумушки, эти ревностные

Осман Хубиев. 1931 год.

Пусть мой детский мир был вовсе
Не широк, — он был родным.
Знал я все в нем тропинки козьи,
Камни все... Дружил я с ним.

КЕРИМ ОТАРОВ.

XUBIJLANB O.

KOMSOMOL Ç B R L A

QADAL Q. ORINASIZDAT

Moskva 1935

Обложка первой книги О. Хубиева
«Комсомольские песни».

Есть книги, на полках стоящие в ряд...

КАЙСЫН КУЛИЕВ.

Осман Хубиев. 1935 год.

Человек — загадка не только для других,
Но и для себя...

РОМЕН РОЛЛАН.

Осман Хубиев. 1941 год.

Плечи знают твои, что за тяжесть — война...

НАЗИР ХУБИЕВ.

О. Хубиев с супругой Абий Хубиевой.
Тянь-Шань. 1953 год.

А без тебя кого бы я любил?
А без меня кого бы ты любила?

БРОНИСЛАВ ГОҒБ.

Осман Хубиев среди молодых писателей (М. Шаманова,
М. Чотчаев, Б. Кубеков). 1972 год.

Непройденные мною перевалы
Другие покорят, придет пора.
Слова, что не давались мне, бывало,
Отыщут молодые мастера.

КАЙСЫН КУЛИЕВ.

О. Хубиев рассказывает писателям Х. Гашикову,
Т. Семушкину, С. Бабаевскому о работе над трилогией
«Аманат». 1965 год.

Друзья собрались вскруг огонька
Послушать поэта...

КАЙСЫН КУЛИЕВ.

О. Хубиев. Дамаск. 1937 год.

Стран много прекрасных на свете найдется,
Но такой, как страна моя славная, нет!

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ.

Лауреат Государственной премии им. М. Горького
Кайсын Кулиев.

Был пахарем, солдатом и поэтом,
Я видел столько горя, столько бед,
Что кажется порой: на свете этом
Я прожил десять тысяч лет.

КАЙСЫН КУЛИЕВ.

Писатели О. Хубиев, Ф. Липский, М. Братан. 1972 год.

Мы — листья дреза доброго того,
Где друг за друга все до одного.

ЗУЛЬФИЯ.

**Осман Хубиев со своей матерью Мамурхан Хубиевой.
1969 г.**

В моих стихах тепло от молока того,
Которым ты меня в младенчестве вскормила.
В нем — красота лица родного твоего,
И доброта твоя, и мягкость, — может, сила.

КАЙСЫН КУЛИЕВ.

**О. Хубиев среди юных читателей.
1972 год.**

Я, люди, рожден на этой земле
Для того, чтобы вас любить...

КАЙСЫН КУЛИЕР.

I учредительный съезд писателей РСФСР, Москва, 1959 год.
Писатели Ф. Абдулжалилов, Мустай Карим, П. Вершигора,
Х. Гашоков, О. Хубиев.

Надо потратить много времени,
Чтобы стать, наконец, молодым...

ПАБЛО ПИКАССО.

Писатели А. Охтов, И. Боташев, О. Хубиев. 1959 год.

Я думаю, что человек — это мир,
Который стоит иногда любых миров...

АМЕДЕО МОДИЛЬЯНИ.

**Памятник Герою Советского Союза Осману Касаеву
в а. Учкулан Карачаевского района.**

Любящий Родину, я поклоняюсь
Горным вершинам в белом снегу.

КАЙСЫН КУЛИЕВ.

Братья Хубиевы: Магомед (литературовед, прозаик), Осман, Назир (поэт). 1972 год.

Без тебя я — потухший очаг,
Без тебя я что сакля пустая,
Без тебя я давно бы зачах,
А короче — ничто без тебя я.

НАЗИР ХУБИЕВ.

носительницы пережитков старины и любительницы почесать языки. Дело доходит даже до того, что однажды Нанык, придя в магазин, где работает Даум, набрасывается на нее с кулаками. Этот дикий случай как бы сбрасывает пелену с глаз Даум, в ней просыпается активная натура, способная постоять за себя, бороться за свое достоинство, за свою любовь и счастье. Если раньше Даум боялась даже себе признаться в том, что любит Хорлама, боялась встречаться с его родственниками, то теперь она, не таясь ни от кого, прямо и открыто говорит ему об этом, убежденная в том, что в их взаимной любви нет ничего предосудительного, разве только для тех, кто до сих пор еще не освободился от пут обветшалых взглядов на жизнь. И Даум становится женой любимого и любящего человека — Хорлама. Вскоре Хорлам уходит в армию. У Даум рождается от него сын. Она ждет мужа со службы. Она счастлива. Но временами ее счастье омрачается какой-то безотчетной тревогой, она интуитивно чувствует приближение какой-то беды. И вот, как бы подтверждая эти ее недобрые предчувствия, семья Сапара получает письмо от Хорлама. В нем он сообщает, что встретил Чомура, что он возвращается в аул... Что случилось дальше, мы уже знаем.

Так автор, ставя свою героиню в различные драматические обстоятельства, с предельной четкостью раскрывает ее характер. В образе Даум нет неясных, расплывчатых контуров, бледно прочерченных штрихов, что, к сожалению, наблюдается в образах некоторых других персонажей книги.

Взять хотя бы Домалая, отца Даум. Он директор советской школы, более того — член партии. Следовательно, мы вправе были ожидать, что Домалай будет активным, хорошим и гуманным человеком. Но дело не

в этом, мы не можем предложить автору свой рецепт создания образов, устраивающих нас. Однако, как понять поступок коммуниста Домалая с Чомуром? Как согласовать это с нашими понятиями о советском интеллигенте-коммунисте? Из дальнейших событий, связанных с именем этого человека, мы узнаем, что он по сути дела жестокий человек и, как всякий жестокий человек, он слабовольный. К тому же он придерживается в быту старых семейных традиций, в его характере улавливаются даже черты индивидуализма. Правда, он болеет, прикован к постели. Но ведь к моменту, когда немцы арестовали его, он уже поправился и с успехом мог уйти в горы к партизанам. Но он этого не сделал ни как советский гражданин, ни как коммунист. И бесславно погиб без борьбы, без сопротивления. Думается, что противоречивый и по-своему интересный образ Домалая явно недоработан, поступки его недостаточно мотивированы. Поэтому он получился расплывчатым, маложизненным. И, естественно, читатель на нем не особенно останавливает свое внимание, он лишь недоумевает и проходит мимо него.

В отличие от него, Даум прямо-таки приковывает читателя к себе, заставляет его быть участником острой и сложной борьбы, которая происходит как в ее душе, так и вокруг ее имени, переживать вместе с нею все, что касается ее судьбы.

Одной из замечательных черт творческой практики О. Хубиева является то, что ему хорошо удаются и образы отрицательных типов. Не потому, что здесь можно допустить любые вольности, использовать любые темные краски, лишь бы читатель увидел, что перед ним стоит именно отрицательный персонаж. Явления он рассматривает во всем их разнообразии и единстве,

широко прибегая к таким художественным приемам, как параллель, контраст, сопоставление, сравнение. Вот, например, Нанык, сестра Чомура и Хорлама. Ее отвратительную роль мы уже наблюдали в связи с отношениями Даум и ее брата. И здесь тоже, когда мы хотим более подробно остановиться на этом образе, его нельзя понять вне связи с образами Махсюты и его матери—Зурум. Махсют—это молодой, еще неженатый человек. Но он любит Нанык, женщину старше себя, да еще с ребенком от первого мужа, погибшего на фронте. Любовь ослепляет Махсюту, и он не замечает, что Нанык в сути своей ограниченная, суеверная, претенциозная мещанка, интересы которой не выходят за рамки личного счастья и семейного уюта. Поэтому она совершенно безразлична к жизни общества, но чрезвычайно активна, когда от этого общества можно что-либо урвать для себя. Она и Махсюту привязала к себе не потому, что любила его. Он нужен был ей как прикрытия своей безнравственной и развратной жизни. И вот Махсют собирается ввести ее в отчий дом. Но в это время Зурум за его спиной договаривается с родителями Гокки: она хочет женить сына на этой девушке. А Махсют не любит ее. Он крепко привязан к Нанык, тем более, что она ждет ребенка от него. Поэтому он энергично протестует против планов матери. Он решительно объявляет ей, что в тот день, когда Гокка переступит порог их дома как жена его, он уйдет—куда глаза глядят.

«— Не уйдешь! — кричала в ярости Зурум. — Только попробуй, я соберу весь аул и опозорю тебя...»

Зурум— это очень колоритный историко-бытовой, психологический образ, в котором соединились настояще и прошлое, хорошее и плохое. Зурум, разумеется, не желает зла своему единственному сыну. Но она не

гонимает, что ее поступками руководят пережитки прошлого, что она своим поведением выступает в защиту патриархальных устоев в быту.

О «кознях» Зурум узнает Нанык, и она переходит в яростную атаку на Махсюта, требуя от него, чтобы он немедленно ввел ее в свой дом и тем узаконил свою женитьбу на ней. Махсюта охватывает безысходная тоска, он чувствует себя в положении человека, который очутился между двумя огнями. С одной стороны, он понимает, что станет с его матерью, когда она увидит Нанык, да еще беременную, женой своего сына, а с другой стороны, он не может заглушить в себе любовь к Нанык. Ситуация достигает своего наивысшего накала, за которым должна последовать та или иная развязка. Конечно, сильная личность сумела бы найти разумный выход из создавшегося положения. Но Махсют не отличался этим качеством, и он бросается в бурные потоки Кубани.

В центре этих драматических событий во всей наготе стоит мещанская, ничтожная натура Нанык. И все это у О. Хубиева достоверно и убедительно.

Важную роль в повести играет Фатима, черкешенка по национальности. Она живет в карачаевском ауле, муж ее погиб на фронте. Односельчане любят ее и относятся к ней с почтением за ее скромный и мягкий, общительный и по-человечески участливый характер. Они проникаются к ней еще большим уважением, когда она, имея четырех детей, усыновляет еще и больного ленинградского мальчика. К Ильяссу, как она назвала его, она проявляет такую же материнскую любовь, как и к своим детям, и мальчик не чувствует себя чужим в ее семье.

Экономно, без единой лишней детали, но очень пластично и емко рисует автор портрет Фатимы. Через ее

образ О. Хубиев удивительно ясно раскрывает общее в частном. Создавая его, писатель стремится показать ровно столько, сколько ему было нужно для выполнения им авторского творческого замысла: отразить дружбу народов в нашей многонациональной стране.

Значительное место занимает в книге образ Сапара, который вобрал в себя лучшие черты старшего поколения, прожившего в прошлом нелегкую жизнь, и является одним из наиболее удавшихся положительных героев. Сапар по-горски мудр, по-стариковски степенен, трудолюбив: воспитывает детей, косит сено в горах, ухаживает за колхозным скотом, работает по дому. Для него священны такие понятия, как незапятнанная честь, любовь к жизни и людям, преданность Отчизне, принесшей ему и всем таким, как он, свет и счастье, обеспеченную старость. Поэтому он сурово осуждает поведение своего старшего сына Чогура, который испоганил все эти высокие понятия. На правах отца Сапар пытается оказать на него какое-то воздействие, не останавливаясь для этого перед жестокими словами. Когда тот на вороном коне собирается последовать за отступающими немцами, он говорит ему: «Ишак, который покидает свое стойло, становится жертвой волков. Ты не можешь, не должен покинуть Родину, если не хочешь разделить участь того глупого ишака. Конечно, твоя совесть нечиста перед народом. Но он простит тебя, если ты сумеешь искупить перед ним свою великую вину. Не уезжай...»

О том, что Сапар является человеком передовых современных взглядов, говорит тот убедительный факт, что он не только не осуждает Даум, которая вопреки предрассудкам, против воли Нанык, стала членом его семьи, но относится к ней по-отечески ласково, старает-

ся поддержать в ней бодрое настроение. Мало того, ему как-то неловко и стыдно перед ней за Чогура.

В трактовке автора облик Сапара обаятелен, вызывает у читателя глубокую симпатию, производит на него огромное впечатление и крепко западает в его память.

Итак, мы попытались дать творческий анализ повести «Месть» О. Хубиева, определить ее значение в карачаевской литературе и роль, которую она сыграла в дальнейшем развитии национальной прозы, и через это проникнуть в суть художественного метода писателя, уяснить себе его писательскую индивидуальность.

Касаясь значения этого произведения, автор сам писал, что оно заключается в том, чтобы помочь воспитанию советской молодежи в патриотическом духе, в духе преданности Родине. Мы с удовлетворением можем сказать, что О. Хубиев достиг этой благородной цели. Такие яркие положительные образы, как Хорлам, Даум, Сапар, Фатима и другие, помогают нашей молодежи быть честным, духовно богатым, нравственно красивым, преданным идеалам советского общественного строя, быть всегда готовым отстоять их в боях с врагами Родины.

В отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду партии Леонид Ильич Брежнев подчеркивал, что «новый облик советского человека, его коммунистическая мораль и мировоззрение утверждаются в постоянной, бескомпромиссной борьбе с пережитками прошлого. Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжательство, взяточничество, туеядство, клевета, анонимки, пьянство и т. п. Борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании, поступках людей, — это дело, которое требует к себе постоянного вни-

мания партий, всех сознательных сил нашего общества⁹⁹.

В этом плане через образы всяких отщепенцев типа директора школы, Домалая, Нанык О. Хубиев в своей повести «Месть» со всей партийной откровенностью показывает, что в нашем социалистическом обществе все еще наблюдаются уродливые, аморальные и безнравственные явления, пережитки прошлого в сознании и быту советских людей. Но это не безучастный показ недостатков, в нем в то же время звучит страстный призыв писателя к непримиримой и беспощадной борьбе с конкретными носителями подобного рода зла, чтобы сделать Страну Советов подлинной весной человечества.

Надо сказать, что до повести «Месть» карачаевская проза в основном знала произведения, написанные гладко, строго грамотно, в них авторы констатировали лишь общеизвестные и бесспорные истины, старались обходить острые конфликтные обстоятельства. В этом смысле повесть О. Хубиева представляет собой новое явление в нашей литературе. Она в своей основе полемична. Некоторые ее положения, образы и их авторская трактовка являются, несомненно, спорными. Но мы знаем, что полемичность произведения вовсе не является его недостатком, а признаком того, что автор поднимает большие пласты общественной жизни, ставит и пытается решить актуальные социальные проблемы современности. Усилия автора в этом направлении можно только приветствовать и пожелать ему на этом пути новых творческих успехов.

„Горят дрова, чтоб было нам теплей“

Я чувствую, в сердце
моем есть огонь.

Расул Гамзатов

Осман Хубиев, крупнейший прозаик и ведущий поэт, по праву считается основоположником карачаевской советской прозы. Впервые в истории карачаевской литературы трилогия вышла из-под его пера, автором первой повести о карачаевской советской интеллигенции, в частности, учителях первых лет советской власти, также является он. Он же первым ввел в художественную литературу гуманистическую линию, обогатил изобразительные средства ее, язык и стиль. Но главная его заслуга в том, что он создал образ нового героя-современника, ведущего непримиримую борьбу против врагов социалистического общества, за его светлые идеалы и цели, показал образец умения проникать во внутренний мир человека и всесторонне изображать этот сложный и противоречивый мир.

Творческие успехи О. Хубиева — это не только результат его плодотворного труда и большого таланта, но и уровень развития современной карачаевской литературы, где ныне работают такие писатели, как Х. Байрамукова, А. Семёнов, Д. Кубанов, А. Суюнчев, Н. Хуби-

св, М. Батчаев, А. Кубанов, М. Байчоров, С. Лайпанов, Х. Джаубаев, М. Чотчаев и другие... Развитие нашей литературы в свою очередь оказывает влияние на творчество О. Хубиева, и этот взаимосвязанный творческий процесс является той основой, которая обуславливает успешное развитие литературы карачаевского народа как равноправного члена большой семьи многонациональной советской литературы.

Питаясь живительными соками родного фольклора, продолжая и развивая лучшие традиции современной литературы, нередко плодотворно пользуясь достижениями советского реалистического романа, О. Хубиев создает большие полотна, в которых широким планом рисует жизнь и созидательный труд советских людей. При этом он стремится понять не просто современность как таковую, а активно и художественно правдиво изображает революционную действительность во всей ее сложности и конкретности социально-психологических проблем.

Во всех или почти во всех младописьменных литературах рождение и развитие прозы начиналось с освоения исторической тематики. Такой процесс, разумеется, наблюдался и в карачаевской литературе. Так, в тридцатых годах появляется первый карачаевский роман — «Черный сундук» Х. Аппаева. Параллельно с этим произведением создавалась и первая карачаевская повесть — «Абрек». Но она отличалась от «Черного сундука» тем, что в ней автор тоже впервые в нашей литературе разрабатывал тему о советской действительности, которая только-только рождалась и утверждалась в огне великих битв на полях гражданской войны. И эту повесть создал начинающийся писатель Осман Хубиев, на долю которого сейчас приходится добрая половина всей

карачаевской прозы. Цикл рассказов, который предшествовал повести «Абрек», также был посвящен людям тех бурных лет. В них молодой литератор изображал то, что наблюдал сам лично, то, что тогда происходило в аулах советского Карачая.

Многие критики справедливо упрекают прозаиков за то, что они часто обращаются к историческому прошлому своих народов. Так, критик В. Чалмаев пишет: «До каких пор только историческое прошлое, эстетическое освоение которого тоже важно, будет оставаться запоевным полем творческих интересов крупнейших казахских писателей?»¹⁰⁰ Это же самое можно сказать и о карачаевской литературе, если изъять из нее все творчество О. Хубиева, у которого нет ни одного произведения, посвященного историческому прошлому. Но это, по всей вероятности, не только закономерности младописьменных литератур, делающих такой гигантский скачок от фольклора к письменной литературе. Видимо, в этом есть какая-то внутренняя необходимость — всегда помнить о подвигах родного народа в борьбе за свое счастье и свободу, о его славных героях и героинях.

Романы карачаевских писателей («Чолпан» и «Горы и годы» Х. Байрамуковой, «В Большом Карачае» М. Байчорова, «Нож мести» К. Кокмазова, «Голос в горах» Д. Кубанова, «На родине Канамата» Х. Эбзеева) посвящены исторической теме. И О. Хубиев, как бы не желая отличаться от своих собратьев по перу, сейчас работает над эпопеей, в которой намеревается показать трагизм людей, покинувших Родину до Великой Октябрьской социалистической революции. Истории известно, когда муллы, богачи и турецкие агенты вынуждали карачаевцев и другие кавказские народности покидать родные места и переселяться в Турцию, откуда в поис-

ках лучшей жизни расходились по песчаным пустыням Арабского Востока. Чтобы собирать фактический материал будущей книги, писатель дважды ездил за границу, побывал во многих арабских странах, в Турции. В результате этих поездок он написал большую поэму «Блей», по названию одного из карачаевских аулов в Сирии, написал также ряд очерков и рассказов: «Из Москвы в Блей», «Девять дней в Ливане», «Встречи в Дамаске» и др.

Следовательно, обращение к историческому прошлому — это не признак незрелости литературы, не признак молодости и неопытности писателя, не поиск легкого пути в литературе, а естественная необходимость, внутренняя потребность писателя, продиктованные ростом национального самосознания. Известно, что в годы Отечественной войны интерес к героическому прошлому народа чрезвычайно возрос во всей советской литературе. Например, А. Толстой в статье «Что мы защищаем» отмечает великий исторический подвиг русского народа, который много раз за свою тысячелетнюю историю мечом и штыком изгонял с просторов родной земли наезжавших на нее хазар, половцев, печенегов, татарские орды, тевтонских рыцарей, поляков, шведов, французов Наполеона и немцев Вильгельма»¹⁰¹.

Когда фашистские захватчики вторглись в пределы Кавказа (август 1942 года), представители горцев собрались на антифашистский митинг. На митинге с пламенной речью выступил выдающийся азербайджанский поэт Самед Вургун. Обращаясь к народам Кавказа, он говорил: «Пусть в нашей памяти живут бессмертные образы великих предков, образы Тариеэла, Давида Сасунского, Бабека и Кёр-оглы! Пусть бездонные пропасти

неприступных кавказских гор будут могилой для немецких захватчиков»¹⁰².

Народный поэт Дагестана Гамзат Цадаса в эти суровые дни призвал горцев превратить страну в единый военный лагерь. Он сказал: «Жители гор! Я призываю вас по примеру наших славных предков, не щадя жизни, бороться за свободу, за счастливую жизнь, за Советскую власть!»¹⁰³ Узбекские писатели Айбек, Х. Алимджан, И. Султанов, А. Уйгун и др. в своих произведениях показывают образцы героической борьбы узбекского народа в различные периоды его многовековой истории.

Значит, обращение к прошлому вовсе не означает обход трудностей, современности, о чем справедливо говорит и Ш. Елеуменов: «... обращение к исторической тематике не было бегством в прошлое, как это стараются внушить нам некоторые литературоведы сегодня»¹⁰⁴.

И все же современность всегда остается одной из самых острых проблем прозы, без отражения которой литература никогда не может быть полнокровной. Примечательно в этом отношении то, что все творчество О. Хубиева посвящено именно современности, жизни и делам советского человека — защитника завоеваний Октября, строителя коммунистического общества. Его произведения написаны по горячим следам событий, но они не являются сводом, простой регистрацией фактов, в них ясно отображается жизненная правда, утверждается эта правда. Например, раскрывая закономерность победы нашего оружия над фашистской Германией, Осман Хубиев в центре эпоса «Аманат» поставил советский народ, его массовый героизм, рожденный единством его целей: разгромить врага, отстоять свободу и независимость своей Родины и вновь вернуться к прерванному созидательному труду, чтобы продолжить строительство

нового общества, подчеркнул роль ленинской партии в сплочении народа, в укреплении братской дружбы советских людей разных национальностей.

Осман Хубиев создал эпопею о Великой Отечественной войне советского народа в тот период, когда в карачаевской литературе, кроме лирических стихов, ничего еще не было написано о героизме советских людей в годы войны.

Своей трилогией он как бы заставил заговорить всех, кто владел пером. Мы выше отмечали, какие произведения были опубликованы вслед за трилогией Хубиева, идейно и тематически близкие «Аманату». Опыт работы над этим произведением помог писателю создать одну из своих лучших произведений — повесть «Мечь», в которой автор показал глубокое знание жизни и высокое мастерство романиста.

Мысли и чувства писателя, выраженные в его произведениях, волнуют нас сегодня и будут волновать всегда.

Эстетическая мысль Хубиева получила новый, невиданный заряд после XXIV съезда КПСС, мысли и дела которой всегда помогали писателю-коммунисту, писателю-патриоту создавать произведения, достойные нашего времени, героического советского народа, строящего коммунистическое общество под руководством родной партии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хубийланц Осман. Комсомол джырла. Микоян-Шаха, 1936.

² Повесть «Абрек» была сожжена в типографии во время оккупации области немецко-фашистскими захватчиками.

³ Осман Хубиев. Время. Черкесск, 1957.

⁴ А. И. Караева. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966, стр. 179—180.

⁵ Хасан Аппаев (1900—1937)—автор первого карачаевского романа «Черный сундук» (1936).

⁶ А. И. Караева. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966, стр. 159.

⁷ В Теберде имеется около сотни высокогорных озер ледникового происхождения.

⁸ Сыбызгы—национальный музыкальный инструмент типа свирели.

⁹ Из личной беседы автора книги с О. Хубиевым.

¹⁰ Там же.

¹¹ А. И. Караева. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966, стр. 159.

¹² Здесь и дальше переводы прозы подстрочные (Н. К.)

¹³ Тай—ласковое обращение к телятам.

- ¹⁴ К я м а р—женский пояс из серебра с позолотой.
- ¹⁵ Л. П. Егорова. Дороги дружбы. Черкесск, 1969, стр. 64—77.
- ¹⁶ Хубийланы Осман. Джукъусуз кечеле. Черкесск, 1969.
- ¹⁷ В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 41, стр. 304—305.
- ¹⁸ Той—торжество, празднество.
- ¹⁹ М. Горький. Собр. соч., том 30, стр. 86—87.
- ²⁰ М. Горький. Собр. соч., т. 27, стр. 341.
- ²¹ «Неделя», 31 марта, 1968 г.
- ²² В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 28, стр. 80.
- ²³ А. Караева. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966, стр. 108.
- ²⁴ Феоктистов. Литературные организации Северного Кавказа. «Революция и горец», 1934, № 6, стр. 39—40.
- ²⁵ А. И. Караева. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966, стр. 156.
- ²⁶ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 2. Черкесск, 1972, стр. 268.
- ²⁷ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 2, стр. 267—268.
- ²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 240.
- ²⁹ Литературная газета, 7 июля 1971 г., № 28.
- ³⁰ Осман Хубиев. Время. Черкесск, 1957.
- ³¹ Хубийланы Осман. Ант. Черкесск, 1963.
- ³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 93.
- ³³ Хубийланы Осман. Ант. Черкесск, 1963.
- ³⁴ Абезек—молодежный ганец, танец влюбленных.
- ³⁵ В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах, т. 3. М., ГИХА, 1948, стр. 205.
- ³⁶ Георгий Ломидзе. Интернациональный пафос советской литературы. М., 1967, стр. 183.
- ³⁷ Къаракетланы Исса. Революцион джырла (2-чи китабы). Кисловодск, 1931.
- ³⁸ Ёртенланы А. Джырла бла поэмала, Крайнациздат. Кисловодск, 1934.
- ³⁹ Байкъулланы Даут. Залихат. Нарсана, 1935.
- ⁴⁰ В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах. Том 3, стр. 465.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Х. Байрамуклова. Стихи. Черкесск, 1963, стр. 158—181.
- ⁴³ Байрамукъланы Халимат. Залихат. Черкесск, 1963.
- ⁴⁴ Чотчалапы Магомет. Марня, поэма. Сб. «На светлом пути». Черкесск, 1959.

- ⁴⁵ «Джарыкъ джолда». Черкесск, 1969, стр. 19—40.
- ⁴⁶ Джаубаланы Хусей. Шууулдайдыла наратла («Сосны шумят»). Черкесск, 1971.
- ⁴⁷ Здесь и дальше выдержки из поэмы даются в переводе Гервасия Орловского.
- ⁴⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 37, стр. 190.
- ⁴⁹ А. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 14. М., 1947—1953, стр. 102.
- ⁵⁰ «Грозненский рабочий», 6 июля 1941 г.
- ⁵¹ И. А. Бунин. Собр. соч. в пяти томах, т. 4, стр. 431.
- ⁵² И. А. Бунин. Собр. соч. в пяти томах, т. 1, стр. 340—341.
- ⁵³ Хубийланы Осман. Мурат. Черкесск, 1968, стр. 92—102. (Блей—название карачаевского аула в Сирии).
- ⁵⁴ Эдуардас Межелайтис. Ночные бабочки. М., 1969, стр. 290.
- ⁵⁵ А. Берже. Выселение горцев с Кавказа в 1858—1865 г.г. «Русская старина», 1882, февраль, т. 33, стр. 346.
- ⁵⁶ Абрамов. Кавказские горцы. «Дело», 1884, январь, № 1, стр. 65.
- ⁵⁷ И. Дроздов. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе. Сборник, т. 2. Тифлис, 1877, стр. 157.
- ⁵⁸ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1. Ставрополь, 1967, стр. 306.
- ⁵⁹ Х. О. Лайпанов. К истории переселения горцев в Турцию. Труды КЧНИИЯЛИ, выпуск V. Ставрополь, 1966, стр. 120.
- ⁶⁰ Л. П. Македонов. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной стороны Кубанской области. Екатеринодар, стр. 203.
- ⁶¹ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1. Ставрополь, 1967, стр. 307—308.
- ⁶² А. А. Бестужев-Марлинский. Избранные повести. Л., 1937.
- ⁶³ Л. Н. Толстой. Казаки. Собр. соч., т. 3, 1961, стр. 176—177.
- ⁶⁴ А. И. Караева. Очерки истории карачаевской литературы. М., 1966, стр. 180—181.
- ⁶⁵ В. Озеров. Подвека советской литературы. М., 1967, стр. 279.
- ⁶⁶ Там же, стр. 287.
- ⁶⁷ Иван Кузмичев. Заметки о современном военном романе. «Октябрь», № 3, 1965, стр. 185.

- ⁶⁸ Х. Байрамукова. «Залихат». Черкесск, 1963.
- ⁶⁹ Лайпанланы С. «Къарачайны уланы—Белоруссияны джигити». Черкесск, 1964.
- ⁷⁰ Багъатырланы Х. «Ата джурт ючюн». Черкесск, 1963.
- ⁷¹ Къобанланы Д. «Эки заман». Роман, кн. 1. Черкесск, 1965, кн. 2, 1966, кн. 3, 1968.
- ⁷² Эбзеланы Х. «Бычакъны ауузунда». Черкесск, 1966.
- ⁷³ Батчаланы М. «Элчилерим». Черкесск, 1972.
- ⁷⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 346.
- ⁷⁵ Араун—плоская жестяная сковорода, на которой жарили чабанские чуреки.
- ⁷⁶ Хубийланы Осман. «Аманат», книга первая, 1959, стр. 14. (Здесь и дальше все тексты даются в подстрочном переводе автора данной работы).
- ⁷⁷ Адебият газети, № 3, 1942.
- ⁷⁸ «Дагестанская правда», 13 августа, 1942.
- ⁷⁹ «Правда», 9 октября, 1969.
- ⁸⁰ Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970, стр. 347.
- ⁸¹ Намыс—честь, совесть.
- ⁸² Лайпанланы С. Сын Карачая—Герой Белоруссии, 1964, стр. 126.
- ⁸³ «Могилевская правда», 18 декабря 1959 г.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Лайпанланы С. Къарачайны уланы—Белоруссияны джигити. Черкесск, 1964.
- ⁸⁶ «Ленинское знамя», 27 января, 1972 г.
- ⁸⁷ По Ленинским заветам. Черкесск, 1970, стр. 203.
- ⁸⁸ Очерки истории Карачаево-Черкессии, 1972, стр. 253.
- ⁸⁹ В. Новиков. Художественная правда и диалектика творчества. М., 1971, стр. 10.
- ⁹⁰ Л. Толстой. Полн. собр. соч., 1953, т. 14, стр. 328.
- ⁹¹ В. Новиков. Художественная правда и диалектика творчества. М., 1971, стр. 112.
- ⁹² Хубийланы Осман. Адамла («Люди»). Черкесск, 1966.
- ⁹³ Тоба-тоба—возглас удивления.
- ⁹⁴ Г. Ломидзе. Интернациональный пафос советской литературы М., 1967, стр. 199.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 23.

⁹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 55.

⁹⁸ Архив автора повести.

⁹⁹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971, стр. 103—104.

¹⁰⁰ «Дружба народов», 1964, № 1, стр. 266.

¹⁰¹ А. Толстой. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 14, стр. 81.

¹⁰² Очерки истории азербайджанской советской литературы. М., 1963, стр. 190.

¹⁰³ История дагестанской советской литературы. Махачкала, 1967, стр. 135.

¹⁰⁴ Многонациональный советский роман. М., 1966, стр. 207.

БИБЛИОГРАФИЯ

- В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. т. 28, 37, 38, 40, 41, 45, 48.
В. И. Ленин. О литературе и искусстве. М., 1967.

Программа Коммунистической партии Советского Союза, принятая XXII съездом КПСС. Материалы XXII съезда КПСС. Госполитиздат, 1961.

Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. Госполитиздат, 1953.

Постановление ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях». КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. IV. Госполитиздат, 1960.

XXII съезд КПСС и вопросы идеологической работы. Госполитиздат, 1962.

О литературе и искусстве, сборник документов. М., изд. «Советская Россия», 1959.

Л. И. Брежнев. Торжество ленинской национальной политики. «Известия», 29 декабря 1962 г.

Л. Н. Брежнев, Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971.

М. А. Суслов. XXI съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. «Коммунист», № 3, 1963.

* * *

Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет Госполитиздат. М., 1934.

Второй Всесоюзный съезд советских писателей. 15—26 декабря 1954 г. Стенографический отчет. «Советский писатель», М., 1956.

Первый Учредительный съезд писателей Российской Федерации. Стенографический отчет. М., «Советская Россия», 1958.

Третий съезд писателей СССР. 18—23 мая 1959 г. Стенографический отчет. «Советский писатель», М., 1959.

Четвертый съезд писателей СССР. № 21, 22, 1967.

Белинский В. Г. Несколько слов о «Современнике». Собрание соч. в 3-х томах, т. I. Госполитиздат, 1948.

Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года. Собрание соч. в 3-х томах, т. III. Госполитиздат. М., 1948.

Добролюбов П. А. Песни Беранже. Собрание сочинений в 3-х томах, т. I. ГИХЛ. М., 1950.

Чернышевский Н. Г. Критический взгляд на современные эстетические понятия. Полное собрание сочинений, т. II. Госполитиздат. М., 1949.

Плеханов Г. В. Искусство и литература. М., ОГНЗ, 1948.

Плеханов Г. В. Литература и эстетика. ГИХЛ. М., 1958.

Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Госполитиздат. М., 1938.

Плеханов Г. В. Искусство и общественная жизнь. Сборник «Литература и эстетика», т. I. Гослитиздат, 1957.

Лафарг П. Очерки по истории культуры. М., 1962.

Горький М. Письма о литературе. М. Изд. «Советский писатель», 1957, стр. 359.

Горький А. М. О литературе. ГИХЛ. М., 1961.

Горький А. М. О социалистическом реализме. Собр. соч. в 30 томах, т. 27, 1949—1955.

Горький А. М. Об искусстве. Собр. соч. в 30 томах, т. 27. М., 1953.

- Горький А. М. Две пятилетки. Собр. соч., т. 27.
- Горький А. М. Разрушение личности. Собр. соч., т. 24.
- Луначарский А. В. Статьи о литературе. ГИХЛ. М., 1957.
- Айтматов Ч. Повести и рассказы. М., 1970.
- Алексеева Е. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
- Алпева А. Пачев и фольклор. Ученые записки Кабардино-Балкарского ИИИ, т. XXIII. Пальчик, 1961.
- Андрушиков И. Лермонтов. М., 1961.
- Ауэзов М. Мысли разных лет. Каз. ГИХЛ, 1959.
- Аскаров. У истоков киргизской прозы. Литературный Киргизстан, № 4, 1959.
- Анисимов И. Социалистический реализм и современная литература. «Знамя», № 12, 1958.
- Ариф Мамед. Литература азербайджанского народа. Баку, 1958.
- Ахметов З. Казахское стихосложение. Алма-Ата, «Наука», 1964.
- Ардасенов Х. Очерк развития осетинской литературы. (Дооктябрьский период). Орджоникидзе, 1959.
- Бычков Д. и Пипинис Ф. Балкарские советские писатели. Пальчик, 1958.
- Балтин П. Из истории карачаевской поэзии. Черкесск, 1961.
- Балтин П. и Бекизова Л. Литература народов Карачаево-Черкесии. Труды КЧНП. Черкесск, 1959.
- Балтин П. Революционные песни П. Каракотова. Сб. трудов КЧ Госединститута, вып. II. Пальчик, 1959.
- Баскаков В. Воспитание нового человека. М., 1959.
- Бекова Л. Черкесская советская литература. Черкесск, 1964.
- Бекизова Л. Слово о погайской литературе. Черкесск, 1970.
- Благой Д. Закономерности становления русской литературы. М., 1958.
- Боескаров Г. Развитие жанров в якутской литературе. Якутск, 1961.
- Богданова М. Токтогул Сатылганов. Госполитиздат. М., 1959.
- Богданова М. Время новых поисков. «Дружба народов», № 3, 1960.
- Богданова М. От фольклора к письменной литературе. «Вопросы литературы», № 3, 1961.

Бурсов Б. Роман «Магь» А. М. Горького как произведение социалистического реализма. М., 1955.

Бикмухамбетов Р. Обновление перспективы. «Вопросы литературы», № 1, 1963.

Бикмухамбетов Р. Корни уходят в глубину. Литературная газета за 3 марта 1969 г.

Бурсов Б. Национальное своеобразие русской литературы. М., 1964.

Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. Материалы дискуссий 11—12 января 1960 г. ИМЛН. М., 1961.

Виноградов Б. Писатель и жизнь. Грозный, 1962.

Виноградов В. Сюжет и стиль. М., 1963.

Виноградов В. О языке художественной литературы. М., 1959.

В борьбе за социалистический реализм. М., 1959.

Гачев Г. Эпос. Лирика. Театр. М., 1968.

Гачев Г. В ускоренном движении литературы. «Вопросы литературы», № 3, 1963.

Гамзатов Р. Собр. соч. в трех томах. М., 1959.

Галиуллин Т. Пути и горизонты татарской поэмы. «Дружба народов», № 11, 1968.

Георгина М. О некоторых вопросах национальной специфики в марийской литературе. Труды Марийского ИИИ. Йошкар-Ола, вып. 1958.

Гете В. Об искусстве. «Искусство». М.-Л., 1936.

Гейденко В. Полнокровный жанр. «Дружба народов», № 8, 1968.

Гей Н. и Пискунов В. Эстетический идеал советской литературы. М., 1962.

Гоффеншефер В. Кабардинская художественная проза. Сборник статей о кабардинской литературе. Пальчик, 1957.

Горбунов Е. Идеи, конфликты, характеры. М., 1960.

Давлетов К. Фольклор как вид искусства. «Наука». М., 1966.

Дадгат У. Фольклор и литература народов Дагестана. М., 1962.

Днепров В. Черты романа XX века. М.-Л., 1965.

Днепров В. Проблемы реализма. Л., 1961.

Джалал М. Школа мастерства. «Дружба народов», № 2, 1968.

Джусойты Н. О национальной самобытности писателя. «Вопросы литературы», № 12, 1968.

Дрягин К. Патетическая лирика пролетарских поэтов эпохи военного коммунизма. Вятка, 1933.

Друзин В. Стиль современной литературы. Л., 1929.

Дымшиц А. Лирика раздумий. «Знамя», № 4, 1964.

Егоров А. Единство содержания и формы в реалистическом искусстве. М., 1951.

Егорова Л. О романтическом течении в советской прозе. Ставрополь, 1966.

Егорова Л. Дороги дружбы. Черкесск, 1969.

Ершов Л. Образы героической советской молодежи в литературе. М., 1959.

Ершов Л. Русский советский роман. «Наука». М., 1967.

Ермилов В. О традициях советской литературы. М., 1955.

Ермолаев А. Герой, сюжет, характер. «Дружба народов», № 10, 1968.

Зигиатуллин Х. Пути развития башкирской литературы. М., 1954.

Зелинский К. Литературы народов СССР. М., 1957.

Зелинский К. Что дают литературы народов СССР русской литературе. В кн. «Пути развития советской многонациональной литературы». «Наука», 1967.

Зелинский К. Мир сегодня и проблемы национальной литературы. «Иностранная литература», № 12, 1962.

Зухба А. Фольклор и становления абхазской художественной прозы. Кандидатская диссертация. М., 1967.

Иезуитов А. Проблема характера в эстетике и литературе. Сб. «Проблема характера в современной советской литературе». Изд. АН СССР. М., 1962.

История русского романа в 2-х томах. М.—Л., 1962—1964.
История дагестанской советской литературы в 2-х томах, т. 1. Махачкала, 1967.

Иванов В. Формирование идейного единства советской литературы 1917—1932. Гослитиздат. М., 1960.

Калмыков И. О культуре и быте народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1970.

Карачева А. Становление карачаевской литературы. Черкесск, 1963.

Карачаева А. Очерк истории Карачаевской литературы. М., 1966.

Карачаево-Черкесия за 40 лет Советской власти. Черкесск, 1957.
Карачаево-Черкесия за полвека. Черкесск, 1972.

Карачайлы И. Когда немые заговорили. «На подъеме», Ростов Н/Д, № 10, 1928.

Карачайлы И. Писатели и поэты Карачая. «На подъеме», № 2, 1929.

Капсеева Л. Кабардинская советская проза. Нальчик, 1962.

Капиева Н. Становление молодой литературы.

Кагъыйланы Н. Тште барыб. Черкесск, 1965.

Кагиева Н. Халимат Байрамукова. Черкесск, 1966.

Кор-Оглы. Узбекская литература. М., 1968.

Кожинов В. Происхождение романа. М., 1963.

Крамов И. Литературные портреты. М., 1962.

Кублис В. Пути литовской прозы. «Дружба народов», № 7, 1968.

Корзун В. Литература народов Северного Кавказа (дооктябрьский период). Грозный, 1966.

Корзун В. Фольклор горских народов Северного Кавказа. Грозный, 1966.

Лапкунтис И. Изображение национального характера в литовской литературе. «Проблемы развития литератур народов СССР». М., 1964.

Лайпанланы Сант. Заманла ушагы. Черкесск, 1967.

Ломидзе Г. Единство и многообразие советской литературы. М., 1957.

Ломидзе Г. Интернационализм и национальные традиции в литературе. «Вопросы литературы», № 2, 1961.

Ломидзе Г. Литературно-критические статьи. Тбилиси, 1962.

Ломидзе Г. Методические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогащения советских литератур. М., 1963.

Ломидзе Г. Интернационализм и национальные традиции в литературе. «Вопросы литературы», № 2, 1961.

Ломидзе Г. Литературно-критические статьи. Тбилиси, 1962.

Ломидзе Г. Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогащения советских литератур. М., 1963.

Ломидзе Г. В поисках нового. Статьи о проблемах национальных литератур. М., 1963.

Ломидзе Г. Интернациональное и национальное в творчестве советских писателей. «Коммунист», № 17, 1966.

Ломидзе Г. Интернациональный пафос советской литературы. М., 1967.

Лотман Ю. Анализ поэтического текста. Л., 1972.

Лизунова З. Современный казахский роман. Алма-Ата, 1964.

Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения. «Вопросы литературы», № 8, 1968.

Муратова К. Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.-Л., 1957.

Могилевская Г. Проблема конфликта в произведениях советской литературы о деревне. М., 1954.

Многоснациональный советский роман. «Мысль. М., 1966.

Мурзаев М. Чеченская литература на путях социалистического реализма. Грозный, 1963.

Неупокоева П. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур. Материалы дискуссии. ИМЛН АН СССР. М., 1960.

Неупокоева П. Проблемы взаимодействия современных литератур. М., 1963.

Никитина Е. Проблема положительного героя в русской советской поэме периода Великой Отечественной войны. Саратов, 1953.

Нурмухамедов М. Влияние русской литературы на развитие советской каракалпакской литературы. М., 1953.

Нусупов Дж. Руководящая роль Коммунистической партии в развитии русско-киргизских литературных взаимосвязей. Фрунзе, 1966.

Орбаева Р. Азрет Уртепов. Черкесск, 1971.

Очерк истории азербайджанской советской литературы. М., 1963.

Очерк истории бурятской советской литературы. Улан-Уде, 1959.

Очерки истории Ставропольской организации КПСС. Ставрополь, 1970.

Очерк истории мордовской советской литературы. Саранск, 1956.

Очерки истории киргизской, советской литературы. Фрунзе, 1961.

Очерки истории Карачаево-Черкесии, в 2-х томах. Черкесск, 1967, 1972.

Очерки истории дагестанской советской литературы. Махачкала, 1957.

- Очерки истории казахской советской литературы. Алма-Ата, 1958.
- Очерки истории чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963.
- Осетинская литература. Гослитиздат, М., 1952.
- Оскоцкий В. Литературный герой и его национальный характер. «Дружба народов», № 5, 1966.
- Османова З. К проблеме традиций и новаторства в таджикской поэзии. «Вопросы литературы», № 7, 1957.
- Османова З. Проблемы традиций и новаторства в литературах Средней Азии. М., 1962.
- Османова З. Геронко-романтическая традиция и современность. Проблемы развития литератур народов СССР. «Наука» М., 1964.
- Огнев В. Поэзия и современность. М., 1961.
- Огнев В. У карты поэзии. М., 1968.
- Озеров Л. Работа поэта. М., 1963.
- Озеров В. Полвека советской литературы. М., 1967.
- Пархоменко М. К достижению полного единства. «Национальное и интернациональное в литературе и искусстве». М., 1964.
- Петров С. Реализм. Изд. «Просвещение», 1964.
- Проблемы социалистического реализма. Изд. «Советский писатель». М., 1961.
- Петросян А. Многонациональное единство. «Октябрь», № 2, 1962.
- Пиксанов И. Горький и национальные литературы. Гослитиздат. М., 1946.
- Писатели народов СССР. Изд. АН СССР. М., 1962.
- Проблемы развития литератур народов СССР. М., 1964.
- Пухов Ю. Живые родники. М., 1968.
- Пути развития современного советского романа. Сборник материалов научной сессии. АНА СССР. М., 1961.
- Пути развития советской многонациональной литературы. М. «Наука». 1967.
- Перцов В. Подвиг и герой. М., 1946.
- Рожаненко В. Рождение романа. «Вопросы литературы», № 11, 1958.
- Романенко Д. У могучих истоков. Сов. писатель. М., 1963.
- Сборник «Писатели Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1966.
- Сборник «Писатели Кабардино-Балкарии». М., 1935.
- Сборник статей о кабардинской литературе. Пальчик, 1957.

Социалистический реализм в литературах народов СССР. М. Изд. АН СССР, 1962.

Сучков Б. Исторические судьбы реализма. М., 1967.

Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении.

Образ, метод, характер. М., 1962.

Теория литературы. Роды и жанры литературы. М., 1964.

Теория литературы. Стилъ, произведение, литературное развитие. М., 1965.

Тимофеев Л. Основы теории литературы. М., 1963.

Томашевский Б. Стих и язык. М.-Л., 1959.

Тутукова М. Становление и развитие адыгейской худ. прозы. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1966.

Турков А. Поэзия созидания. М., 1962.

Труды Карачаево-Черкесского ИИИ, вып. III (серия филологическая), 1959.

Трощенко Е. Статьи о поэзии. М., 1962.

Улит А. Вопросы социалистического реализма. М., 1959.

Хамраев М. Основы тюркского стихосложения. Алма-Ата, 1963.

Хапсироков Х. Отражение дружбы русского и черкесского народов в художественной литературе. Черкесск, 1957.

Хапсироков Х. Национальное своеобразие литератур адыгских народов. Черкесск, 1960.

Хапсироков Х. Некоторые вопросы адыгских литератур. Ставрополь, 1964.

Хапсироков Х. Пути развития адыгских литератур. Черкесск, 1968.

Хлебников-Шниар Г. Становление чувашского романа. «Дружба народов», № 3, 1962.

Хубийланы М. Къарачай-малкъар совет халкъ джырла. Черкесск, 1968.

Хочуев С. Живительный источник. Газ. «Социалистическая Кабардино-Балкария», 18 июня 1941.

Чалмаев. Литература судьбы народной. О путях развития и новаторства многонациональной литературы. Изд. «Знамя» М., 1966.

Чалмаев В. Мир в свете подвига. М., 1965.

Чарный М. Жизнь и литература. М., 1957.

Черный К. Пушкин и Кавказ. Ставрополь, 1950.

Чернышев В. Писатель Карачаево-Черкессии. «На подъеме»
Ростов — Н/Д, № 4, 1930.

Чичерин А. Возникновение романа-эпопеи. М., 1958.

Чимпой М. Новые качества эпического. «Дружба народов»
№ 12, 1958.

Шамота Н. О художественности. М., 1958.

Щербина В. Ленин и вопросы литературы. М., 1961.

Щербина В. Наш современник (Концепция человека в литературе XX столетия). М., 1964.

Шкловский В. Художественная проза. М., 1960.

Шкерин М. Советский характер. М., 1963.

Эльсберг Я. Социалистический реализм и классическое наследие. М., 1960.

Аппаланы Хасан. Къара кюбюр. Черкесск, 1959.

Багъатырланы Х. Ата джурт ючюн. Черкесск, 1963.

Байрамукъов Х. Стихи, Черкесск, 1963.

Байрамукъланы Х. Къарчаны юйдегиси, Черкесск, 1962.

Байрамукъланы Х. Залихат, Черкесск, 1963.

Байрамукъланы Х. Джылла бла таула, Черкесск, 1964.

Байрамукъланы Х. Тишируну хапары. Черкесск, 1965.

Байрамукъланы Х. Чолпан. Черкесск, 1970.

Байчораланы М. Уллу Къарачайда, Черкесск, 1965.

Батчаланы М. Элчилерим. Черкесск, 1972.

Батчаев Мусса. Быть человеком. Ставрополь, 1966.

Дотдуланы Х. Джашлыкны джолунда. Черкесск, 1972.

Джаубаланы Х. Шуулдайдыла паратла. Черкесск, 1971.

Къоркъмазланы К. Горда бычакъ. Черкесск, 1969.

Къобанланы А. Кюн таякълa. Черкесск, 1972.

Къобанланы Д. Таулада таууш, Черкесск, 1963.

Къобанланы Д. Эки заман, 1-и таб, Черкесск, 1964.

Къобанланы Д. Эки заман, 2-и таб, Черкесск, 1965.

Къобанланы Д. Эки заман, 3-и таб, Черкесск, 1966.

Лайпанланы С. Гургумлу. Черкесск, 1971.

Семенланы А. Джазуу айла. Черкесск, 1966.

Сююпчланы А. Адамлыкъ, Черкесск, 1965.

Хубийланы Осман. Комсомол джырла. Микоян-Ша-
хар, 1936.

Осман Хубиев. Время. Черкесск, 1957.

Хубийланы О. Аманат, 1-и таб, Черкесск, 1959.

Хубийланы О. Аманат, 2-и таб, Черкесск, 1960.

- Хубийланы О. Аманат, 3-чю китаб, Черкесск 1964.
Хубийланы О. Ант, Черкесск, 1963.
Хубийланы О. Адамла. Черкесск, 1966.
Хубийланы О. Джукъусуз кечеле. Черкесск, 1969.
Хубийланы О. Мурат, Черкесск, 1968.
Хубийланы О. Дерт, Черкесск, 1971.
Хубийланы М. Аланны хапарлары, 1965.
Эбзеланы А. Махти. Черкесск, 1967.
Эбзеланы Х. Бычакъны ауузунда. Черкесск, 1966.
Эбзеланы Х. Къанаматны журтунда. Черкесск, 1969.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Молнии высекаются небом...»	3
«Тот уголок земли, где ты увидел свет...»	14
«Мужество не спрашивает, высока ли скала»	57
«Творить—значит убивать смерть»	115
«Как дойти до сердца каждого человека?»	180
«Горят дрова, чтоб было нам теплей»	216
Примечания	222
Библиография	227

Кагиева Назифа Магомедовна

СУДЬБА СТРАНЫ — СУДЬБА ТВОЯ

Очерк творчества

240 с. с ил.

Редактор Ф. А. Абдулжалилов.

Художник Ф. И. Марков.

Худож. редактор М. П. Бертин.

Техн. редактор Э. Т. Агирбова.

Корректоры: В. И. Буяльская, К. А.-Н. Салпагарова.

Сдано в набор 5-III-1973 г. Подписано в печать 20-VIII-1973 г.

Формат 70x108 $\frac{1}{32}$. Физ. п. л. 7,5+0,5 п. л. вкл.

Усл. п. л. 10,5+0,7 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 9,7+0,75 вкл.

Тираж 1000 экз. Заказ № 1083. ВУ 02227. Цена 60 коп.

Карачаево-Черкесское отделение
Ставропольского книжного издательства.
Черкесск, пл. Кирова, Дом печати.
Карачаево-Черкесская областная типография,
Черкесск, Первомайская, 47.

60 к.